

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь

Российский центр науки и культуры в Гомеле

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В СВЕТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2018

УДК 811.16:398.92(082)

Славянская фразеология в свете современных лингвистических парадигм : сборник научных статей / редкол. : В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Рос. центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – 227 с.
ISBN 978-985-577-457-1

В сборнике представлены статьи, в которых отражены результаты исследования фразеологических единиц славянских языков в лингвокультурологическом, когнитивном и сопоставительно-типологическом аспектах. Значительная часть работ посвящена решению проблем славянской фразеологии с опорой на компьютерные технологии.

Адресуется специалистам в области лингвистики, преподавателям, аспирантам и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Сборник издан при финансовой поддержке Российского Центра науки и культуры в Гомеле

Редколлегия:

В. И. Коваль (отв. ред.), И. Г. Гомонова,
Е. В. Ничипорчик, И. В. Серикова, С. А. Егорова

Рецензенты:

доктор филологических наук О. А. Лещинская,
кандидат филологических наук С. И. Лебединский

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-577-457-1

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2018

**РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *СЕРДЦЕ*
И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(по материалам Национального корпуса русского языка)**

А. А. Аксёнчикова

В данной статье исследуются русские и китайские фразеологизмы с компонентом “сердце”, выражающие характеристику внутреннего, психоэмоционального состояния человека; качественную оценку человека; характеристику действий и / или состояний человека.

***Ключевые слова:** фразеологизм, семантика, культура, языковая картина мира, социокультурные особенности.*

This article examines the phraseological units of the Russian and Chinese languages, which use “the heart” component with the meaning of the characteristic of the internal, psycho-emotional state of a person; qualitative assessment of a person; characteristics of actions and / or states of a person.

***Key words:** phraseological unit, semantics, culture, language picture of the world, social and cultural features.*

Фразеология как фрагмент языковой картины мира выражает материальную и духовную культуру народа. Как в русском, так и в китайском языках фразеологизмы имеют социокультурные особенности. Под фразеологической единицей (ФЕ) мы понимаем «семантически неделимое, устойчивое сочетание слов, целостное обобщенно-переносное значение которого сформировалось на основе семантической трансформации словесного комплекса-прототипа» [1, с. 17].

Фразеологизмы с компонентом *сердце* широко известны и активно используются в речи носителей русского языка. Компонент *сердце* обладает большой фразеобразовательной активностью, основанной на его яркой образности и наличии большого количества переносных значений. Рассмотрим фразеологизмы с данным компонентом на материале Национального корпуса русского языка [2].

Лексема *сердце* в современном русском языке многозначна. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой зафиксированы следующие ее значения:

1) центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка (у человека в левой стороне грудной полости);

2) перен. Этот орган как символ души, переживаний, чувств, настроений;

3) перен. Важнейшее место чего-нибудь, средоточие;

4) символическое изображение средоточия чувств в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного сверху, книзу сужающегося и заостренного [3, с. 712].

Рассматриваемое слово как компонент фразеологизмов употребляется в русских устойчивых сочетаниях, для которых имеются соответствия в китайском языке. ФЕ с компонентом *сердце* образуют фрагмент фразеосемантического поля «Человек», в котором выделяются разные фразеосемантические группы:

1. ФЕ со значением качественной оценки человека. Как в русском, так и в китайском языках компонент *сердце* используется для описания характера людей. Например, рус. *золотое сердце: Ты ведь добрый мальчик, у тебя золотое сердце* (Владимир Личутин. Любостай (1987)); – *Превосходнейший человек... Золотое сердце... – Сколько ему лет?* (К. М. Станюкович. Похождения одного матроса (1900)); *каменное сердце: Молодая княгиня была так прекрасна, так была образована, так умна, что с первого свиданья умгла растопить каменное сердце суроваго свекра...* (П. И. Мельников-Печерский. Старые годы. Рассказ // «Русский вестник», 1857); *Чужая щедрость, как и чужая бедность, тоже не могла тронуть его каменное сердце* (Александр Волков. Да здравствует..! // «Знание – сила», 2008).

В китайском языке данным ФЕ соответствуют фразеологизмы: 铁石心 (букв. железное сердце) *сердце как камень*, 心狠手辣 (букв. жестокосердный и беспощадный человек).

2. ФЕ со значением характеристики внутреннего, психоэмоционального состояния человека. Компонент *сердце* используется для описания следующих чувств и переживаний:

– душевная боль, страдания. Сравн. рус. *сердце болит: Сердце болит, как представляю, что мой брат лежит на чужбине* (Петрова Зинаида. Играет духовой оркестр... // Труд-7, 2000.05.06); *сердце кровью обливается: У меня сердце кровью обливается, когда учебные здания отдают в руки коммерции, что негативно влияет на образовательный процесс* (Алена Сивкова. На месте МГГУ могут построить торговый центр «Октябрь Плаза» // Известия, 2013.11.19 Булат, Ростов-на-Дону); *У меня сердце кровью обливается, когда я вижу, как страдает народ Киргизии* (Демократия по-киргизски. Что ждет страну? // РИА Новости, 2006.11.13). Соответствия в китайском языке: 万箭穿心 (букв. десять тысяч стрел в сердце) *пронзенное болью*

(стрелой) сердце; сердце кровью обливается; 锥心泣血 (букв. сердце плачет кровью) сердце кровью обливается;

– сильный страх. Сравн. рус. *сердце падает: А все-таки сердце падает, когда я развертываю газету с этими страшными, бесконечными списками погибших: «Вечная память, вечная слава»* (В. А. Каверин. Перед зеркалом (1965–1970)); *сердце замирает: Сердце замирает при каждом подобном выстреле – передать трудно* (В. Н. Гельфанд. Дневники 1944–1946 гг.). Данный фразеологизм, однако, может обозначать не только чувство страха, но и состояние умиротворения, радости: *Он ей сказал такие удивительные слова, что, вспоминая их, ее сердце замирает от счастья* (Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)). Для приведенных русских фразеологизмов в китайском языке находим следующие соответствия: 心有余悸 (букв. сердце часто бьется) *не оправиться от испуга*; 心惊肉跳 (букв. сердечный приступ) *в страхе не находить себе места*;

– беспокойство, тревога. Сравн. рус. *кошки скребут на сердце: Можно сказать, что интерес к моей персоне угас. – Кошки скребут на сердце? Мол, все плохо...* (Павел Садков. Вратарь Руслан Нигматуллин: Фанаты обо мне забыли? В петлю не полезу // Комсомольская правда, 2004.12.10); *скребет на сердце: Казалось, нужно было бы радоваться, а у меня что-то все скребет и скребет на сердце* (Юрий Казаков. Из дневника 1949–1953 гг.). В китайском языке данным ФЕ соответствуют следующие фразеологизмы: 万箭穿心 (букв. десять тысяч стрел в сердце) *пронзенное (стрелой) сердце*; 提心掉胆 (букв. с замиранием сердца);

– душевный покой. Сравн. рус. *отлегло от сердца: Но у меня отлегло от сердца, и я с облегчением заговорил о чем-то постороннем* (Ю. Бережной, А. Иващенко. Изба, букварь, березы, а потом... (1961) // «Комсомольская правда», 1961.04.14); *камень с сердца свалился: Хотя центр фактически вообще не был затронут, Оля Чеперуха призналась, что у нее прямо камень с сердца свалился* (Аркадий Львов. Двор (1981)). В китайском языке данным ФЕ соответствует фразеологизм 心安理得 (букв. со спокойным сердцем).

3. ФЕ, выражающие характеристику действий или состояний человека. Сравн. рус. *всем сердцем: Несмотря на то что писатель много путешествовал, край свой он любил всем сердцем* (Ольга Гопало. Сергей Урсуляк взялся за экранизацию «Тихого Дона» // Комсомольская правда, 2013.07.31); *от чистого сердца: Он также призвал бороться с коррупцией от чистого сердца: Надо присоединяться к тем, кто честен* (Сурков приравнял оппозиционеров

к коррупционерам // РБК Daily, 2011.04.13). *Я каждой желаю успеха и, кто бы ни выиграл, буду рада от чистого сердца* (Расказова И. Ирина Чащина: Хочу увидеть, как искры отскакивают от ковра! // Советский спорт, 2010.09.23); *от всего сердца: Своих гостей старик презирал от всего сердца: разве это настоящие господа, – так, шантрапа разная набралась* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Клад (1889)); *Чтобы прийти к этому в нашей жизни, необходимо научиться милости у Бога, прощению от всего сердца* (Дик Вилли пастор. Прости и прощён будешь // Труд-7, 2003.10.31). Соответствия в китайском языке: 赤胆忠心 (букв. преданное сердце) верой и правдой; 心慈面善 (букв. жалостливый, сердобольный).

Особенно часто слово *сердце* олицетворяет любовь, соединяющую в себе самые разнообразные переживания. Это нашло отражение в целом ряде русских фразеологизмов: *находить доступ (путь, дорогу) к сердцу* ‘добиваться, вызывать чье-либо расположение, любовь, симпатию и т. д.’: *Любовь, внимание, искренность помогут найти путь к сердцу* любого (Бастрич Александра. 28–31 Июля // Труд-7, 2007.07.28); *покорять сердце* ‘внушать любовь к себе, заставлять полюбить себя’: *И, чтобы быть увековеченным в металле, нужно совсем немного – всего лишь покорить сердце Мексики* (Михаил Белят. В мексиканском городе Гвадалахара проходит фестиваль марьячи // РИА Новости, 2006.09.05); *Только один раз воспользовался славой, чтоб покорить сердце красавицы Зои* (Корец Марина соб. корр. «Труда». Сын полка разжалован в пасынки // Труд-7, 2001.07.13); *отдавать сердце* ‘любить кого-нибудь’: – *Я могла бы отдать сердце только военному, – сказала она однажды Кипренскому* (К. Г. Паустовский. Орест Кипренский (1936)); *предлагать руку и сердце* ‘предлагать выйти замуж за кого-либо’: *Потеряв голову, на этом не останавливаются – начинают предлагать руку и сердце* («Параллель» // «Студенческий меридиан», 1984); *Вопреки очевидной старомодности я предпочитаю два нижеследующих: сочетаться законным браком и предложить руку и сердце* (В. А. Каверин. Верлиока (1981)); *отдавать руку и сердце* ‘соглашаться стать женой кого-либо’: *Последняя одинаково благосклонно относилась к обоим влюбленным и не знала, кому, отдать руку и сердце...* (неизвестный. Вести 913.05.31) // «Мариупольская жизнь», 1913); *открыть свое сердце* ‘в полной мере выразить свои чувства’: *Как трудно сделать шаг – открыть свое сердце чужому ребенку как родному...* (Проклова Анна. Ты не сирота // Труд-7, 2007.02.06); *Ключ жених с невестой кидают в Москву-реку, чтобы никто и никогда больше не смог открыть сердце любимого* (Елена Панкратьева, Фото Ивана Тимошина.

На Третьяковском мосту для молодоженов посадили Дерево любви // Комсомольская правда, 2007.05.11). Для приведенного русского фразеологизма в китайском языке обнаруживаются следующие соответствия: 心心相印 (букв. любить друг друга); 一见倾心: (букв. полюбить с первого взгляда).

Иногда в русском языке, в отличие от китайского, компонент *сердце* может использоваться для выражения отсутствия желания что-то делать, например: *скрепя сердце: Я подумал о своем будущем и скрепя сердце поставил точку в спортивной карьере, – сказал Евгений Новиков в декабре 2010-го* (Николай Мысин. Бешеный русский. Призер этапа чемпионата мира по ралли Евгений Новиков страшных аварий не боится // Советский спорт, 2012.04.11); *сердце не лежит: Есть и другие варианты, но ни к одному из них сердце не лежит* (Мария Трещанская. Всех – на анализ! Ваше имя может вызвать у окружающих самые неожиданные ассоциации (2001) // «Известия», 2001.08.08).

В китайском языке компонент *сердце* может обозначать мысли и мнения, например: 回心转意 (букв. изменить свое мнение).

Кроме того, иероглиф 心 (сердце) употребляется в составе китайских фразеологизмов, которые не имеют русских соответствий, например: 粗心大意 *на живую руку* ‘кто-либо делает дело небрежно’. С другой стороны, иероглиф 心 отсутствует в составе китайских фразеологизмов, но его соответствие – слово *сердце* – употребляется как компонент русских фразеологизмов, например: кит. 恨之入骨 (букв. ненавидеть до глубины кости) – рус. *ненавидеть до глубины души / сердца*); кит. 感人肺腑 (букв. кто-либо растрогает до глубины легких и утробы) – рус. *брать за сердце*.

Список использованных источников

1. Солодуб, Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на примере фразеологизмов со значением качественной оценки лица): дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ю. П. Солодуб. – М., 1985. – 406 с.

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 02.09.2018.

3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М. : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. – 944 с.

ПОСЛОВИЦА СОЛОВЬЯ БАСНЯМИ НЕ КОРМЯТ В СЛОВАРЯХ И ТЕКСТАХ: УСТОЙЧИВОЕ И ИЗМЕНЧИВОЕ

Р. Д. Алейник, Е. В. Ничипорчик

Описываются словарные варианты поговорки “Соловья баснями не кормят”; ее иноязычные аналоги; значения, фиксируемые словарями. С привлечением данных Национального корпуса русского языка определяются изменения в семантике поговорки и типичные структурные преобразования, которым подвергается поговорка при употреблении в речи.

***Ключевые слова:** словарь, Национальный корпус русского языка, поговорка, вариант поговорки, структура, компонент, значение.*

We describe vocabulary variants of the proverb “A nightingale is not fed with fables”, the proverb foreign-language analogues, and meanings fixed in dictionaries. Based on Russian National Corpus data, we define the proverb semantic changes and the typical structural transformations the proverb undergoes when used in speech.

***Keywords:** dictionary, Russian national corpus, proverb, proverb variant, structure, component, meaning.*

В современной лингвистике исследованиям паремий – устойчивых сочетаний, выражающих отношение к существу с позиций обыденного сознания, – отводится особое место, так как они являются уникальными единицами языка, несущими информацию как о самобытном, так и общечеловеческом в культуре того или иного народа.

Меняются времена, меняется мировоззрение людей, однако в мыслях и чувствах человека «прошлого» и человека «настоящего» всегда остается что-то объединяющее всех людей в единое культурное пространство, и это что-то оказывается аккумулятивным в паремиях, сохраняющих с течением времени свою актуальность. Лингвист, отслеживающий судьбу паремий, имеет, таким образом, надежные инструменты, которые позволяют определить, что изменчиво, а что стабильно в мире человека. Но это не паремии как таковые, а тексты, в которых живут паремиологические единицы, подчиняясь «движению» мысли и «движению» жизни человека. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [1] – богатейший текстовый ресурс

и благодатнейшая база для исследования паремий в синхроническом и диахроническом аспектах.

Объектом нашего исследования является имеющая достаточно длительную историю своего существования паремиологическая единица *Соловья баснями не кормят*. Как известно, паремии с течением времени сохраняют свою формальную и содержательную идентичность, хотя, как и все знаки, могут приобретать некоторую вариантность выражения значения, становиться полисемантическими единицами.

Паремию *Соловья баснями не кормят* находим во фразеологических и паремиологических словарях (в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля [2], «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» М. И. Михельсона [3], «Большом словаре русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко [4]). Паремиографы относят данное выражение к пословицам, по-видимому, на том основании, что оно имеет структуру предложения, отражает некоторую жизненную закономерность и может быть использовано в назидательном смысле.

В «Большом словаре русских пословиц» зафиксированы варианты исследуемого нами пословичного выражения и очень близкие по смыслу паремиологические единицы: в гнезде с ключевым словом *соловей* – *Соловья баснями (басни) не кормят*, *Соловей баснями не сыт (сыт не будет)*, *Соловья побасками не кормят*, *Соловья песнь не кормит*, *Соловья за песни кормят*, *Соловья кормят за песни* [4, с. 854], в гнезде с ключевым словом *басня* – *Баснями соловья не кормят* [4, с. 36] (сравн. синонимичные пословицы: *Баснями закрома не наполняются* [4, с. 36], *Баснями закрома не наполнишь* [4, с. 36]). По данным этого же источника такие варианты выражения пословичной идеи, как *Соловья баснями (басни) не кормят*, *Соловья кормят за песни*, *Баснями соловья не кормят*, *Баснями сыт не будешь*, характеризуются более ранними словарными фиксациями (первые фиксации – в XVIII веке), чем иные аналогичные по содержанию паремиологические единицы. Наибольшее количество фиксаций в словарях, представляющих разные эпохи, получают варианты: *Соловья баснями (басни) не кормят* (фиксируется в 16 словарях) и *Баснями соловья не кормят* (в 7 словарях). Значит, именно эти варианты, скорее всего, и были первичными.

Очевидно, что во всех приведенных выше вариантных реализациях пословичной идеи, и более ранних, и более поздних по своему происхождению, находят воплощение такие лингвокультурные концепты, как «человек», «пища», «слово», «дело». В. И. Даль при решении вопроса об отнесении пословицы *Соловья баснями не кормят* к определенной теме обращается к очень высокой ступени абстраги-

рования от ее конкретного значения и включает пословицу в тематическое объединение «Условие – Обман» [2, с. 408]. Русский паремиограф, таким образом, видел в содержании пословицы отражение причинно-следственной зависимости явлений, имеющих отношение к слову и делу. Пословица намекает своим содержанием на бесполезность слов, пустых обещаний в условиях естественного ожидания материальных благ за те или иные деяния.

Интересна образная основа пословицы. *Соловей* в структуре паремии символизирует человека, контактирующего с иным человеком, возможно, мастера своего дела. По-видимому, ранее образ соловья в пословице олицетворял красноречивого человека, возможно даже краснобая; косвенно на это указывает вторая часть устойчивого выражения, уже забытая носителями языка, но фиксируемая в словаре: *Соловья баснями (песнями) не кормят: есть хочет, – песни и у самого есть* [3, с. 295], а также существование такого варианта пословицы, как *Соловья кормят за песни* [4, с. 854]. Компонент *басня* в контексте пословицы символизирует слово вообще, может быть интерпретирован и как ‘пустое слово’. Глагольный компонент *кормить* в семантической структуре пословицы функционирует как пищевой лингвокультурный код, способный реализовать несколько значений: ‘давать пищу / помогать кому-либо / приносить пользу’.

Двуплановость семантики компонентов, входящих в структуру пословицы, обуславливает многозначность пословичного выражения. Известный паремиограф В. П. Жуков в первом издании толкового словаря русских пословиц и поговорок трактует значение, а вернее, назначение пословицы таким образом: «говорится перед тем, как пригласить кого-л. к столу, или (реже) тогда, когда кого-л. нужно обеспечить, снабдить чем-либо» [5, с. 434–435]; таким же образом объясняют смысл пословицы и составители другого паремиологического словаря, содержащего толкование паремий, – «Словаря русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко [6, с. 270–271]. В последующих же изданиях словаря В. П. Жуков уточняет семантику паремии, определяя второе значение выражения наиболее общо: «говорится перед тем, как пригласить кого-л. к столу (обычно после затянувшихся разговоров), (реже) тогда, когда важны (нужны) не пустые разговоры, а конкретные дела» [7, с. 312]. Как видим, составители словарей приписывают пословице как минимум два значения, обусловленные буквальной и не буквальной интерпретацией пищевого кода.

Анализ иноязычных аналогов пословицы *Соловья баснями не кормят*, приводимых в словаре М. И. Михельсона, позволяет прийти к выводу, что выражаемая русской пословицей идея, возможно, не

является оригинальной. Так, очень близко по значению к русской поговорке немецкое выражение *Von schönen Worten wird man nicht satt* (буквально: ‘от прекрасных слов сытыми не становятся’ – здесь и далее перевод наш); французское – *Belles paroles ne font pas bouillir la marmite* (буквально: ‘красивые слова не сделают горшок кипящим’) [3, с. 295]. Добавим к этим паремиям и итальянскую поговорку *Le chiacchiere non fanno farina* (буквально: ‘болтовня не мелет муку’) [8, с. 287]. Идея противопоставленности дела и неуместного, бесполезного слова в условиях естественного человеческого стремления к утолению голода находит отражение в древних латинских изречениях *Venter non impletur rhytmis* (‘живот не насытится речью’), *Venter praesepia non audit* (‘живот не слышит наставлений’) [3, с. 295]; сравн. с итальянскими поговорками: *Il ventre non si sazia di parole* (‘живот не насытится словами’) [8, с. 204]; *Il vacuo ventre volentieri le parole non intende* (‘пустой живот с охотой не внемлет словам’ [8, с. 204]. Не исключено, что и русская поговорка *Соловья баснями не кормят* является дальним «отголоском» латинских выражений. Однако если, например, восхождение многих европейских паремий о сытом брюхе, «глухом» в учении, к латинскому выражению *Satur venter non studet libenter* ни у кого не вызывает сомнений, так как все паремии связаны одним поэтическим образом (сравн.: русская поговорка *Сытое брюхо к учению глухо* [6, с. 98]; немецкие – *(Ein) Voller Bauch studiert nicht gern* (‘полному животу не любо учиться’) [9, с. 27]; *Voller Magen lernt mit Unbehagen* (‘полному животу не до учебы’) [9, с. 27]; чешская – *S plným břichem se špatně studuje* (‘с полным желудком плохо учиться’) [9, с. 27]; польская *Brzuch tłusty, łeb ma pusty* [9, с. 27] (‘брюхо толстое, лоб пустой’); то в случае с поговоркой *Соловья баснями не кормят* такой уверенности нет: русская поговорка характеризуется своей поэтической моделью.

Обращение к материалам НКРЯ позволяет установить, насколько востребованной являлась ранее и является ныне поговорка *Соловья баснями не кормят*, в каком значении и в каких вариантах чаще употребляется.

Пословичное выражение *Соловья баснями не кормят* в Основном корпусе НКРЯ обнаружено в 41 документе (42 вхождения), из них 29 документов датируется XIX веком. В 8 вхождениях из 12, датированных XX и XXI вв. поговорка употребляется во втором словарном значении, то есть не с буквальным пониманием пищевого кода. В Газетном корпусе встречается только одно вхождение поговорки и тоже во втором ее словарном значении. В Мультимедийном корпусе –

3 вхождения, и во всех трех случаях пословица употребляется в ситуации, связанной с приемом пищи.

Материалы Национального корпуса русского языка показывают, что пословица *Соловья баснями не кормят* характеризуется более широким прагматическим потенциалом, чем тот, который описан в словарях. Установлено, что данная пословица употребляется не в двух, а как минимум в четырех типовых ситуациях:

1) В ситуациях перехода от «слова» к приему пищи. Коммуникативное намерение, с которым говорящий использует паремиологическую единицу в этом случае, как правило, заключается в обосновании / оправдании прекращения разговора, беседы, монологической речи, в аргументации приглашения к столу: *Волнение Аполлона тоже приутихло. – Однако ж, – сказал он, остановясь среди комнаты, – соловья баснями не кормят. Будем обедать! Эй! накрывайте на стол!* [А. А. Фет. Дядюшка и двоюродный братец (1855)]; – *Ну, что у вас там, Иван Афанасьич, в Питере? Что нового?... – полюбопытствовал хозяин, но тут же спохватился: – Виноват: соловья баснями не кормят! Пойдемте-ка откушаем вместе, благо, мы сами еще за трапезой. А вы, чай, с дороги как волк проголодались?* [В. П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина (1888)]; *Из всех родов идолопоклонства самое глупое было поклонение златому тельцу – в пустыне. Но соловья баснями не кормят! Я уже сказывал вам, что мог бы говорить до завтра об одном зимнем утре и не зная, расположены ли вы выслушать даже то, что я здесь сбил в кучу – иду обедать* [Ф. В. Булгарин. Характер Петербурга (1825–1843)]; – *Что же мы тут сидим и разговорами занимаемся! Пойдемте скорее в столовую. Ведь соловья, как говорится, баснями не кормят* [Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе (1958)].

2) В ситуациях перехода от «слова» к делу. Интенциональные значения пословицы тоже, как правило, заключаются в аргументирующей функции, то есть функции обоснования перехода от слов к действию, обоснования призыва к действию, к прекращению ненужных разговоров, реже в функции возражения на предложение продолжить разговор: *Очень глубокий анализ! – восхитился Гуров. – Хорошо, если бы все было так. Ладно, лясы точить можно долго, но соловья баснями не кормят. Мне к генералу вечером с отчетом идти. Так что ты займись старыми делами, а я пока по этому Калачеву людей порасспрашиваю* [Н. Леонов. Лекарство от жизни (2001)]; *И вот люди поняли это и обратились от литературы к делу, потому что... Позвольте, Омнепотенский, не перебивайте меня!.. Потому что дело гораздо действительнее слов и соловья баснями не кормят, а надобны предприятия.* [Н. С. Лесков.

Божедомы (1868)]; *Екатерина, как всегда, успешно острила, пересыпая свою французскую речь русскими, иногда невпопад, пословицами. Впрочем, она теперь хорошо говорила по-русски. – Шутки в сторону, **соловья баснями не угощают**, давайте о делах...* [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев (1934–1939)]; – *Ну, сейчас дело значительно, продвинулось вперед. Сейчас по-настоящему «почти». – Все-таки, может, вы мне расскажете что-нибудь? – **Соловья баснями не кормят**, – сказал Дмитрий Алексеевич, смеясь, – это я теперь хорошо знаю* [В. Дудинцев. Не хлебом единым (1956)].

3) В ситуациях оказания материальной поддержки, обеспечения необходимым, ожидания материального поощрения, возврата должного. Интенции пользователя паремии могут заключаться в обосновании оказания материальной помощи, обосновании призыва к оказанию материальной поддержки, в выражении косвенной просьбы / требования оплатить услуги, вернуть долг: – *Да, – сказал Алексей Александрович и, встав, заложил руки и потрещал ими. – Я заехал еще привезть тебе денег, так как **соловья баснями не кормят**, – сказал он.* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]; *Конечно... это большая утрата; но бывают и не такие, а мы покоряемся и терпим! Помнишь: крах Баймакова и наш текущий счет... Давал шесть процентов... и что ж! Впрочем, **соловья баснями не кормят**. Господа! – обратилась она к окружающим, – сделаемте маленькую коллекту в пользу бедной страдальницы-матери! Кто сколько может!* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Деревенский пожар (1886)]; – *А если согласен на ваши условия, то **соловья тоже баснями не кормят**, – бормотал Азеф. – Вы любите откровенность, я говорю, мне нужны деньги. – Какие, Евгений Филиппович? – Меньше чем две тысячи не обойдусь* [Р. Б. Гуль. Азеф (1958)]; – *Однако **соловья баснями не кормят**, – ты помнишь, я думаю, стих Грибоедова: «Княгиня, карточный должок!» – Очень хорошо помню, и вот этот долг! – сказал Феодосий Гаврилыч и, вынув из бокового кармана своего чепана заранее приготовленную тысячу, подал ее Янгуржееву <...>* [А. Ф. Писемский. Масоны (1880)].

4) В ситуациях проявления безответственного отношения к делу, ведения пустых разговоров вместо обещанных действий, бездействия в ответ на данное ранее слово. Пословица используется со значением косвенного обвинения в бездействии, упрека, осуждения: [*Иван Григорьевич Падчерицын, муж*] *Надеюсь, вас, братец, по милости своей, с сынком поздравить!* [*Константин Прохорович Яузов, муж*] *Спасибо, кум, спасибо!.. А я тебе говорю...* [*Иван Григорьевич Падчерицын, муж*] ***Соловья баснями не кормят**, братец; вы все лишь только говорите, а наш брат как бы к делу поскорее* [Д. Т. Ленский. Хороша и дурна, и глупа и умна (1833)]; [*Павел Иванович Кремонов, муж*] *Да вам покойнее будет*

на канаве... (Дает знак слуге, чтобы вышел) [Гаврила Силаевич Мошин, муж] (сажаясь и осматривая все кругом). Сесть-то сяду, потому что устал, да прошу не прогневаться, скажу тебе напрямки пословицу: **соловья баснями не кормят**. А ты вот уж три года сказываешь их мне. Писал, писал – нет ответа. Посылал просьбицы – сколько на гербовую вышло!.. сколько пришлось отдать подьячим!.. [И. И. Лажечников. Горбун (1858)].

Что касается внешней структуры исследуемой пословицы, то в своих речевых реализациях пословичное выражение *Соловья баснями не кормят* характеризуется достаточной стабильностью компонентного состава. Наблюдающиеся формальные преобразования весьма эпизодичны. Это расширение компонентного состава: *А теперь, я надеюсь, Арина Власьевна, ... ты позаботишься о насыщении своих дорогих гостей, потому что, тебе известно, **соловья баснями кормить не следует*** [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)]; изменение на фоне расширения состава модальных значений: *Конечно, **соловья баснями можно кормить**, но без серьезного финансового ресурса хороших хоккеистов не подготовишь* [К. Беляков Наш ответ НХЛ // Советский спорт, 2008.09.02], изменение грамматической формы одного из компонентов: *А между тем из губернских мест пописывают к нам да пописывают: **соловьев-де баснями не кормят**, поклонами шубы не подшить и тому подобное* [Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)]; замена одного из компонентов: – *Шутки в сторону, **соловья баснями не угощают**, давайте о делах...* [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев (1934–1939)]; преобразование грамматической структуры, проявляющееся в утрате семантики обобщенности: *Чтобы не уподобляться тем, кто **пытается накормить соловья баснями**, предлагаем читателям несколько рецептов индийской кухни* [Обобщенный. Приглашение к столу // «Химия и жизнь», 1969].

Не обнаружены в текстах НКРЯ указанные в словарях варианты пословицы *Соловья баснями не кормят*. Даже редуцированный вариант пословицы – *кормить баснями (баснями кормить)* – в значении ‘давать пустые обещания’ не характеризуется высокой частотностью: зафиксировано 4 документа в Основном корпусе, 3 – в Газетном, 2 – в Поэтическом, нет фиксаций этого сочетания в Мультимедийном корпусе.

Таким образом, можно прийти к выводу, что пословица *Соловья баснями не кормят*, несмотря на то что фиксируется большим количеством паремиологических словарей прошлого и настоящего времени, сегодня характеризуется не высокой степенью востребованности, потому, вероятно, неупотребительны ее варианты, немногочисленны

трансформы. В то же время заметна тенденция использования пословицы преимущественно не в первом ее словарном значении, связываемом с приглашением к столу, а во втором словарном значении, связываемом с обоснованием перехода от слов к делу. В результате исследования подтверждается и то, что ни один словарь не может отразить все многообразие прагматических функций паремий – частных интенциональных значений, которые могут быть свойственны паремиям в речи. Даже небольшой список вхождений пословицы *Соловья баснями не кормят* в тексты НКРЯ позволил прийти к выводу о том, что данное выражение используется как минимум в четырех типах ситуаций и коммуникативные намерения пользователя паремии могут заключаться как в обосновании, действий, призывов, умозаключений, так и в осуждении чьего-либо бездействия, пустого слова.

Подчеркнем, что выводы, сделанные в результате исследования, опираются на достаточно репрезентативную базу данных, но все же не отражают всего многообразия дискурсивных практик носителей русского языка, а следовательно, могут быть уточнены, дополнены с привлечением иных ресурсов.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 02.08.2018.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.
3. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. / М. И. Михельсон. – М. : Терра, 1994. – Т. 2. – 832 с.
4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
5. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.
6. Словарь русских пословиц : ок. 1000 единиц / В. М. Мокиенко, Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов [и др.] ; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель: АСТ, 2007. – 381 с.
7. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 535 с.
8. Boggione, V. Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massobrio – Torino : UTET, 2007. – 654 p.

9. Walter, H. Sprichwörter. Russisch-Deutsches Wörterbuch mit europäischen Parallelen; Mit Karikaturen von R. Walter; Experimentalausgabe / H. Walter, V. Mokienko. – Greifswald, 2006. – 92 s.

УДК 811.161.3' 373: 398.9

СІМВОЛІКА І КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТЫКА ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ З КАМПАНЕНТАМІ АДЗІН І ПЕРШЫ

А. М. Андрэйкавец

У артыкуле з пазіцыі лінгвакультуралагічнага асвятлення робіцца спроба апісаць фразеалагізмы беларускай мовы, суадносныя з лікавым кодам культуры, устанавіць старажытнейшыя ўяўленні пра лікі і іх ролю ў фарміраванні семантыкі фразеалагізмаў за кошт той культурнай інфармацыі, якую скрыта даводзяць кампаненты “адзін”, “першы” і вобразы гэтых адзінак мовы.

Ключавыя словы: *фразеалагізм, кампанент-сімвал, лікавы код культуры, лічба, адзін, першы, моўна-культурная семантыка.*

This article from the perspective of communicative lighting is an attempt to describe the idioms of the Belarusian language, correlated with a numeric code of culture, to establish the most ancient representation of the numbers and their role in shaping the semantics of phraseological due to the cultural information that is hidden adjusted components alone, the first and the images of these units of language.

Key words: *idiom, a component symbol, a numeric code of culture, figure, one, first, the linguistic-cultural semantics.*

Агульнавядома, што без мовы як універсальнага захавальніка культуры цяжка, практычна немагчыма атрымаць веды пра свет. Мова, бяспрэчна, з’яўляецца найкаштоўнейшым скарбам кожнага народа, крыніцай ведаў аб гісторыі краіны і асаблівасцях светапогляду нашых продкаў. Менавіта праз мову ўвогуле і праз яе фразеалагічныя адзінкі як самыя «культураносныя» адзінкі кожнай мовы ў прыватнасці мы даведваемся пра характар заняткаў народа, яго маральна-этычныя і эстэтычныя нормы, жыццёвы і духоўны вопыт. Менавіта гэтым тлумачыцца ўвага фразеолагаў у апошні час да культурнай канатацыі фразеалагічных адзінак кожнай мовы,

паколькі фразеалагічнае значэнне істотна адрозніваецца сваёй ускладненасцю, якая абумоўлена не толькі своеасаблівым сімбіёзам семантычных і кагнітыўных ярусаў, але і тым, што «фразеалагізмы – моўныя і культуралагічныя знакі другаснай намінацыі» [1, с. 19].

У беларускім мовазнаўстве фразеалагаў (А. С. Дзядова, У. І. Коваль, В. А. Ляшчынская, А. С. Садоўская і інш.) цікавяць новыя аспекты вывучэння фразеалогіі беларускай мовы, з якіх асноўнымі з'яўляюцца этна- і лінгвакультуралагічнае даследаванне фразеалагічных адзінак (далей – ФА), выяўленне ў іх культурнай інфармацыі. А культурная інтэрпрэтацыя ФА спалучае ў адно цэлае моўную семантыку і культурную кантэкстную, утвараючы асаблівае, фразеалагічнае, ці, паводле тэрміна М. Л. Каўшовай, культурна-моўнае, значэнне [2, с. 69].

Выпрацаваны ў культуры каштоўнасны змест кадыфіцыі ў ФА рознымі спосабамі, і ФА з'яўляюцца носбітамі не толькі моўнага значэння, але і выразнікамі культурнай семантыкі. І гэтак спрыяе найперш адбор слоў-кампанентаў, тых слоўных камбінацый, створаных вобразаў, адлюстраванай у іх унутранай формы, што і даводзяць пра спалучэнне моўнай і культурнай семантыкі ФА як другасных адзінак мовы.

Пры наяўнасці адносна невялікай колькасці лікаў іх найменні з'яўляюцца адным з самых таямнічых у сістэме сімвалаў, створаных чалавекам. Свет лічбаў, з аднаго боку – бясконцы, з другога – абмежаваны наборам адзінак, у якія чалавецтва ўклала асноўны сэнсавы змест бытавой і абрадавай практыкі. Паняцце лічбы ўзнікла ў старадаўнія часы і развілася ў працэсе развіцця чалавецтва. Сфера дзейнасці чалавека пашыралася, і, адпаведна, пашыралася кола выкарыстання лічбаў. Яны трапілі ў паўсядзённае жыццё людзей, у тым ліку – у маўленчую практыку.

Арганічнае ўвасабленне знайшоў загадкавы свет лічбаў у ФА, а як вынік – цікавасць да ФА з лікавым кампанентам, бо, як вядома, веданне ФА – гэта не толькі добрае валоданне гэтымі адзінкамі мовы, але і крыніца ведаў, пазнання культуры свайго і іншых народаў, што звязана найперш з уласцівай сімволікай лічбаў і лікаў, якая характэрна ўжо для ранняй стадыі развіцця чалавецтва, пачынаючы аж з радавога грамадства.

Сэнс лічэння не проста ў нумарацыі аб'ектаў – ён сягае глыбей і становіцца адным са спосабаў бачання свету. Лікі ў многіх культурах і рэлігіях валодаюць асаблівай сімволікай, якая не заўсёды зразумелая недасведчаным. З дапамогай сімволікі лікаў спрабуюць

апісаць свет, яго падзел, адносіны паміж рознымі яго фрагментамі, а таксама асаблівы характар кожнага з сімвалаў.

У міфапаэтычнай традыцыі змястоўным з'яўляецца не толькі сам лік ці рад лікаў, але і формула ўтварэння элементаў лікавага рада. Сёння пры лічэнні кожны наступны лік набывае большую значнасць, але гэта не зусім так пры міфапаэтычным разуменні лікаў і іх паслядоўнасці пры лічэнні, паколькі больш значным тут становіцца не наступны лік лікавага рада, а кожны папярэдні. Менавіта гэта і звязана з уяўленнем пра кожны лік і частотнасць яго ўжывання. Вось чаму ў традыцыйнай культуры славянскіх народаў не ўсе лікі маюць аднолькавае зместавае напаяненне. Ёсць лікі, асабліва пазначаныя ўвагай народа, а ёсць і такія, што не пакінулі ў гісторыі нашай культуры выразны след.

Зразумела, што ўжо нават гэты факт сведчыць аб тым, што кожны лік меў свой лёс, сваю культуралагічную сферу ўжывання, свой зямны або касмічны рытм запатрабаванасці. Тое, што, напрыклад, *шасцёрка* або *васьмёрка* даволі рэдка фігуруюць у вядомых абрадавых кантэкстах, не сведчыць аб нейкім адмоўным стаўленні да іх з боку чалавека. Магчыма, *сямёрка* магла «прыглушыць» сваім высокім статусам лікі-суседзі, але не нейтралізавала іх цалкам. Лікі *шэсць* і *восем* былі спалучаны з тымі сферамі дзейнасці чалавека, якія засталіся таямніцай для непасвечаных (напрыклад, чорнай магіяй).

Шматлікія рытуальна-абрадавыя кантэксты пераканаўча сведчаць аб тым, што ў беларускай народнай культуры асноўнымі апазіцыянерамі з'яўляюцца лікі *два* і *тры*. Менавіта ім падпарадкаваны спецыфічныя асаблівасці рытуальных дзеянняў, колькасць іх паўтарэнняў, наяўнасць тых ці іншых абрадавых атрыбутаў.

Знаёмства са шматлікімі гісторыка-этнаграфічнымі крыніцамі, з міфалогіяй і вусна-паэтычнай спадчынай беларусаў сведчыць, што найчасцей у іх фігуруюць лікі *адзін*, *два*, *тры*, *чатыры*, *сем*, *дзесяць*, з якіх засяродзім увагу на першым, паколькі выяўлена больш за 120 ФА толькі з кампанентамі *адзін* (*адна*, *адно*, *адны*) і *першы* [3], бо, як вядома, значэнне фразеалагізма можа матывавацца асобным яго кампанентам ці ўсёй лексіка-сінтаксічнай канструкцыяй, на базе якой сфарміраваўся фразеалагізм.

Лікавыя кампаненты ў складзе ФА не абазначаюць першы парадкавы нумар чагосьці пры лічэнні, не называюць першы элемент паслядоўнага рада, а выступаюць з захаванай за імі сімволікай. І адным з першых сімвалаў ліку *адзін* з'яўляецца дасканалая цэласнасць, адзінства, што і адлюстравана ў ФА, якія ў залежнасці ад

наяўнасці іншых кампанентаў, тых вобразаў, якія яны абралі, выяўляюць негатыўную (*адна шайка-лейка* – ‘група людзей, аб’яднаных агульнымі інтарэсамі ці паводзінамі, учынкамі’) ці станоўчую (*адным махам семярых забівахам* – 1) ‘меркаваць пра каго-ці што-н. зусім аднолькава, не ўлічваючы індывідуальных асаблівасцей’, 2) ‘хутка, без роздуму і не сумняваючыся, справіцца з чым-н.; *адным фронтам* – ‘вельмі дружна, згуртавана (дзеянiчаць, выступаць і пад.)’ ацэнку. Вось чаму ажыццяўленне нават розных, магчыма, паступовых дзеянняў, з’яў і пад. успрымаецца як пажаданае (*адно да аднаго* – ‘часцей пра якія-н. непрыемнасці, што ідуць адна за адной’), каб ужо разам усе беды прыйшлі, а не адна за адной. У такіх выпадках нярэдка выкарыстоўваецца слова *ўсе, усё* (*усе да аднаго* – ‘(усе) без выключэння, поўнацю; абсалютна (усе)’; *усё адно* – 1) ‘абавязкова, пры любых абставінах’, 2) ‘абсалютна аднолькава, без розніцы, не мае значэння для каго-н.’; *усё адно як* – 1) ‘раўназначна чаму-н.; тое самае, што. Пра што-н. тоеснае, падобнае’, 2) ‘як быццам, нібыта’).

Другі сімвал лікавага кампанента – гэта падабенства ці з’яднанне паводле аднолькавасці, блізкасці на аснове якіх-небудзь прыкмет, уласцівасцей, што і перададзена ФА, як, напрыклад, *на адзін капыл* – 1) ‘вельмі пабодныя, аднолькавыя’, 2) ‘вельмі падобна, аднолькава (рабіць, рабіцца, выходзіць і пад.)’; *адна халера* – ‘абсалютна аднолькава, без розніцы, не мае значэння для каго-н.’; *з аднаго цеста спечаны* – ‘вельмі падобны на іншых па характару, поглядах і г.д.’; *адно на адно* – ‘амаль аднолькавае, без прыкметнага выйгрышу, перавагі ў чым-н.’ і інш., дзе найбольш відавочным становіцца аб’яднанне з’яў, прадметаў, людзей з негатыўнай ацэнкай іх дзеянняў, учынкаў, паказчыкаў і пад. Узгадаем і пра сімваліку з’яднання людзей у адно цэлае на аснове агульнага месца пражывання, што адлюстравана ў ФА *пад адным дахам / пад адной страхой*, якая выкарыстоўваецца са значэннем ‘ў адным доме, у адной кватэры, разам (жыць, пражываць)’. Тут, магчыма, скарыстана ўяўленне чалавека пра няцотны лік *адзін* як шчаслівы, бо яго стварыў Бог, а ўсе астатнія лікі – вытворныя, а таму і нешчаслівыя.

Лікавы кампанент *адзін* і асабліва *першы* перадае ФА сваю сімваліку, што выяўляе паняцце найлепшы, узор для іншых. Гэта фіксуецца ў ФА *на першым плане* – ‘важнейшы за ўсё, вышэй за ўсё’; *зорка першай велічыні* – ‘вельмі слаўты ў якой-н. сферы дзейнасці чалавек’; *першая скрыпка* – 1) ‘самая галоўная, найбольш уплывовая асоба ў якой-н. галіне, справе і пад.’; 2) ‘галоўная, кіруючая, вядучая роля ў чым-н.’; *першай гільдыі* – 1) ‘найвышэйшай якасці, адметны

(майстар, штукар і пад.)’; 2) ‘самы заўзяты, з крайнім праяўленнем якіх-н. якасцей (махляр, дармаед і пад.)’; *першай маркі* – ‘самы заўзяты, надзелены самымі кепскімі якасцямі (махляр, жулік, злодзей і пад.)’; *іграць першую скрыпку* – ‘займаць галоўнае становішча ў чым-н.’ і інш. Таксама справядлівым будзе адзначыць, што надзвычай высокі семантычны статус паняцця «першы» ў славянскіх народаў прадвызначаўся ў тым ліку класічным прынцыпам народнай светапогляднай канцэпцыі: «як пачнеш, так яно і будзе» (з *першага слова* – ‘адразу ж, з самага пачатку размовы’; з *першага знаёмства* – ‘адразу ж, пры першай сустрэчы’; з *першага погляду/позірку* – 1) ‘адразу ж’, 2) ‘як на першае ўражанне’ і інш.).

Такім чынам, лікавыя кампаненты *адзін* ці *першы* ў сваіх розных формах, нярэдка са зменай часціны мовы, у складзе фразеалагізмаў захоўваюць сваю сімволіку, нададзеную ім ў глыбокай старажытнасці і перадаюць яе новым адзінкам мовы, якія яе ўспрымаюць, захоўваюць скрыта ці выразна, і самі выступаюць сімваламі з’яднання, адзінства, цэнтру, спараджэння падобнага, найлепшага з мноства, пачатку, узору, лепшага аб’екта. Акрамя таго, найменне лікаў *адзін*, *першы*, зыходзячы са сваёй сімволікі і кампанентнага акружэння ў складзе фразеалагізмаў, як і самі фразеалагізмы, нясуць станоўчую (*адным словам*, *першай гільдыі*, *першай маркі*) і негатыўную ацэнку (*адным лыкам шытыя*, *адзін чорт* і інш), тым самым даводзячы пра культурныя ўстаноўкі народа, пра яго культурны вопыт.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Мокиенко, В. М. Когнитивное и акогнитивное во фразеологии / В. М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика : материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 г.) : в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 1. Идиоматика и познание. – С. 13–26.

2. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.

3. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 1: А-Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.; Т. 2: М-Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.

К ВОПРОСУ О ВЕРИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ С ОПОРОЙ НА ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Н. Г. Арефьева

В данной статье рассматриваются проблемы верификации фраземики русских островных говоров Одесщины с опорой на интернет-ресурсы. Автор приходит к выводу о высоком коммуникативно-прагматическом потенциале диалектных фразеологизмов, обусловленном содержащейся в их семантике культурно значимой информацией.

Ключевые слова: диалектный фразеологизм, русские островные говоры Одесщины, интернет-ресурсы.

In this article the problems of verifying of Russian insular dialects' phraseology of Odessa region with the support of Internet-resources are considered. The author comes to conclusion about high communicative-pragmatic potential of the dialect phraseological units that can be explained by culturally significant information which they contain.

Key words: dialect phraseological unit, Russian insular dialects of Odessa region, Internet-resources.

Фразеологический фонд русских переселенческих говоров Одесщины представляет собой уникальное языковое и культурное явление и до настоящего времени фактически не исследовался. Изданный в 2000-2001 гг. под руководством профессора Ю. А. Карпенко двухтомный «Словарь русских говоров Одесщины», полевой сбор материала для которого ежегодно осуществлялся кафедрой русского языка Одесского государственного (позже – национального) университета имени И. И. Мечникова начиная с 1950 г., является словарём дифференциального типа, то есть включает в свой состав лексемы, семантически или формально отличающиеся от лексем русского литературного языка [1, с. 4]. Помимо 9000 лексем Словарь фиксирует около 300 устойчивых сочетаний. Целенаправленно фраземика русских островных говоров Одесщины, однако, не изучалась.

В процессе обработки и верификации языковых фактов, извлекаемых из обширнейшего и богатого материала диалектологических экспедиций, значительная часть которого помещена в Словаре в каче-

стве иллюстраций к словарным статьям, мы сталкиваемся с некоторыми проблемами, решить которые оказывается достаточно сложно в силу объективных причин. К таким проблемам относится прежде всего верификация фразеологических единиц (далее ФЕ), зафиксированных в материалах картотеки, но по разным причинам не включённых в Словарь русских говоров Одесщины.

В этом ракурсе иногда неоценимую помощь могут оказать не только данные диалектных словарей, в том числе фразеологических, их онлайн-версии, но и данные интернет-ресурсов, Национального корпуса русского и украинского языков, поскольку русские говоры Одесщины функционируют в тесном контакте прежде всего с говорами близкородственного украинского языка.

Приведем некоторые примеры, позволяющие наглядно продемонстрировать роль интернет-ресурсов в процессе верификации ФЕ. Особенно, как нам кажется, важна роль данных при верификации фразеологизмов, содержащих этнокультурную информацию.

Так, в материалах диалектологических экспедиций встречаем терминологическое устойчивое сочетание *курная баня* в значении 'баня по-чёрному; низкая чёрная баня, которая не белится, а только обмазывается глиной'. Данная ФЕ сопровождается следующими иллюстрациями: *Каменка для пара ф бани курной* (Ст. Некрасовка, 1977); *Курная баня легше, чем не курная* (Ст. Некрасовка, 1973) [2]. Обращает на себя внимание тот факт, что фразеологизм зафиксирован в речи старообрядцев-липован, центром которых с давних пор являлось село Старая Некрасовка Измаильского района Одесской области, основанное донскими казаками в 1814 году и названное в честь атамана Булавинского восстания Игнатия Некрасова [3, с. 18-19]. Вышеупомянутое устойчивое сочетание не зафиксировано ни в Словаре русских народных говоров [4], ни во Фразеологическом словаре русских говоров Сибири [5], ни в Большом толковом словаре донского казачества [6]. Исключением является лексема *курный*, -ая, -ое и *курной* – 1) 'дымный, чадный'. *Курный*. Пск., Осташк. Твер., 1855. *Курной*. Слов. Акад. 1956 [с пометой «обл.»]. 2. *Курные дрова* [удар.?] – 'дрова, предназначенные для выжигания угля [?]'. Костром., Нижегород., Тр. съезда деят. по куст. пром. [4, с. 138]. Как свидетельствуют данные Словаря, лексема была распространена на довольно обширной территории.

Обратившись к данным Национального корпуса русского языка, находим устойчивое сочетание в следующих иллюстрациях (основной корпус): *Лежание на печи, курная баня, избяной угар, мёртвая тишина – всё это было вековой обыденностью, которую, казалось, не изменит никакая сила* (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве (1948));

*До сих пор помню её и другую крестьянку, Анастасию Равлину, вывезшую меня на колхозной некормленной лошади – за день проехали только восемь километров, и кусок хлеба, раздобытый у баб, чистивших дорогу, и ночлег в **курной бане** посреди выгоревшей деревни...* (Г. С. Померанц, Записки гадкого утёнка (1998)) [7]. Что касается первой иллюстрации из произведения Фёдора Гладкова «Повесть о детстве», отметим, что Гладков родился в 1883 году в с. Большая Чернавка ныне Малосердобинского района Пензенской области в семье крестьян-старообрядцев на берегах реки Хопёр (приток Дона). Как известно, хопёрские говоры являются составной частью говоров донских, и вполне допустимо, что писатель, детство которого прошло в этом регионе, хорошо знал это выражение.

Устойчивое сочетание *курная баня*, как оказалось, активно используется в русском коммуникативном пространстве в качестве культурного символа, активно популяризируемого в интернет-источниках. Так, на портале «STROITELSTVO» находим следующую информацию: *Топят печь берёзовыми чурками, а сажа оседает на стенах бани, стены становятся чёрными, когда моешься или паришься ты дышишь этим воздухом, при этом получаешь как бы дезинфекцию всего организма, не зря таблетки чёрного угля делают из угля берёзы. Воду поливают прямо на раскалённые камни печки небольшими порциями. Крышу бани делают треугольной формы, а накрывают болотным диким тростником, необычно, экологично и просто круто! После такой баньки можно принять положенных 100 грамм и полностью расслабиться в кресле в предбаннике или на террасе, послушать пение птиц, просто насладиться разными природными запахами деревьев и цветов. Попробуйте построить **курную баню**, точно не пожалеете! Получите неповторимое, неизвестное, неописуемое удовлетворение и удовольствие (орфография и пунктуация сохранена – Н. А.)* [8]. На этом же портале находим: **Баня по-чёрному (курная баня)** включена в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО МИР24 28 ноября 2014 года. *Ура! Я очень этому событию рада, так как я живой свидетель **курной бани**. Моё детство прошло на хуторе (хутор – это отдельно стоящий дом, двор – в радиусе 500 метров домов других нет) и у нас была баня по-чёрному. Отец топил её каждую субботу, все члены семьи и соседи по очереди парились, мылись в этой бане (пунктуация сохранена – Н. А.)* [Там же]. На этом же портале: *Кто хоть раз парился или мылся в такой чёрной бане утверждают, что пар в ней – ни с чем не сравнимый, удивительно мягкий и легкого дурманящего аромата. Объяснить словами это невозможно, надо хоть раз попробовать, особенно в наш сумасшедший век, где всюду вирусы, микробы, а после чёрной бани*

чувствуешь такую лёгкость в теле и наслаждение, что кажется в жизни тебе больше ничего не надо в этот момент, научного объяснения этому найти пока что не удалось, но на собственном опыте могу сказать, что от курной бани получаешь действительно необъяснимое удовольствие (пунктуация сохранена – Н. А.) [Там же].

Рассмотрим еще один пример. В картотеке диалектологических экспедиций кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова находим устойчивое сочетание *чёрный пар* (с.-х.) ‘земля под паром; поле, вспаханное весной или летом, но засеваемое озимыми’ и сопровождающие его иллюстрации: *Три раза чёрный пар припахивают* (Б. Плоское В.-Михайловского р-на); *Если чёрный пар, так нихай даждь ни будить* (Николаевка Тарутинского р-на, 1967) [2]. Данный фразеологизм не зафиксирован ни Словарём русских народных говоров, ни современными Фразеологическими словарями, ни Большим толковым словарём донского казачества. Находим, однако, диалектную ФЕ *чёрный пар* во Фразеологическом словаре русских говоров Сибири в значении ‘поле, вспаханное весной или летом, но засеваемое озимыми’ [5, с. 132]. Однако, обратившись к данным Национального корпуса русского языка, убеждаемся в том, что ФЕ также активно функционирует в русском коммуникативном пространстве в том же значении. Примеры употребления данной ФЕ представлены как в основном, так и в газетном и параллельном корпусах. Вот лишь некоторые примеры из основного корпуса: *Зато зимою дела почти никакого у станичников нету: озимые уже забархатились, чёрный пар влагой небесной насыщается, амбары стоят полные, – работы никакой и нету* (Елизавета Скобцова (Кузьмина-Караваева), Клим Семёнович Барынькин (1925)); *Местами отвесные скалы. Причудливо нагромодила природа здесь громадные камни. Многие висят, вот-вот скатятся. По более покатым скалам – сады, понятно, правильно развитые, чёрный пар, любовный уход* (П. А. Богданов, Дневники П. А. Богданова (1919–1932 гг). Тетрадь вторая (1924)); *Я всегда пашу пар на зиму – чёрный пар, – трою летом, и это имеет огромное значение* (А. Н. Энгельгардт, Письма из деревни (1872–1887 гг.). Письмо двенадцатое (1887)) [7].

А вот иллюстрации из газетного корпуса, подтверждающие «узнаваемость» данной ФЕ, её культурную маркированность: 1. *По словам заместителя главы госадминистрации района, начальника управления АПК Петра Молоченко, в районе из 52,5 тыс. гектаров пашни, около 41,7 тыс. гектаров засеяны озимыми и яровыми культурами, остальные земли используются как «чёрный пар», 70% из них – в отличном и хорошем состоянии»* (Татьяна Шелковенко, Приднестровские аграрии проводят традиционные смотры полей // Новый регион 2, 2010.06.15). 2. *У нас в России используют два способа: чёрный пар*

(обычная взрыхленная земля в саду) и залужение (когда под деревьями растёт газон) («Труд-7» открывает сезон дачных работ // «Труд-7», 2010.04.29). 3. Я выбираю комбинированные способы, преимущественно **чёрный пар** («Труд-7» открывает сезон дачных работ // «Труд-7», 2010.04.29). 4. **Чёрный пар** в саду поддерживается не с помощью лопаты, а с помощью всевозможных культиваторов («Труд-7» открывает сезон дачных работ // «Труд-7», 2010.04.29) [Там же]. Как оказалось, данный фразеологизм активно функционирует и в украинском лингвокультурном пространстве. Сравн. данные параллельного корпуса: 1. Тепло дихнула в лице пухка чорна рілля, повна спокою й надії. Вітаю. Спочивай тихо під сонцем, ти така ж втомлена, земле, як я. Я теж пустив свою душу під **чорний пар**... (Михайло Коцюбинський, *Intermezzo* (1908)). 2. Посівна кампанія затяглася до кінця червня і все ж не досягли понад 2 млн. гектарів, відведені під **чорний пар** площі перетворилися на розсадник бур'янів (О. Волков, Є. Лавренюк, Трагедія голоду 1933 року (1996-2010)) [Там же].

Как видим, в процессе верификации диалектных фразеологизмов выяснилось, что они обладают высоким коммуникативно-прагматическим потенциалом, проявляющимся в способности проникать и активно функционировать в лингвокультуре современного общества, что, на наш взгляд, задаётся содержащейся в их семантике культурно значимой информацией и обусловлено не только интра-, но и экстралингвистическими факторами. В этой связи хочется привести слова профессора В. М. Мокиенко, сказанные о диалектном фразеологизме: «...слово это – не просто памятник народной словесности. Это памятник живой и непрерывно обновляющийся, – несмотря на свою вековечность [9, с. 196].

Таким образом, опираясь на данные интернет-источников, можно прийти к выводу о том, что диалектные ФЕ *курная баня* и *чёрный пар*, активно функционируя в русском коммуникативном пространстве, транслируют важную культурную информацию и являются одним из «мозаичных» фрагментов не только региональной, но и общенациональной и межнациональной картин мира.

Список использованных источников

1. Словарь русских говоров Одесщины / [ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник] : В 2 т. – Одесса : АстроПринт. – Т. I : А-О. – 2000. – 369 с.; Т. II : П-Я. – 2001. – 293 с.
2. Картотека Словаря русских говоров Одесщины.

3. Берг, Л. С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность / Л. С. Берг. – Пг., 1923. – 59 с.

4. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – Ленинград : Наука, 1980. – Вып. 16. – 376 с.

5. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1983. – 232 с.

6. Большой толковый словарь донского казачества : ок. 18000 слов и устойчивых сочетаний / Ростов. гос. университет; Факультет филологии и журналистики; каф. общ. и сравнительного языкознания. – М. : ООО «Русские словари» : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с.

7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 02.10.2018.

8. Stroitelstvo [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://stroitelstvo12.com/banya/svoia-ochen-poleznaya-dlya-zdorovya-kurnaia-banya/](http://stroitelstvo12.com/banya/svoya-ochen-poleznaya-dlya-zdorovya-kurnaia-banya/) – Дата доступа : 02.10.2018.

9. Мокиенко, В. М. Проект «Фразеологического словаря русских народных говоров» / В. М. Мокиенко // Проблемы истории, филологии, культуры, 2011. – № 3. – С. 190-198.

УДК 811.16'42:398.92:398.23

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В АНЕКДОТАХ

Е. Ф. Асенчик, А. В. Шарникова

В статье рассматриваются фразеологизмы как средство создания комического эффекта в анекдотах. С этой целью определяются и описываются языковые единицы, с помощью которых создаётся языковая игра.

Ключевые слова: фразеологизм, анекдот, средства создания комического.

The article deals with idioms as a means of creating a comic effect in anecdotes. The purpose of this article is to identify and describe the language means by which a language game is created.

Key words: phraseologism, anecdote, means of creating a comic.

Анекдот можно назвать одним из актуальных способов выражения оценки окружающей действительности. Охватывая все сферы жизни общества, отражая как массовое, так и индивидуальное, анекдот постоянно

расширяет жанровые и тематические границы, наращивает арсенал текстообразующих и изобразительных средств. По утверждению И. В. Чистяковой, «анекдот способен развиваться из любого фольклорного / литературного жанра <...>, в котором существенным элементом комического является игра слов или игра положений» [1]. В связи с такой особенностью анекдота отдельного упоминания заслуживают лингвистические анекдоты. Это тексты, которые обыгрывают особенности конкретного языка. Как правило, они не могут быть переведены на другой язык, а их понимание требует свободного владения языком оригинала. Центральным для лингвистического анекдота является понятие языковой игры. Игра – неотъемлемая составляющая человеческой культуры. Как правило, это действия, направленные на получение удовольствия, не имеющие практической ценности. Языковая игра представляет собой частный случай игры вообще. В работе И. В. Цикушевой «Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования» представлено следующее определение: «Языковая игра – осознанное и целенаправленное манипулирование экспрессивными ресурсами речи, обусловленное установкой на реализацию комического эффекта» [2].

В качестве источника языковой игры активно используются фразеологизмы.

Фразеологизмы – важная часть словарного запаса любого человека, они особым образом формируют языковую картину мира. Появление фразеологизмов в речи нередко связано с необходимостью лаконичного, но эмоционального отражения действительности. Мало того, «значительная часть фразеологического фонда русского языка прагматически ориентирована на создание комического, так как изначально является <...> средством выражения эмоционально-оценочного отношения к уже обозначенному словом» [3]. Подобного рода ориентация объясняет достаточно активное использование фразеологизмов как текстообразующей части лингвистического анекдота.

Как известно, одним из важнейших признаков фразеологической единицы является её семантическая целостность (идиоматичность). Любое нарушение этой целостности приводит к искажению смыслового стереотипа, существующего в сознании носителя языка, что и служит причиной возникновения комического эффекта.

Рассмотрим наиболее характерные трансформации фразеологизмов в составе анекдотов.

1. Переосмысление фразеологической единицы. Эта модификация может вообще не затрагивать лексико-грамматический состав фразеологизма, его внешняя форма обычно сохраняется, но смысл

трактуются иначе, чаще всего – за счёт контекста, в который помещают устойчивое сочетание, где оно приобретает иной смысл и наполняется новым ироническим содержанием:

Вернувшись с работы, муж выговаривает жене:

– *Сегодня утром ты сварила такой крепкий кофе, что я на службе целый день **не сомкнул глаз**...* (весь фактический материал взят нами из интернет-источников [4; 5]).

В данном анекдоте фразеологизм *не смыкать глаз* помещён автором в несвойственное ему контекстуальное окружение. Смех вызывает противоречие: «на службе целый день не сомкнул глаз». Ещё одним примером взаимодействия контекстов является следующий:

*Вчера думала, что **набралась ума-разума**. Сегодня проснулась: ан нет, просто набралась.*

Фразеологизм с положительной коннотацией *набраться ума* ‘стать серьёзнее, поумнеть’ намеренно сопоставляется с омонимом *набраться* (разг., неодобрит.) ‘напиться’, относящимся к другой стилистической сфере языка.

2. Одним из популярных приёмов создания комического в анекдотах является двойная актуализация фразеологизма, при которой происходит реализация в одном контексте фразеологического значения и исходных словарных значений компонентов словосочетания-прототипа.

– *Внучок, как зовут того немца, от которого я **без ума**?*

– *Альцгеймер, бабушка!*

Выражение *быть без ума* воспринимается сначала во фразеологическом значении ‘быть в восхищении’, а затем на первый план выходит исходное словарное значение ‘быть сумасшедшим / слабоумным’. Ещё примеры анекдотов, построенных на базе совмещения фразеологического значения оборота и его образной основы и / или внутренней формы:

*Все, **больше** курить **не буду**... Впрочем, и **меньше** тоже!..*

*Зачем **биться головой об стену**??? Об угол куда эффективнее...*

***Выбросить** бы все из головы, да жалко окружающую среду...*

*Роза Львовна, по привычке, пыталась **что-то из себя строить**, но стройматериалы были уже не те...*

– *Что вы делаете, чтобы **быть в форме**?*

– *Я её надеваю.*

3. Нарушение фразеологической непроницаемости. Поскольку большинству фразеологизмов свойственна непроницаемость структуры (важное свойство, позволяющее удерживать устойчивые сочетания в памяти и легко воспроизводить их в процессе речи), то даже незначительное расширение компонентного состава ФЕ приводит к «расщеплению» целостного значения и, как следствие, деметафоризации ФЕ. После такого преобразования возникает оборот с прямым значением, омонимичный фразеологизму, и снова происходит двойная актуализация:

– *Роза Моисеевна, шо таки за шум вчера был в вашей квартире?*

– *Делала закатки, Цилечка.*

– *Что закатывала?*

– *Сначала скандал, потом истерику, а в конце глаза.*

(закатывать глаза)

– *Моня, я тебя умоляю, не бери грех на душу, лишнее на грудь, а родственников на работу! (брать грех на душу; брать (принимать) на грудь).*

4. Реже встречается контаминация разных фразеологизмов (или их частей) в одном контексте, что приводит к возникновению речевых гибридов:

Знание – сила, а сила есть – ума не надо.

– *Моня, не тяни резину в долгий ящик: поезд ждать не будет!* (совмещение компонентов двух ФЕ: *тянуть резину* и *откладывать в долгий ящик*).

Таким образом, фразеологизмы активно используются как текстообразующие элементы анекдота. Однако, анализируя типы трансформаций фразеологизмов, мы пришли к выводу, что достаточно сложно создать строгую классификацию, потому как порой именно сочетание сразу нескольких типов трансформаций приводит к усилению эмоциональности и экспрессивности, к созданию яркого иронического эффекта. Функционирование фразеологизмов в тексте анекдота во многом зависит от контекста и использования автором стилистических и семантических приёмов. Фразеологизмы в анекдоте могут подвергаться значительным изменениям, сохраняя при этом свою языковую самобытность. В целом исследование трансформации фразеологических единиц демонстрирует нам динамический характер фразеологии, её открытость к различным изменениям, а следовательно, и большой потенциал ФЕ в использовании для создания новых анекдотов.

Список использованных источников

1. Чистякова, И. В. Анекдот как литературный жанр / И. В. Чистякова // Вестник ВятГУ. – 2012. – №4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/anekdot-kak-literaturnyy-zhanr/> – Дата доступа : 08.10.2018.
2. Цикушева, И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования / И. В. Цикушева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – №90 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-igry-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya/> – Дата доступа : 08.10.2018.
3. Тюменцева, Е. В. Окказиональные актуализации фразеологических единиц в коммуникативно-прагматическом аспекте: на материале текстов вторичных речевых комических жанров : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Тюменцева. – Волгоград, 2002. – 241 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/okkazionalnye-aktualizacii-frazeologicheskikh-edinic-vkommunikativno.html>. – Дата доступа : 14.10.2018.
4. Русский дом [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russiahousenews.info/funny-story-aphorisms/anekdoti-iz-odessi/> – Дата доступа : 09.10.2018.
5. Анекдоты тут [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://anekdotitut.ru/> – Дата доступа : 15.10.2018.

УДК 81'373.7=161.2=161.1](083.77)

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ФИТОНИМНЫМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

О. В. Банзерук

В статье в сопоставительном аспекте проанализирована семантика русских и украинских фразеологизмов с фитонимным компонентом. Выяснена их национально-культурная специфика, обусловленная особенностями культуры и менталитета этих двух славянских народов. Прослежена растительная символика в значении фразеологических единиц и ее этнический характер.

Ключевые слова: фразеологизмы с фитонимным компонентом, сопоставительный аспект, национально-культурная семантика,

вариантность символики фразеологизмов, национально-маркированный компонент фразеологизма.

In this article on the basis of concrete examples the semantics of phraseological units with the names of plants are analyzed in the comparative aspect. Their national-cultural connotation was found out on the material of Russian and Ukrainian languages. The symbolics of plants in the meaning of phraseological units are investigated. The structural and semantical characteristics of phraseological units with the names of plants are considered in two comparable languages.

Key words: *phraseological units with the names of plants, comparative aspect, national-cultural semantics, structural and semantical characteristics of phraseological units.*

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что славянская система символического отражения мира принадлежит к древнейшим и самым богатым системам традиционной культуры, хотя, к сожалению, она все еще недостаточно изучена. В частности, слабо освещен вопрос о символике в семантике фразеологических единиц. В этих языковых формулах, как отмечает А. Швец, отпечатался способ мышления народа, его взгляды на явления природы, исключительная наблюдательность [1, с. 80–82].

По словам С. Г. Тер-Минасовой, «в идиоматике языка <...> хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам. Фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно иллюстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой» [2, с. 86].

Национально-культурная семантика особенно выражена во фразеологических единицах с фитонимным компонентом, в которых качества человека оцениваются с помощью сравнений его с объектами флоры и выражают как негативные, так и позитивные черты.

Из фразеологических словарей русского и украинского языков на основе методики сплошной выборки мы выделили и систематизировали фразеологические единицы с опорным компонентом фитонимом (*простіше пареної ріпи, дати дуба*), названием части растения (*пукати коріння, сривати цветы удовольствія*) или словом, образованным от названия растения (*тихийший води, нижчий трави, еловая голова*). По нашим данным, во фразеологическом словаре украинского языка [3] зафиксировано около 200 таких фразеологических единиц, в русском фразеологическом словаре [4] – 170.

Разнообразие мифологических представлений об одном и том же растении порождает вариантность символики фитонимов. Например, в состав значительного количества русских и украинских фразеологических единиц входит национально-маркированный компонент «мак». Слово *мак* в украинском языке связано с идеей молодости, красоты вообще и женской в частности, что отразилось в таких фразеологизмах: *гарний як маків цвіт; гарна дівка, як маківка: цвіте, як маківка*.

Обращает на себя внимание и недолгое цветение мака (лепестки опадают через два дня), что свидетельствует о скоротечности человеческой жизни – например, как во фразеологизме *пішов мій вік, як маків цвіт*.

Следует сказать, что ряд украинских фразеологизмов с названием мака не имеет соответствий в русском языке. Некоторые из них связаны с образами этих цветов в поле: *вискочити як голій з маку, вискочити як козак (Кузьма) з маку* ('сказать что-то неуместное'). Очень мелкие семена мака мотивируют значения таких выражений: *на макове зерно* ('очень мало', 'хоть немного'). Этот же образ лег в основу появления новых оборотов: *хоч маком сій* ('чрезвычайная тишина', 'очень тихо'), *як мак начетверо* ('очень бедный').

Основу значения фразеологизма *як за гріш маку* ('очень много') составляет понимание того, что всего за грош получается большое количество мелких частиц мака. Семена мака как составляющая сладких блюд активизирует метафору сладкого вкуса: сладкий – это хороший, приятный. Соответственно, в выражении *не з маком* отсутствие мака выражает значение 'тяжело, плохо, бедно'. Хотя рождественскую кутюю украинцы делают с медом и маком, фразеологизм *(аж) з медом та маком* имеет негативное значение преувеличения: 'сказать не от души'. Способность зерен мака усыплять отражено во фразеологизме *як після маку* ('спать, крепко заснуть').

Кроме приведенных, украинцы используют обороты *мак росте в голові* ('молодой, неопытный, неразумный'), *сісти маком* ('попасть в затруднительное, безвыходное положение').

Отдельную группу составляют выражения, вербально отображающие обидный жест рукой – зажатый кулак с большим пальцем, продвинутым вперед между указательным и средним. Например, *дуля з маком* ('абсолютно ничего', 'выражение несогласия, категорическое «нет»'), Сам жест достаточно распространен и раньше имел обидный характер.

В русском языке слово *мак* встречается в таких фразеологизмах: *маковой росинки (макового зернышка) во рту не было* ('давно ничего не ел, очень голоден'), т. е. этот фразеологизм выражает чувство голода. Чувство стыда в русском языке представлено в выражении *зардеться как маков цвіт* 'засмушаться, сконфузиться, покрыться краской, порозоветь, загореться, смутиться, застыдиться, не знать куда глаза девать, залиться

краской, зардеть, оробеть, прийти в замешательство, покрыться румянцем, не знать куда руки девать, побагроветь’.

В пределах украинской фразеологической системы, в отличие от народного песенного творчества, символ «малина» не играет важной роли. Фразеологические единицы с этим компонентом построены на основе актуализации разных семантических оттенков и атрибутов. В русском языке этот атрибут обозначает вкусную жизнь – *Не жизнь (не житье), а малина!* В украинском языке этого компонента нет: *Не життя, а казка* [5, с. 161]. В русском фольклоре символ «малина», «малиновый» функционирует шире, в украинском – наблюдается употребление эпитета на основе этого признака, выраженного прилагательным: *малиновий як дзвін, передзвін* [5, с. 25]. В русском фольклоре малина – это антипод калины [5, с. 232].

Интересно также сопоставить фразеологизмы с компонентом-дендронимом (названием дерева) в русском и украинском языках в аспекте их символического национально-культурного значения: *похиле дерево, криве дерево, сухе дерево, сире дерево; золоті верби; золоті грушки; суха ялиця, зелений дуб, міцний дуб, грубий дуб; біла береза* и др.

В составе фразеологических единиц в украинской и русской фразеологических системах компонент «дерево» употребляется как в символическом (чаще всего в составе фразеологических единиц библейского происхождения), так и в несимволическом значении, активизируются реально атрибуты и фреймы. В украинском языке – *як листу на дерева* ‘большое, неисчислимое количество кого-чего-нибудь: очень много’ [5, с. 225]; *не бачити за деревами лісу* ‘не замечать за мелким, частичным общего, основного’ [5, с. 20]; *налетів як грім на дерево* ‘беспричинно накричать’ [5, с. 42]; *Як дерево зітнуть, кожний тріски збирає* [5, с. 96]; *Нема такого дерева, щоби на нього птиця не сідала* [5, с. 125]; *поверх дерева ходить* [5, с. 172].

В русском языке – *За один раз дерева не срубить; Нет такого дерева, чтобы на него птица не садилась; Куда дерево клонилось, туда и повалилось; Руби дерево по себе; Из-за леса дерева не видать* [5, с. 19].

«В европейском фольклоре и волшебных сказках лес – место тайн, опасности, испытаний или посвячений. Заблудиться в лесу или найти дорогу через него – соответственно, метафоры отсутствия опыта или достижения знания о мире взрослых или самого себя» [5, с. 193]. В. А. Маслова пишет о том, что у славян существует сильное проклятие *Иди ты в лес!*. Эту мысль подтверждают многочисленные тексты заклятий и такие фразеологизмы: *Нехай іде на ліса та на болота; Нехай воно йде собі на сухий ліс* [5, с. 175]; *Як не впинить ліса, буде в самого біса* [5, с. 256]; *темний ліс* ‘что-то непонятное, неизведанное, запутанное, душа человека, которую нельзя понять; скрытый, тайный’ [5, с. 41]; *диви-*

тися в ліс 'быть неблагодарным, выказывать неудовольствие своим положением, пытаюсь заменить его' [5, с. 41].

В русском языке с подобной семантикой выступает фразеологизм как *темный лес* [5, с. 118], вербализующий смерть, поскольку, в соответствии с мифологическими представлениями славянских народов, лес – это чужой мир, царство мертвых [5, с. 122].

Многие аспекты жизни украинского человека были связаны с вербой, потому в украинском языке содержится значительное количество фразеологических единиц с компонентом «верба». Как утверждает Г. Филь, компонент «верба» во фразеологических единицах украинского языка продуцирует негативную модальность [6, с. 204]: *золоті верби ростуть* ('за что ни возьмется, что ни сделает, все испортит, все не так, испортит дело'); *повиснути на вербі* ('причинить себе смерть, повеситься'); *вербу носити почав* ('начал пить').

Кроме того, компонент «верба» входит в состав фразеологических единиц, вербализующих концепты «небылица, ерунда, обман, что-то нереальное» – *на вербі груші ростуть*, а также концепт «никогда» – *як виросте гарбуз на вербі*.

В состав большого количества украинских фразеологических единиц входит компонент «дуб». Физические свойства дерева, выделяющие его среди других деревьев, обуславливают его символическое значение в украинском языке, где он выступает символом силы, выносливости: *сильний / міцний як дуб*. В украинском фольклоре образ дуба персонифицирует крепкого, сильного, красивого парубка-казака: *парубочки як дубочки* [7].

В славянской мифологии преимущественно с дубом связаны легенды о мировом дереве: оно считалось священным и ассоциировалось с именем Перуна, который добывал из него огонь (само слово *дуб* сначала содержало в себе общее понятие дерева). Для славян дуб издавна был сакральным местом, с которым связывалась судьба человека и возле которого совершались решающие для него события. Это нашло отклик в украинском фольклоре, в том числе и песнях. Например: *Ой у полі дуб зелений, / Під тим дубом вишня, / А там козак коном грає, / Щоб дівчина вийшла* (укр. нар. песня).

Однако физические качества дуба (твердость, тяжелообрабатываемость) в языковой картине мира украинцев также сопоставлены с психическими и интеллектуальными качествами человека, вербализуя таким образом концепт «тупость, неспособность воспринимать информацию»: *дубова голова; дуб дубом; великий дуб та дуплинистий*.

Дуб также связан с похоронным ритуалом. Дело в том, что в древние времена мертвых хоронили в срезанных стволах больших дубов, из которых вырубывали середину. Было распространено верование,

что в дубах живут души умерших предков. Эти взгляды и отразились во фразеологизмах *дати дуба* (пренебрежительно), *врізати дуба* (грубо) – ‘умереть, погибнуть’: *Я хоч і в тілі, при буряковому виді, але тихцем хворію і можу врізати дуба* (А. Крижанівський). Об уважительном отношении к дубу, как отмечает Н. Дмитренко, свидетельствуют также пословицы и поговорки: *Який дуб, такий тин, який батько, такий син; Який дуб, така й бочка, яка мати, така й дочка; Кожний дубок хвалить свій чубок; Високий, як дуб, а дурний, як пень; Жолудь який малий буває, а з нього великий дуб виростає* [8, с. 143].

Таким образом, выполнив сопоставительный анализ фразеологизмов с фитонимным компонентом в русском и украинском языках, мы установили, что многие компоненты данных фразем обладают символической семантикой (как, например, *дуб, верба, калина, мак*). Она обусловлена спецификой использования этих растений как в русской, так и в украинской культурах и быте, принадлежностью к определенной наивно-мифологической картине мира.

Мы убедились, что фитонимные компоненты не только привносят разнообразие в состав фразеологических единиц, но и служат мощными этнокультурными маркерами языковой картины мира. Символический национально-маркированный флористический компонент таких фразеологических единиц своеобразен по своему происхождению и ограничен определенным культурно-языковым сообществом. Поэтому каждая растительная составляющая таких фразеологизмов вызывает цепь соответствующих ассоциаций (дуб в украинском языке ассоциативно связывается с признаками здоровья, мощи, крепости, а в русском – с негативными интеллектуальными данными человека).

Список использованных источников

1. Швець, А. О. Фразеологізми з компонентом-числівником в українській та польській мовах / А. О. Швець // Молодий вчений. Філологічні науки. – 2014. – №9 (12), вересень. – С. 80–82.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 146 с.
3. Словник фразеологізмів української мови / укл.: В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук, Т. О. Федоренко / відп. ред. О. Винник. – К. : Наукова думка, 2003. – 788 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://edm.retejo.info/knyhy/frazeolohichni-slovnyku-ukrainskoi-movy/slovnyk-frazeolohizmiv-ukrainskoi-movy-kyiv-2003>. – Дата доступу : 10.10.2018.

4. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / под ред. А. И. Молоткова ; сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков; А. И. Молотков, А. И. Федоров. – М. : Рус. яз., 1986. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib.pstu.ru/vufind/Record/RUPSTUbooks>. – Дата доступа : 10.10.2018.

5. Левченко, О. П. Фразеологічна символіка: лінгвокультурологічний аспект : монографія / О. П. Левченко. – Львів : ЛРІДУ НАДУ, 2005. – 265 с.

6. Філь, Г. Флористичний компонент у структурі фразеологічних одиниць східнослов'янських мов / Г. Філь // Рідне слово в етнокультурному вимірі : збірник наукових праць. – Дрогобич : Посвіт, 2016. – С. 237–246.

7. Старостенко, О. Символічне значення фітонімів в англійській та українській мовах / О. Старостенко [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://ekhsuir.kspu.edu/handle/> – Дата доступу : 10.10.2018.

8. Дмитренко, М. Символи українського фольклору : монографія / М. Дмитренко. – К. : УЦКД, 2011. – 400 с.

УДК 811.16'42:821.16-1:004.77

ТРАДИЦИОННАЯ И СЕТЕВАЯ ПОЭЗИЯ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

Ю. В. Бартош

В статье раскрываются общие и специфические признаки традиционной и сетевой поэзии. Сетевую поэзию характеризуют такие оппозиционные признаки, как одновременное следование традиции и неприятие ее, а также появление новых жанров, эксперименты с силлабо-тоникой и др.

Ключевые слова: *сетевая поэзия, кибература, гиперссылки, сетература.*

The article deals with general and specific features of traditional and network poetry. Network poetry is characterized by such oppositional features as simultaneous following of tradition and its rejection as well as emergence of new genres, experiments with syllabo-tonics, etc.

Key words: *network poetry, cyberatura, hyperlinks, netliterature.*

Для сетевой поэзии характерны двойственные, конкурирующие отношения с «бумажной» поэзией: преемственность традиций и одновременное их неприятие, выработка новых форм, жанров, эксперименты с силлабо-тоникой. Преемственность и неприемлемость традиций удивительным образом сочетаются в поэтических текстах, как будто авторы не до конца уверены, подходит ли существующая литературная модель для сетевой поэтической коммуникации.

Рассматривая массовую культуру как обязательный элемент переходной эпохи, Ю. М. Лотман подчеркнул, что появляется массовая литература, когда при переходе на новый этап использованы все резервы форматной литературы. Массовая литература, по мнению Ю. М. Лотмана, «должна обладать двумя взаимно противоречащими признаками. Во-первых, она должна представлять более распространенную в количественном отношении часть литературы. При распределении признаков “распространенная – нераспространенная”, “читаемая – нечитаемая”, “известная – неизвестная” массовая литература получит маркированные характеристики. Следовательно, в определенном коллективе она будет осознаваться как культурно полноценная и обладающая всеми качествами, необходимыми для того, чтобы выполнять эту роль. Однако, во-вторых, в этом же обществе должны действовать и быть активными нормы и представления, с точки зрения которых эта литература не только оценивалась бы чрезвычайно низко, но она как бы и не существовала вовсе. Она будет оцениваться как «плохая», «грубая» или по какому-нибудь другому признаку – исключенная, отверженная, апокрифическая. Таким образом, один и тот же текст должен восприниматься читателем в двойном свете» [1, с. 819].

Сказанное применимо и к интернет-творчеству. В этом ключе важно исследование сетевой поэзии как такого «неформатного» творчества, что впоследствии может стать материалом для новой поэтической теории. Сетература, как всякая массовая литература, выступает и критиком существующих теорий, и их имитатором. Это подтверждается опросом, проведенным на сайтах «Имба-Читальня» и «Стихи.ру», который показал, что сетевые авторы в равной степени считают творчество, размещаемое на названных сайтах, как традиционной поэзией («черновики» бумажной поэзии, альтернативным носителем поэзии), так и принципиально отличающимся типом / направлением поэзии (с отсутствием редакторов, свободой, более живым автором и читателем, интерактивным «беловиком», с возможностью корректировать текст неоднократно уже после опубликования).

По мнению сетевых авторов, такая поэзия имеет как плюсы (мгновенность печати, свобода творчества, компьютерные возможно-

сти, «живая» аудитория, возможность коллективного творчества, возможность разместить текст в Интернете, минуя редакторов и процесс типографской печати и т. д.), так и минусы (нет бумажного запаха, много «мусора» и графоманства, клоны одного автора, погоня за рейтингами и т. д.). Среди особенностей хотелось бы уделить внимание возможности удалить произведение или даже закрыть свою страницу. В отличие от «бумажного» – того, что не вырубешь топором, и того, что не горит, – виртуальное легко удаляется практически без следа, и порой перечитать понравившееся невозможно, т. к. «автор закрыл свою страницу» либо «произведение удалено автором». Возможность редактировать уже опубликованное произведение стимулирует публикацию сырого поэтического текста, который дорабатывается многократно как самим автором, так и с подсказки читателей в комментариях (рецензиях).

Однако следует заметить, что во взаимодействии «бумажной» поэзии и сетературы наблюдается некоторая цикличность: отделившись от традиционной поэзии, создав свой индивидуальный стиль, сетевые поэты все же стараются издать собственные «бумажные» сборники. Например, в 2003 году издательство «Росмэн» опубликовало книгу «Вдох-выдох. Поэзия русскоязычного Интернета», в которой собраны стихи молодых поэтов, пишущих на русском языке, живущих в разных странах и публикующих свои произведения в Интернете. Или же известная среди ценителей «пирожков» книга «Непоэзия. Избранные пирожки», которую издал В. Кунгуров в соавторстве еще с четырьмя сетевыми поэтами. Существует и встречная тенденция, когда члены союзов писателей, уже известные «бумажные поэты», размещают свои произведения в сети, расширяя аудиторию и осваивая стилевые особенности сетевой поэзии, вследствие чего даже адаптируя стихотворения под сетевой формат. Указанная группа авторов всегда размещает сведения о наличии бумажных публикаций, к примеру, Нина Злаказова сообщает, что она «автор книг “Абсолютное лето” (2010), “Благовещенская тетрадь” (2013)» и «составитель книги “Родные рукописи” (2013). 2016 г. – “Невечный город”»; Алисия Лис также перечисляет свои регалии: «Член Российского Союза Писателей. Номер членского билета: 7078 ...Номинант премии “Поэт года 2015”. Номинант премии “Наследие 2016”. Номинант премии “Русь моя 2016”. Номинант премии “Поэт года 2016”. Номинант премии “Писатель года 2016”» и др.

В отношении «синтеза» сетевой и традиционной поэзии интересен проект «МК-Сетература», целью которого организатор Г. Янс обозначил популяризацию литературных произведений, пуб-

ликующихся в Интернете. Данный проект представляет собой «литературное соревнование – Открытый чемпионат России по литературе... по аналогии с футбольным чемпионатом, отбирается по 32 поэтических и прозаических текста, которые выходят в финальную часть чемпионата. Тексты-участники разбиваются на четыре группы, а далее начинается групповой турнир» (<http://www.proza.ru/2011/09/16/399>), где профессиональное жюри выбирает победителя, произведение которого публикуют в газете «Московский комсомолец» в разделе «МК-сетература» с миллионной читательской аудиторией (Статья в Литрес – <https://www.litres.ru/pages/cms/?page=2945>, проект работает с июня 2011 года).

Еще один результат смешения традиционной и сетевой литературы – интерактивная книга «В маленькой комнате» (2015 г.) Камиллы Лысенко, получившая десятки положительных отзывов от современных поэтов, критиков и представителей эстрады. Книга издается на заказ в одном из четырех вариантов обложки, который выбирает заказчик. Стихи, которые размещены в книге, содержат ссылки на продолжение либо поясняющую информацию, факт-предпосылку в форме фото- видео- или аудиофайла / иллюстрации / экранизации стихов (<https://vk.com/inasmallroombook>).

Как справедливо заметил член редколлегии журнала «Современная поэзия» Илья Леленков, «многие «сетевые» закончили вполне себе реальный Литинститут, издали по несколько поэтических книг, критические статьи о которых впоследствии написали те, кто поначалу ругался. «Сетевые» поэты стали «официальными», «официальные» же освоили сеть и с упоением ведут по два, а то и по три блога в час. Круг замкнулся...» [2].

Таким образом, интернет-стихотворение взаимодействует с традиционной поэзией, и это взаимодействие выражается в двух противоположных формах, становящихся иногда «концепцией» сайта со свободной публикацией стихотворений. Первая модель – это принятие «бумажной» поэзии за образец (прозаик, литературный критик Андрей Тимофеев называет данное направление «новым традиционализмом», для которого характерна «ориентация на магистральную линию русской литературы» [3]), при этом сетевой автор воспринимает себя ее продолжателем (и считает, что интернет-страница – это альтернатива напечатанной книге) либо заявляет о попытках приблизиться к кругу посвященных (*Я не поэт, я просто пытаюсь выразить свои чувства, рифмуя строки*).

Об этой преемственности путем использования готовых шаблонов, поэтических клише писал О. Аронсон в статье «Народный сюрреализм»:

«интернет-поэзия не производит, но повторяет» [4, с. 85], автор ее – «поэтический народ», объединенный желанием поэтической коммуникации [Там же, с. 87]. В таком понимании поэзия становится не признаком аристократической способности и профессионализма, а является врожденной функцией и потребностью человека, т. к. «само жительство в современном мире странным образом требует для себя поэзии» [Там же, с. 87]. Важна не столько сама техника, поэтическое усилие, сколько общность, единение народа посредством поэтической коммуникации: «И как для литургии важна совместность, общность в пении и молитве, а не виртуозность исполнителей, так и для массовой культуры общность важнее профессионализма» [Там же, с. 94]. То есть поэзия превращается в среду, в которой бытует поэтический народ. Вероятно, с этим можно согласиться, т. к. наблюдения показывают, что человек не может жить без поэзии. Перестав читать и слушать высокую поэзию, он рифмуется речью, лозунги, создает рифмованные дву- и четырехстишья.

Вторая модель – это непринятие сложившейся поэтической традиции, противопоставление ей сетевой поэзии, поиск новых форм поэтических текстов. Автор на своей странице может сразу об этом заявить, например, как это сделала Анна Кантелинен:

нет, не просите. я не исправлю свои стихи.

*я очень ценю то, насколько вы разбираетесь в стихосложении,
мастерски отличаете ямб от хорея и обладаете отменным чувством ритма.*

но позвольте мне дерзость оставлять мои вирши такими, какими они пришли ко мне.

*я работаю над каждым стихотворением,
и если оно выложено здесь,
значит, это конечный вариант.*

К поискам и экспериментам можно отнести новые жанровые формы (порошки, пирожки и т. д.), кибературные произведения, эксперименты с цветом и изображениями, гиперссылками. Однако в большинстве своем сетевая поэзия характеризуется сочетанием обеих моделей, что приводит к размыванию границ между высоким, элитарным и массовым.

Таким образом, интернет-поэзия важна и нужна. Представляя собой особую среду, в которой автор и читатель тесно взаимодействуют посредством рецензий, сетевая поэзия переносит акцент с результата творчества (поэтического текста) на сам процесс сочинительства и превращает читателя в соавтора. Преимущество и неприемлемость традиций классической поэзии, эксперименты с «составляющими»

стихотворения при одновременном подражании эталонам поэзии, статистические данные сайтов со свободной публикацией поэтических текстов дают основание рассматривать интернет-поэзию как массовую литературу, у которой есть массовый читатель.

Список использованных источников

1. Лотман, Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993) / Ю. М. Лотман. – СПб. : «Искусство – СПб», 1997. – 845 с.
2. Леленков, И. Поэтический вечер основателя журнала современная поэзия / И. Леленков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kultinfo.com/novosti/1341/> – Дата доступа : 11.09.2018.
3. Тимофеев, А. Роль критики в современной литературе / А. Тимофеев // Вопросы литературы. – 2018. – №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/voplit/2017/3/rol-kritiki-v-sovremennoj-literature.html>. – Дата доступа : 01.04.2018.
4. Аронсон, О. Народный сюрреализм (Заметки о поэзии в Интернете) / О. Аронсон // Синий диван. – 2006. – № 8. – С. 7–16.

УДК 811.16'42:398.92:316.423.6-055.2

ФРАЗЕОЛОГИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ ЭМАНСИПАЦИИ ЖЕНЩИН

Л. Е. Беженару

В статье рассматриваются фразеологические единицы трех волн феминизма. Анализируется связь данных фразеологизмов с общественно-политическими и культурно-историческими явлениями.

Ключевые слова: *гендерный фактор, феминизм, фразеологические единицы.*

The article deals with the phraseological units of the three waves of feminism. The link of these phraseological units with social and political, cultural and historical phenomena is analyzed.

Key words: *gender factor, feminism, phraseological units.*

Социальный опыт женщин в любом культурном пространстве, сложный характер репрезентации *самости*, ломка стереотипов дают возможность женщине самой решать свою судьбу. Это совмещение различных идеологий, взглядов, направленных на достижение поли-

тического, социального, финансового, личного равенства женщин и сохранения их прав, а также противостояние гендерной сегрегации.

Гендерный фактор во фразеологической системе, отражающей исторический пласт культуры языкового сообщества, продолжает привлекать внимание лингвистов. В настоящей работе фразеологические единицы рассматриваются нами и сквозь призму лингвокультурологии.

Исследуя разные периоды женской эмансипации, роль женщины в обществе, ее поведение и отношение самого общества к женщине, можно говорить о том, что в любом обществе восприятие образа женщины в основном формируется под влиянием национальных гендерных стереотипов, которые в разные исторические периоды находят свое выражение во фразеологических единицах, пословицах и поговорках. Народная мудрость четко и глубоко определяет внутренние качества женщины в гендерном русле: *Глупая женщина держит мужчину за горло, умная – за руку, мудрая – вообще не держит.*

«Декларация» «женщины и гражданки» Олимпии де Гуж [1] вызвала в обществе разные отношения, а ее фраза *«Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право взойти и на трибуну»* впоследствии стала не только пророческой, но и крылатой.

Уже в конце XVIII века первые европейские феминистки боролись не только за равноправие, но и за равно разделяемую ответственность полов. Статья седьмая «Декларации» гласила, что женщина, как и мужчина, может подвергаться наказанию, заключаться под стражу и обвиняться судом. Позже, уже в XX веке, женщины добьются права служить в армии и в церкви наравне с мужчинами, лететь в космос и избираться президентами.

Феминистское движение часто делится на *три основные волны*. Первая волна началась с движения *суффражисток* и борьбы за право голоса женщин, борьбы с сексизмом.

Вторая волна происходила в середине 1960-х – конце 1980-х годов и началась с дебатов о праве на аборт и развод; уголовное преследование насильников и мужей, избивающих жен; равные мужчинам права на работе. Этот период ассоциируется с понятием «феминизм» в целом», т. к. главное требование феминисток «второй волны» – не только избрать, но и самим войти во властные структуры. В трактате «Второй пол», который является ключевой работой современного феминизма, родоначальница и теоретик «второй волны» Симона де Бовуар даёт детальный анализ угнетения женщин и приходит к выводу, что патриархат не допускает женщин к материальным и интеллектуальным ресурсам социума; патриархат обрекает их на вечно *вторые, неглавные* роли. Крылатая фраза де Бовуар *«Женщиной не рождаются»*

ся, ею становятся», как и название ее основного труда, определяют глубокий смысл второй волны феминизма и воспроизводимы в речи в готовом виде [2].

В разных странах в советскую эпоху существовало *женское движение* или *феминизм по-советски – советский феминизм*, названный некоторыми авторами и «феминизмом наоборот», главной представительницей которого была *советская женщина*, она же *простая советская труженица*, но и «*мымра*», которая добилась определенных успехов в области решения *женского вопроса*: равноправия с мужчинами в социальной и экономической жизни, в области профессиональной деятельности [3]. Советские женщины, как и зарубежные феминистки, отстаивали свои позиции в театре, кино, в сфере политики и у руля власти. Небольшая часть языковых единиц, положительно оценивающая способность женщин мыслить, скорее отражает жизненный опыт женщины *быть самой собой* и ее практическое мышление, выражающееся и во фразеологизмах периода оттепели и постсоветского времени: *кухня и мода – это не свобода, долой кухонное рабство, женщины тоже люди, место женщины везде, без участия женщин избирательное право не всеобщее, место женщин не только в доме, но и в думе*. Фразеологизмы-лозунги советского времени «*даешь новый быт*», «*даешь равноправие*» сформированы по образцу «рабочего приказа *Даешь*» из стихотворения «*Даешь*» Владимира Маяковского.

В 60-ые годы XX века, когда «ученики должны были писать сочинение на тему «Образ бабы-яги – уходящей бабы прошедшего времени», вошло в русскую литературу выражение *бабизм-ягизм*, введенное М. Розовским [4]. А крылатая фраза участницы телемоста Ленинград-Бостон в 1986 г. «*В СССР секса нет*» стала клеймом определенных отношений между мужчиной и женщиной на долгие времена.

Начало 1990-х годов является периодом подъема «третьей волны» феминизма, которая углубляется в философию и психологию, а ключевой проблемой движения выдвигается сексуальность. Некоторые феминистки считают, что язык напрямую влияет на наше восприятие мира и понимание своего места в нём, поэтому устойчивые выражения 90-ых *бухать в клубе – отдыхать, а не продаваться; не худей, не вари, не подчиняйся* дополняют русскую языковую картину мира. Название четвертой из маленьких трагедий А. С. Пушкина «Пир во время чумы» «перформатировано» феминистками в *квир во время чумы* по аналогии с квир-феминизмом (феминизмом сексуальной ориентации); рождается выражение *пятая колонна феминисток*, аналогом которой является словосочетание *пятая колонна*, которое в политической фразеологии и жур-

налистике активно употребляется (обычно в кавычках) по отношению к различным типам внутреннего противника.

Третья волна феминизма дополняется таким радикальным, на наш взгляд, явлением, как *злокачественный феминизм* – который направлен против мужчин – «оскароносных режиссеров и актеров, известных журналистов и звезд спорта, политиков и судей — людей публичных профессий» [5]. Обвинения оных в домогательствах и в попытках изнасилования становятся оружием для вымогательства денег, для политических скандалов, политического шантажа и продвижения определенных политических проектов и ставят под удар феминистское движение.

Список использованных источников

1. Олимпия де Гуж. Декларация прав женщины и гражданки (1791); перевод К. Лучинина и В. Успенская [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://womention.org/olympia-de-gouges-womens-rights-declaration/> – Дата доступа : 12.10.2018.

2. Симона де Бовуар. Второй пол; перевод Е. Орлова, А. Сабашникова, 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=156868&p=1> – Дата доступа : 10.10.2018.

3. Лебина, Наталья. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР-Оттепель / Наталья Лебина // Новое литературное обозрение. – Москва, 2017. – С. 33–129.

4. Розовский, Марк. Образ бабы-яги – уходящей бабы прошедшего времени / Марк Розовский // Юность. – 1962. – № 4.

5. Злокачественный феминизм распространяется с США на Европу // Вести.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3066338>. – Дата доступа : 30.09.2018.

УДК 811.161.1`373.23:811.581`373.23

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В. А. Белодед

В статье исследуется концепт “женщина” в китайском и русском языках на уровне фразеологических и паремиологических единиц. Рассмотрение идиом с “женской” тематикой помогает раскрыть образ женщины в представлении двух народов.

Ключевые слова: женщина, концепт, фразеология, паремиология.

The article investigates the concept of “woman” in Chinese and Russian languages at the level of phraseological and paremiological units. Consideration of idioms with a “female theme” helps to reveal the image of a woman in the representation of two nations.

Key words: woman, concept, phraseology, paremiology.

В последнее время существенно возрастает влияние компьютерных технологий на исследовательскую деятельность в сфере различных отраслей науки. Филологические дисциплины также не стали исключением. Диахронический подход к изучению языка гораздо легче осуществляется с опорой на интернет-ресурсы. Используя электронный Большой Китайско-Русский Словарь (БКРС), можно провести сравнительный анализ языковых единиц в двух таких непохожих, но в чём-то близких языках – китайском и русском.

Остановимся более подробно на рассмотрении концепта «женщина», который относится к числу универсальных, поскольку существует во всех ментальных картинах мира, формируясь в лингвосознании всех этнических групп. С другой стороны, этот концепт позволяет увидеть различия и особенности мировосприятия русского и китайского народов, определить их национальную специфику. В исследовании важно опираться на культурно-исторические факторы, в частности, на мифологию и религию.

В словаре современного китайского языка *женщина* определяется следующим образом: ‘взрослый человек женского пола’ [1]. Отметим, что ключ, обозначающий женщину (女), входит в состав иероглифа *холоп, раб, лакей* (奴隶). Этим подчёркивается незавидное положение женщины в обществе, которое сложилось в древнем Китае. К девочкам относились с крайним пренебрежением. Если мальчика можно было продать в подмастерья или отдать на учёбу, то девочка не могла получить образование. В лучшем случае её отдавали в качестве прислуги в богатый дом. Как правило, никто не давал девушкам имена. Соратник Мао Цзэдуна Чжу Дэ вспоминал, что так и не узнал ни имени, ни фамилии своей матери даже после её смерти.

Довольно жестокое отношение к женщинам демонстрирует чэньюй *三寸金莲*, который переводится как «золотой лотос в три цуня». Выражение на самом деле означает забинтованные ноги женщины. Девочкам фактически ломали ступни, чтобы они могли передвигаться самостоятельно с большим трудом, попадая таким образом

в полную зависимость от окружающих. Другая, более гуманистическая версия использования фразеологизма связана с заботой о дочери в семье. Лотос в буддизме символизирует чистоту и совершенство. А крохотные ноги всегда считались символом женственности и образцом порядочности у китайцев. Это была самая привлекательная часть тела и одновременно самая главная, секретная. Мужчина ни в коем случае не мог осквернить женщину прикосновением к её ногам. Следовательно, китайцы объясняли такую болезненную процедуру своим стремлением сделать девочку более привлекательной для богатого жениха и удачно выдать её замуж.

Конечно, статус женщин в Древней Руси также нельзя назвать высоким. Среди русских пословиц на тему отношений между мужем и женой можно отметить ряд паремий, отображающих патриархальные отношения, доминирующее положение мужа, сравн.: *Бабу бей, что молотом – сделаешь золотом; У мужа жена всегда виновата; Жене спускать – добра не видать; Бабе спустишь – сам баба будешь; Кто жене волю даёт, тот сам себя обкрадывает; Люби жену, как душу, трясги её как грушу; Бей жену к обеду, а к ужину опять без боя за стол не сядь; Не петь куре петухом – не владеть бабе мужиком [2].*

В Китае положение женщины меняется со свержением монархии и приходом к власти коммунистов. В повседневную жизнь входит новый фразеологизм: 唯命是从 ‘быть под башмаком, слепо повиноваться, в страхе держать’, обозначающий повиновение и покорность мужа, т. е. муж теперь должен слушаться жену во всём (русский эквивалент – *быть под каблуком*, т. е. попадать в зависимость от жены). Однако по-прежнему сохраняется олицетворённый в цветке лотоса образ женщины: 芙蓉并蒂. Данная идиома переводится как «два лотоса, растущих на одном стебле». Так говорят о супругах, которые живут душа в душу. Отметим, что символ лотоса в буддизме, кроме уже известной нам духовной чистоты, обозначает соединение солнца и луны, соединение мифологем воды (женское начало) и огня (мужское начало). Обладая свойством раскрывать свои лепестки на рассвете и закрывать их на заходе солнца, лотос символизирует возрождение, а вместе с ним и появление новой жизни. Поэтому благополучный союз мужа и жены в Китае, о котором говорят как о двух цветках лотоса, трактуется совершенно естественным путём – последующим рождением детей.

Если в китайском языке образы мужа и жены обладают чистотой и непорочностью, то в русском чаще встречается негативная окраска при характеристике семейной пары: *Муж и жена – одна сатана; Жена и муж – змея да уж*. Почему семья как главная жизненная цен-

ность, как что-то светлое и высокодуховное связывается с образом дьявола? Такому неприглядному по звучанию выражению можно придать положительный контекст при объяснении паремии. Здесь отображается суть семьи, сплочённость, которую надо развивать. Семья – это самое важное, что есть у людей, основа, фундамент, а уже на нём строится жизнь каждого отдельного человека. В Библии встречается слово *ha-satan*, что переводится как «противник, враг». Таким образом, муж и жена вместе должны противостоять любым неприятностям, согласовывая свои действия и желания, быть готовыми поддерживать друг друга и противодействовать любым ударам судьбы. Кроме того, учёными было опровергнуто утверждение, что противоположности притягиваются. В большинстве случаев мы выбираем себе в спутники жизни тех, кто чем-то похож на нас самих. И чем дольше мы живём с выбранным нами человеком, тем больше мы становимся похожими на него: *С кем поведёшься, от того и наберёшься*. Поскольку статус женщины раньше рассматривался ниже, чем статус мужчины, женщины иногда ассоциировались с нечистой силой (Адам совершил грех из-за того, что Ева предложила ему вкусить запретный плод), то почему бы не наделять отрицательными характеристиками и мужа? *Все бабы – ведьмы, а те, что постарше, уж точно ведьмы!* (Н. В. Гоголь) [3]. Тем не менее встречаются и паремии с исключительно положительной окраской, например: *Муж с женой, что мука с водой*. Мука и вода – одни из основных компонентов для изготовления хлеба, поэтому являются важными для русского сознания, сравн.: *Хлеб всему голова*. Если китайцы наделяют божественными свойствами лотос, способный рождать новую жизнь, то у русских такие характеристики имеет сочетание воды и муки, что даёт в итоге хлеб.

На этом моменте обратимся к положительной коннотации женщины в китайском языке. Известны такие выражения: 狐狸精 ‘лиса-оборотень’, 狐狸尾巴就露出来了 ‘оборотня / лису хвост выдаёт’. Пословица про лису, которую выдаёт хвост, имеет свою легенду. Одна семья, состоящая из матери и сына, которого звали Лю Хай, жила на краю бедной деревни в старом доме. Лю Хай был дровосеком, поэтому часто ходил в лес за дровами. Однажды во время его работы маленькая птичка выпорхнула у юноши из-под ног и полетела дальше в лес. Лю Хай побежал за птицей и вскоре оказался перед красивой девушкой, которая стала заверять дровосека, что давно ждёт его здесь. Юноша и девушка поженились. Новоиспечённая жена очаровала всю деревню своим пением, умением готовить и шить. Спустя несколько дней ещё более странная история приключилась с Лю Хаем: камень окликнул его в лесу и сообщил, что жена дровосека – это лиса-оборотень. Когда ночью она достанет изо рта крас-

ный шарик (свою душу), его надо проглотить, тогда Лю Хай станет могущественным и сильным, а лиса, собственно, превратится в лису. Казалось бы, что перед нами отрицательный персонаж – лисица, которая обманом проникает в бедную семью, преследуя свои корыстные цели. Это больше характерно для русских сказок. В китайской версии получилось несколько иначе. Лиса рассказала Лю Хаю, что камень впоследствии хотел убить юношу и завладеть красным шариком, дающим могущество его владельцу. Она посоветовала мужу разрубить камень и вытащить из него верёвку, на конце которой будет сидеть жаба. Жаба должна была вознести Лю Хая в небеса и сделать его богом. Юноша так и поступил, а верёвку оставил матери. Когда мать дёрнула за верёвку, с неба сыпались золотые монеты. Так благодаря лисе нищая деревня перестала бедствовать, а Лю Хай стал известен как бог монет [4].

Вне всяких сомнений, лиса здесь выступает как хитрая и коварная женщина, которая смогла провести алчный камень, желавший смерти её мужа. В этом аспекте образы русской лисы и китайской совпадают. Но в русском сознании лиса больше закрепляется как отрицательный персонаж. В народных сказках лисица либо остаётся ни с чем (её разрывают собаки, она, обманутая, убегает без добычи), либо наносит какой-то вред окружающим и выходит победителем (съедает колобка). Первый вариант развития событий случается значительно чаще, потому что добро традиционно побеждает зло. Но самое важное для нас то, что образ лисы как хитрой женщины одинаков в двух языках. Что же касается представлений о рыжей плутовке, от которой исходит намеренное зло, то в китайском языке также будет встречаться такая трактовка, но несколько позже. Подобные взгляды станут характерными преимущественно для необразованных крестьян, которые трудились на своих полях и верили в приметы. Изначальная версия легенды о Лю Хая претерпевает со временем существенные изменения. Позже крестьяне придумают свой конец истории, где мать Лю Хая умирает, а сама лиса остаётся навсегда в облике женщины. Отсюда возникли многочисленные приметы китайских крестьян: увидишь на полях хвост лисы – жди беды. Непременно будут пожары или дожди. Лисица – источник многих бед, но чаще всего – это коварная девушка, которая испытывает жизненные силы и терпение мужа.

Следует также рассмотреть некоторые китайские фразеологизмы, в которых есть детерминатив женщина 女. Один из таких фразеологизмов – 女娲补天 – дословно переводится как «починка неба богиней Нюйвой». 女娲 Нюйва – это имя легендарной китайской богини, которая изображалась в виде полуженщины-полузмеи. Напомним, что в русском языке существует устойчивое выражение *змея подколот-*

ная, который служит характеристикой подлого и злого человека: *Ты же не дочь мне теперь, ты мне змея подколотная!* (Ф. М. Достоевский) [5]. Богиня Нюйва является покровительницей брака в китайской мифологии. Кроме того, она считается прародительницей всего живого на планете, так как вылепила из глины первых людей на земле. Нюйва сотворила ещё много добра: она спасла мир от потопа и починила небосвод. 补天 здесь означает ‘починить небосвод’, т. е. найти выход из, казалось бы, безвыходного положения: *Богиня расплавил разноцветные камни и укрепила ими небо, затем отрезала ноги у гигантской черепахи и подпёрла ими небеса с четырёх сторон, установив космическое равновесие и всеобщую гармонию* [6]. Из всего этого следует, что китайцы стремятся подчеркнуть сакральную функцию женщины, уподобить её божеству, так как именно женщины несут большую ответственность за продолжение рода. Каждый из нас обязан матери своей жизнью. Отмечается также природная смекалка и женская мудрость на примере рассудительной Нюйвы, которая догадалась, каким образом можно починить небо.

Ещё один чэньюй 天女散花, буквальный перевод «небесная дева, которая осыпает кого-либо цветами, желает счастья». 天女 – это божественная нимфа или ангел, являющийся персонажем буддистской мифологии. В словаре приводится допустимый перевод «ласточка». Таким образом, женщина ассоциируется с богиней и предстаёт в образе ласточки. Следует отметить, что сравнение девушек с некоторыми птицами характерно и для русской народной традиции (царевна-лебедь – олицетворение мудрости и волшебной силы, голубка – ласковое обращение к женщине).

Итак, устойчивые словесные комплексы с «женским» компонентом в обоих языках довольно многочисленны. Мы рассмотрели лишь небольшую их часть, которая, тем не менее, позволяет нам сделать выводы о некоторых особенностях представления женского образа у русского и китайского народов. На современном этапе историко-культурного развития в приоритете находится уважительное отношение к женщинам, а пережитки прошлого, связанные с невысоким статусом женщины в Китае и России, успешно преодолеваются.

Список использованных источников

1. Байду (интернет-энциклопедия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://baike.baidu.com/item/%E5%A5%B3/507533>. – Дата доступа : 02.10.18.

2. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hobbitaniya.ru/dal/dal75.php>. – Дата доступа : 03.10.18.

3. Гоголь, Н. В. Вий / Н. В. Гоголь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ilibrary.ru/text/1002/index.html>. – Дата доступа : 02.10.18.

4. Мелетинский, Е. М. Мифологический словарь / Е. М. Мелетинский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://myths.kulichki.net/enc/item/f00/s20/a002056.shtml>. – Дата доступа : 05.10.18.

5. Достоевский, Ф. М. Хозяйка / Ф. М. Достоевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ilibrary.ru/text/21/p.1/index.html>. – Дата доступа : 07.10.18.

6. Энциклопедия мифологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://godsbay.ru/orient/nuwa.html>. – Дата доступа : 07.10.18.

УДК 811.16'42:398.92

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

И. Г. Гомонова

Обосновывается необходимость использования статистических данных в ходе решения на базе корпуса текстов различных фразеологических исследовательских задач. Данное положение иллюстрируется результатами наблюдений над входждением отдельных фразеологизмов в тексты Национального корпуса русского языка.

***Ключевые слова:** фразеологизм, фразеологическое исследование, корпус текстов, статистический, количественный.*

The necessity of using statistical data in solving of various phraseological research problems based on corpus of texts is substantiated. This provision is illustrated by the observations on the occurrence of individual phraseological units in the texts of the Russian National Corpus.

***Key words:** phraseological unit, phraseological research, corpus of texts, statistical, quantitative.*

При сопоставлении корпусной и традиционной лингвистики в качестве одного из отличительных признаков первой обычно называют предпочтение количественных методов. Все результаты поиска в корпусе текстов сопровождаются статистической информацией. Специализированные программы (корпусные менеджеры) позволяют получить различные статистические характеристики, связанные как с метаданными, так и с лингвистическими категориями. Статистические методы, применяемые к текстам, дают возможность количественно описать поведение различных языковых единиц, их сочетаемость с другими единицами, их распределение по текстам разных стилей, жанров, тематики, времени создания и т. д. По мнению В. П. Захарова, привлечение количественных методов к исследованию языка «позволяет существенно модифицировать представление о языковой системе и ее функционировании <...> количественная лингвистика может существенно укрепить лингвистическую теорию» [1, с. 83]. В. П. Захаров справедливо говорит о том, что «корпусно-статистический подход (разрядка наша – И. Г.) к изучению языка позволяет создавать невозможные ранее описания языка, которые можно назвать структурно-вероятностными моделями языка» [Там же].

Очевидно, что как источник достоверных статистических данных корпус текстов должен обладать достаточным объемом, сбалансированностью и богатой разметкой. Приходится с сожалением констатировать, что во многих случаях объем корпусов текстов оказывается недостаточным для получения полноценных количественных данных. Общеизвестно, что коллокации для среднечастотных и низкочастотных слов начинают выявляться только в миллиардных корпусах.

В связи с этим в последнее время распространение получила идея создания корпусов на основе ресурсов Интернета (Web as Corpus), «позволяющая сравнительно быстро и без больших трудозатрат создавать корпуса объемом несколько десятков миллиардов токенов» [1, с. 84]. Однако, решая проблему с размером корпуса, подобные источники остро ставят вопрос сбалансированности текстов. Достоверность данных страдает из-за несбалансированности таких корпусов.

Таким образом, по определению В. П. Захарова, «проблема верификации и достоверности данных, получаемых на основе статистических методов на базе корпусов – это не только проблема создания больших корпусов, но и проблема хороших и правильных корпусных данных» [Там же]. Выбирая между «большими и хорошими данными», мы делаем выбор в пользу сбалансированного и обладающего богатой экстралингвистической и лингвистической разметкой корпуса текстов, каким является Национальный корпус русского языка [2].

Проиллюстрируем далее результаты наблюдений над вхождением в тексты НКРЯ фразеологизма *медвежий угол / уголок / край* (разг.) ‘захолустное, отдалённое, глухое место’ [3, с. 679], полученные с использованием статистики корпуса. При этом отметим, что данная информация имеет схематичный характер и подлежит дальнейшей интерпретации при системном описании функционирования фразеологизма в текстах корпуса.

Медвежий угол – 174 документа, 218 вхождений (запрос *медвежий* на расстоянии от 1 до 3 от *угол*); из них

– 82 вхождения в форме множественного числа (запрос *медвежий* на расстоянии от 1 до 3 от *угол pl*): *Мы изложили свои взгляды на педагогическую технику, которую уже нам удалось испробовать в одном из медвежьих углов, далеко от больших педагогических дорог* [А. С. Макаренко. Педагогижимают плечами (1927–1935)]; *Куда, по мнению бывших коллег, должны были направлять свои рукописи десятки начинающих авторов из российских медвежьих углов и тьмутараканей?* [Ю. В. Трифонов. Записки соседа (1972) // «Дружба народов», 1989];

– 34 вхождения в форме предложного падежа с предлогом *в* (запрос *в* на расстоянии 1 от *медвежий* на расстоянии от 1 до 3 от *угол (loc | loc2)*); такие наблюдения можно сделать и по другим падежным формам: *Но оказалось, что Серебряков – мыльный пузырь, не по праву занимающий высокий пост, а живые талантливые люди, дядя Ваня и Астров, в это время гноят свою жизнь в медвежьих углах обширной неустроенной России* [К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве (1925–1928)]; *В мирные времена в медвежьем углу, черт знает в каких тартарах, куда месяц скачи – не доскачешь, в маленьком армейском гарнизоне провел бы свою простую армейскую жизнь неведомый капитан Иванов, так же как и тысячи его однофамильцев с ударением на «о»* [А. В. Туркул, И. С. Лукаш. Дроздовцы в огне (1937–1948)];

– 7 вхождений с компонентом *медвежий* в форме превосходной степени, являющейся результатом окачества адъектива (запрос *самый* на расстоянии 1 от *медвежий* на расстоянии от 1 до 3 от *угол*): *В самых медвежьих углах Союза растут культурные центры* [А. Е. Ферсман. Воспоминания о камне (1940)]; *Уже через несколько дней я получал читательские поздравления с этим стихотворением из самых-самых «медвежьих углов», с кораблей, находящихся в далеком плавании* [Е. Евтушенко. Плач по цензуре // «Огонек». № 5, 1991];

– 28 вхождений данного фразеологизма, распространенного прилагательным, (1) качественным, усиливающим значение и стилисти-

ческую окраску ФЕ, или (2) относительным, выражающим признак по месту (запрос А на расстоянии 1 от *медвежий* на расстоянии от 1 до 3 от угол): (1) *Глухие медвежьи углы* рисовались в самом поэтическом свете, как своего рода обетованная земля [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Отрезанный ломоть (1899)]; (2) *Вспоминал Валерий Александрович, глядя на сына, как когда-то он, молоденький шахтер, сам ухаживал за Галей, как, поженившись, прожили они душа в душу тридцать пять лет, хлебнув и квартирной неустроенности, и суровой убогости сибирских «медвежьих углов», но при этом вырастив шестерых родных детей и одного, взятого из детдома* [Наезд // «Сельская новь», 2003.09.16];

– ~ 65 вхождений данного фразеологизма, распространенного местоимением – притяжательным, указательным, неопределенным, определительным (запрос (SPRO | APRO на расстоянии 1 от *медвежий* на расстоянии от 1 до 3 от угол): *Возле залива застроить не могут, а что говорить про наш медвежий угол* [Д. Каралис. Мы строим дом (1987–2001)]; *Война обошла этот медвежий угол, хотя подкатывалась уже достаточно близко* [А. Битов. Азарт, или Неизбежность ненаписанного (1997–1998)]; *Многое было неумело, иногда грубовато, иногда провинциально-эстетично (последнее извинялось тем, что большинство стихов было подписано каким-то медвежьим углом Воронежской губернии), много было просто зелено – но все-таки книжка обращала на себя внимание, и в «Русской мысли» и «Аполлоне» Брюсов и Гумилев очень сочувственно о ней отозвались* [Г. В. Иванов. Петербургские зимы (1928)]; *Ехать в провинцию «на хлеба и в безопасность» было одно время суцим поветрием, и сколько глупого народа так сослепу-то очертя голову бросилось по всяким медвежьим углам, чтобы рано или поздно заметить о Петербурге, как о рае волшебном...* [А. М. Ремизов. Взвихренная Русь (1917–1924)].

Вариант *медвежий уголок* – 8 документов, 8 вхождений (запрос *медвежий* на расстоянии от 1 до 3 от уголок); из них

– 7 (!) вхождений в форме множественного числа: *Сюда, в подземелье, ежесекундно стекается подробная информация о том, что происходит в небе России: от самых удаленных «медвежьих уголков» до ее сердца – Москвы* [Олег Литвинов. За семью дверями. Репортаж с Центрального командного пункта ВВС // «Воздушно-космическая оборона», 2003.06.15];

– 3 вхождения в составе конструкции «один из + Р. п.»: *Наш Темрюк представляет в области радио один из медвежьих уголков Союза* [коллективный. По СССР // «Радио Всем», 1928];

– 1 вхождение с компонентом *медвежий* в форме превосходной степени: *Наш город представляет один из самых медвежьих уголков, в котором полновластно царит скука* [Внутренние известия. (От наших корреспондентов) // «Русское слово», 1895];

– 3 вхождения данного фразеологизма, распространенного прилагательным, (1) качественным, усиливающим значение и стилистическую окраску ФЕ, или (2) относительным, выражающим признак по месту: (1) *Жители пригородных данковских слобод – Сторожевой и Крюковки – в культурном отношении оказались не выше своих собратьев из глухих медвежьих уголков* [неизвестный. Холера. По телеграфу от наших корреспондентов // «Русское слово», 1910]; (2) *Но вот попадает А. А. Лозинский в один из российских медвежьих уголков, в г. Уральск, и в местном медицинском обществе делает «предварительное сообщение» об открытых им «новостях» медицины в статье «К вопросу о скрытых формах болотной лихорадки»* [Н. Ф. Федоровский. Гомеопатия и государство // Доклад общему собранию членов С.-Петербургского Общества самопомощи в болезнях 13 мая 1901 г. Вестник гомеопатической медицины].

Вариант *медвежий край* – 2 документа, 2 вхождения (запрос *медвежий* на расстоянии от 1 до 3 от *край*): *Тетки и отец считают себя древнего рода, самого коренного в этом лесном медвежьем крае* [П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892)]; *Пришли мы сюда с бабой да с дитем. Огляделись. Медвежий край* [Б. Л. Горбатов. Большая вода (1939)].

Констатируем, что, несмотря на вариативность данного фразеологизма, в текстах НКРЯ преобладает его основной словарный вариант *медвежий угол* в форме единственного числа.

Одним из компонентов статистической характеристики текстов корпуса и входящих в них языковых единиц являются хронологические данные. Национальный корпус русского языка содержит информацию о времени создания представленных в нем текстов, о годах рождения авторов текстов и позволяет систематизировать эти данные при исследовании тех или иных языковых единиц (напр., определить, у какого автора и в каком произведении, по данным корпуса, анализируемая единица появилась впервые). Кроме того, НКРЯ содержит графики распределения языковых единиц по годам, содержащие информацию об их относительной частоте употребления за определенный год (показатель *irm*; частота *irm* определяется как количество употреблений анализируемой единицы за год, разделенное на объем корпуса за этот год и умноженное на 1 миллион). Графики сопровож-

даются таблицами с абсолютными частотами употреблений за каждый год и общим числом слов в текстах за данный год. Гиперссылки в таблицах позволяют перейти к просмотру примеров из корпуса.

Хронологическая обработка составляет один из этапов в процессе установления основных закономерностей репрезентации фразеологизмов в корпусах текстов. Проиллюстрируем хронологическую информацию, представленную в НКРЯ, на примере фразеологизма *без задних ног* ‘сильно усталый’ [4, с. 48]; (разг. шутл.) ‘крепко, беспробудно (спать)’ [3, с. 437].

Данный фразеологизм представлен в Основном корпусе НКРЯ ~ 100 раз. Первое вхождение в тексты корпуса датируется 1859 годом – в повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»: *Я бы вас и сегодня с собою пригласил, да вот как-то весь упал, раскис, совсем без задних ног сделался*. Полная хронология вхождений ФЕ в тексты НКРЯ: 1859–2015 г.г. Отметим, что в текстах XIX в. (наиболее выразительно) и первой половины XX в. фразеологизм *без задних ног* регулярно используется для характеристики разных состояний человека: опьянения, болезни, сна, усталости: – *Ты, видно, вчера пьян был... без задних ног, раккалия!..* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883)]; *Чахла-чахла, извелась вся, заболела и теперь без задних ног* [А. П. Чехов. В ссылке (1892)]; – *Я думал, они встретят меня, а они спят без задних ног* [С. Т. Семенов. Односельцы (1917)]; *Ты у рабочего спроси, как это его бодрит, когда он в выходной день работает дотемна, домой возвращается без задних ног, а утром ему к станку становиться...* [В. Ф. Панова. Кружилиха. Роман (1947)]. В текстах второй половины XX в. и XXI в. данный фразеологизм употребляется в основном для характеристики сна (другие состояния характеризуются менее регулярно): *Осмотрела наши палатки, мимоходом выведала, как зовут меня и мою жену, затем сообщила, что под утро она дико замерзла и что Вадька и Барс все еще спят без задних ног* [В. Белов. Чок-получок (1980)]; – *Я, понимаешь, открываю шаланду, а она лежит себе на пакете и дрыхнет без задних ног!* [В. Кунин. Кыся (1998–2000)].

График распределения данного фразеологизма по годам демонстрирует самую высокую относительную частоту его употребления в 1958 г. (ipm 1.02412). Это два вхождения – (1) в роман Ф. Абрамова «Братья и сестры» и (2) в детскую повесть А. Мусатова «Клава Назарова»: (1) *Лежит на сеннике без задних ног... Весь дом винищем провонял;* (2) – *Клава небось дрыхнет без задних ног, – заметил Колька.*

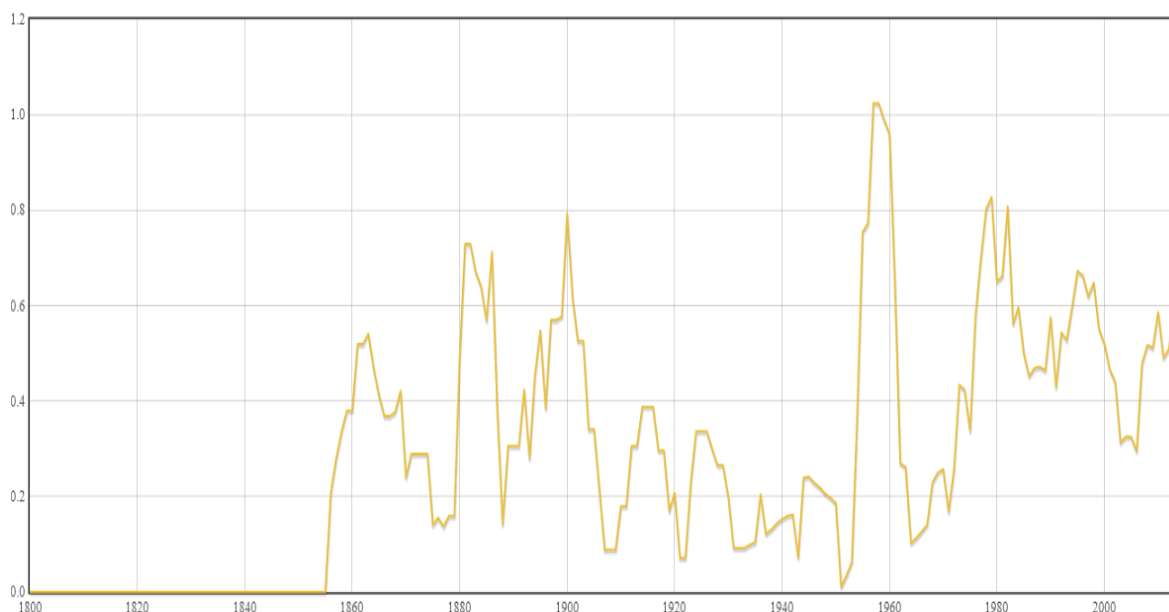

Рисунок 1

Самая высокая абсолютная частота употреблений фразеологизма *без задних ног* в текстах НКРЯ наблюдается в 1999 г. – 4 вхождения в произведения разных авторов.

Отметим, что хронологическая характеристика фразеологизмов, бытующих в корпусах текстов, представляет интерес и сама по себе, и как предпосылка для исследования особенностей репрезентации фразем в данных электронных ресурсах.

Таким образом, обращение к корпусам текстов открывает для фразеологических исследований целый ряд возможностей. Работа с корпусом позволяет определить частотность исследуемых фразеологических единиц; уточнить стандартную с точки зрения современного узуса начальную форму фразеологизма; определить набор наиболее значимых вариантов каждого фразеологизма; выявить многозначность фразеологических единиц и уточнить их конкретные значения; определить типичные для каждого фразеологизма трансформации; охарактеризовать типичное для исследуемых фразеологизмов окружение и виды контекстов, в которых их использование воспринимается как наиболее естественное [см. 5]. Более того, перечисленными возможностями не исчерпывается специфика применения корпусных методов во фразеологических исследованиях. При этом не вызывает сомнений необходимость привлечения количественных данных в ходе решения на базе корпуса текстов любых фразеологических исследовательских задач.

Список использованных источников

1. Захаров, В. П. Лингвистика больших корпусов / В. П. Захаров // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии : сборник научных статей. Труды XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2015), Санкт-Петербург, 23–25 июня 2015 г. – СПб. : Университет ИТМО, 2015. – С. 82–93.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 03.09.2018.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ ред. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
4. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний. В 2-х т. / М. И. Михельсон. – Т. 1. – М. : Терра, 1994. – 792 с.
5. Добровольский, Д. О. Корпусы текстов и двуязычная фразеогрфия / Д. О. Добровольский // Вестник Новосибирского гос. пед. университета . – 5 (27). – Новосибирск, 2015. – С. 23–37.

УДК 811.161.3'35

ВЫТОКІ І ЎЖЫВАННЕ ФРАЗЕАЛАГІЗМА *БОГ ЖЫВЕ* (паводле матэрыялаў друку і інтэрнэта)

М. А. Даніловіч

Разглядаецца этымалогія фразеалагізма “Бог жыве”, функцыянаванне яго ў беларускай дыялектнай і літаратурнай мове. Аналізуецца нацыянальна-культурная канатацыя створанага Уладзімірам Караткевічам на базе гэтага фразеалагізма крылатага выразу “На Беларусі Бог жыве”. Па матэрыялах друку і інтэрнэта прасочваюцца найбольш тыповыя сферы яго выкарыстання.

Ключавыя словы: *фразеалагізм, крылаты выраз, этымалогія, дыялектная мова, літаратурная мова, пазамоўная сфера.*

The article deals with the etymology of the phraseological unit “Бог жыве” (“God lives”) and its functioning in dialect and standard varieties of the Belarusian language. The ethnic cultural connotation of the popular expression “На Беларусі Бог жыве” (“God lives in Belarus”) created by

Uladzimir Karatkevich on the basis of this phraseological unit is analysed. The most typical spheres of its use are traced on printed and internet materials.

Key words: *phraseological unit, popular expression, etymology, dialect variety of language, standard language, extralinguistic sphere.*

Фразеалагізм *Бог жыве* беларускай мове вядомы здаўна. Пра гэта сведчаць хаця б фальклорна-лінгвістычныя матэрыялы XIX ст. Напрыклад, ён занатаваны ў зборніках Е. Раманава: *Дзе жывуць тыкаўцы, там і Бог адступіўся, а дзе якаўцы, там Бог жыве* [1]; М. Федароўскага: *Дзе згода, там Бог жыве* [2].

Сучасныя беларускія гаворкі засведчылі бытаванне яго пераважна ў паўночна-ўсходняй частцы Беларусі – поўнач Гродзеншчыны і Міншчыны, Віцебшчына, Магілёўшчына. Фразеалагізм часцей ужываецца, калі гаворка заходзіць пра лад, парадак, утульнасць у хаце ці іншым памяшканні. У нашым “Дыялектным слоўніку Гродзеншчыны” ён фіксуецца з двума значэннямі – 1) ‘усё добра, лад і парадак (у хаце)’, 2) ‘вельмі цёпла, утульна (у хаце)’: *Гэта як мірна ў хаце жызьня, ні сварацца, ні б’юцца, то кажуць: вайдзі ў хату, то ў гэтай хаце Бог жыве. Ваўкавічы Навагр. У іхняй хаце ўсё добра, і дзеці добрыя, парадак, Бог жыве. Капцёўка Гродз. У гэтай хаце Бог жывець, а ў тэй такая дубарына. Косцевічы Астр.* [3]. Фразеалагізм адзначаны і ў сучасных фальклорных выданнях: *У гэтай хаце яшчэ жыве Бог ‘кажуць, калі ў зімовую сцюжу ў хаце цёпла’* [4].

У літаратурным ужытку ён з’явіўся адносна нядаўна, бо ў савецкі час дарогу яму ў творы пісьменнікаў і ў слоўнікі заступала атэістычная цэнзура. Упершыню як нарматыўны ён падаецца ў слоўніку І. Я. Лепешава са значэннем ‘дзе-н. вельмі хораша, усё добра’. У якасці ілюстрацый прыводзяцца цытаты з Л. Калюгі, У. Караткевіча, Ю. Свіркі, Р. Барадуліна: – *Тут у вас бог жыве, казаў Марка [наконт] таго, што поле на пасёлку вельмі ж блізка: на ганку стаўшы, можна з самае дальшае нівы палуднаваць у хату клікнуць. – Я кажу адно, што вельмі ж хораша ў вас. Л. Калюга; "На Беларусі Бог жыве". І верыць хочацца нязменна, калі яна такой слыве, і ёй жыць вечна, блаславеннай. Ю. Свірка; У хаце ў нас Бог жыве, а на вуліцы такая юга – свету белага не відаць. Р. Барадулін* [5].

І. Я. Лепешаў адшукаў і падаў у слоўніку яшчэ адзін вобразна блізкі да гэтага фразеалагізм *Бог начуе* з аналагічным значэннем: *Вялікім дабром стала гарантаваная аплата. Але ўсё роўна сяло,*

зямля не прываблівае, уцякаюць людзі, хоць у Беларусі яшчэ, як кажуць бог начуе. І. Шамякін; – Хочаце, каб дачка была здаровая, шукайце месца і з'язджайце. – А навошта нам шукаць... Лёня ж, стрыечнік мой, у Віцебску жыве. Няўжо не дапаможа [схаваць дачку ад радыяцыі]? – Шаноўныя бацькі! – засердавала доктарка. – Вы, можа, думаеце, што ў Віцебску дваццаць шостага красавіка восемдзясят шостага года Бог начаваў? В. Кадзетава [5].

Аўтарства гэтага фразеалагізма нярэдка прыпісваюць Уладзіміру Караткевічу і звязваюць з вершам паэта “На Беларусі Бог жыве”, у якім выраз, акрамя загалоўка, ужыты яшчэ тройчы ў якасці рэфрэна. Тое, што Уладзімір Караткевіч аўтар фразеалагізма, – гэта, зразумела, перабольшванне. Але несумненна заслуга пісьменніка ў тым, што фразеалагізм у спалучэнні з назвай краіны ўвайшоў у шырокі ўжытак, а сама фраза *На (У) Беларусі Бог жыве* набыла крылатасць, атрымала сацыяльную значнасць, нацыянальна-сакральную афарбоўку.

Паўстае пытанне, калі Уладзімір Караткевіч сам не ствараў гэты фразеалагізм, то адкуль яго ўзяў. На наш погляд, ён мог пачэрпнуць фразеалагізм з дзвюх крыніц. Першая – помнік старабеларускага пісьменства. Рыхтуючыся да напісання твораў на гістарычную тэматыку, Уладзімір Караткевіч чытаў, вывучаў шэраг твораў на старабеларускай мове. Напэўна, не абышоў ён і “Гістарычныя запіскі” Фёдара Еўлашэўскага (1564–1604), пісара Навагрудскага суда. У адным з фрагментаў Запісак Ф. Еўлашэўскі апавядае пра рэлігійную талерантнасць на беларускай зямлі, апісвае канкрэтны выпадак пра тое, як пасланцы Ватыкана, наведваюшы Вільню і ўбачыўшы, што тут суседнічаюць розныя веры і прадстаўнікі розных рэлігій захоўваюць паміж сабой прызныя адносіны, былі прыемна здзіўленыя гэтым і казалі, што тут Бог жыве [6, с. 282].

Другая крыніца, з якой Уладзімір Караткевіч мог узяць фразеалагізм, – гэта беларускія гаворкі. Пісьменнік нарадзіўся і вырас на Віцебшчыне – якраз у тым рэгіёне, што ўваходзіць у арэал бытавання фразеалагізма. Можна меркаваць, што аўтар верша чуў выкарыстанне фразеалагізма ў жывым маўленні.

Цяпер пытанне – як узнік фразеалагізм у жывой народнай мове. Нам падаецца, што крыніцай яго выступае Біблія, вытлумачэнне яе сюжэтаў хрысціянскай канфесіі. Кожны чалавек на нейкім этапе сваёй біяграфіі задаецца пытаннем: дзе жыве Бог? На гэта Біблія дае адказ, што няправільна было б шукаць Бога ў якім-небудзь адным канкрэтным месцы. Бог жыве ў душы чалавека, калі ён пакланяецца

Божай ісціне. Паводле Бібліі, Ісус сказаў: "Дзе двое ці трое сабраны ў імя Маё, там і Я пасярод іх" (Мф.18:20). Іншымі словамі, Ісус прыходзіць у любое месца, дзе збіраюцца нават толькі два чалавекі ў імя Яго. І не важна, дзе яны збіраюцца. Не абавязкова гэта павінна быць у царкве. Гэта можа быць і на прыродзе, і ў хаце. Галоўнае, каб паміж людзьмі панавала адзінадумства, згода ў імя Яго, і тады Ён прыходзіць туды Святым Духам.

Цікава прасачыць сітуацыйнае выкарыстанне фразеалагізма, да якіх з'яў ён больш за ўсё дастасоўваецца. У дыялектна-побытавым маўленні ён часцей ужываецца тады, калі гаворка ідзе пра сямейную згоду, лад, парадак і ўтульнасць у хаце. З пункту гледжання народнай філасофіі слова *Бог* з'яўляецца сімвалам добрага, станоўчага, справядлівага. Антанімічным яму сімвалам выступае слова *чорт*. Нездарма гэтыя два словы часта выкарыстоўваюцца побач ва ўстойлівых выразам адной мадэлі з супрацьлеглай канатацыяй ці пабудаваных на антытэзе: *Бог ведае што – чорт ведае што; Бог з табой – чорт з табой; Бог нясе – чорт нясе; Бог яго ведае – чорт яго ведае; ні Богу свечка ні чорту качарга*. Пра тое, што фразеалагізм *Бог жыве ў дыялектнай мове замацаваўся* досыць трывала, пацвярджаецца развіццём антанімічнай пары, утварэннем фразеалагізма з супрацьлеглым значэннем – *чорт жыве* 'сваркі, разлад, непарадак (у чыёй-н. хаце)'. Красамоўнай ілюстрацыяй гэтага выступае запісаны намі наступны дыялог: – *У гэтай хаце заўсёды чорт жывець: крык, шум, сварка, у міры жыць ні могуць. – А чаму чорт? – Ну як чаму... Калі ні Бог, то чорт, дзе німа Бога, там – чорт*. Горшавічы Астр.

Часта фразеалагізм выкарыстоўваецца ў дачыненні да краявідаў прыроды, цудоўных прыродных куточкаў, якія абуджаюць захапленне сваёй прыгажосцю.

Незвычайную папулярнасць фразеалагізм набыў пасля верша У. Караткевіча, асабліва ў апошнія дзесяцігоддзі нашага часу. У спалучэнні са словаформай *на Беларусі* ці *у Беларусі* ён атрымаў новую якасць і ў такім кантэксце стаў афарызмам, крылатым выразам. Выкарыстоўваюць яго ў самых розных сферах грамадскага-культурнага жыцця.

Паводле матэрыялаў друку і інтэрнэта прасочым, у якіх сферах і сітуацыях найбольш часта ўжываюць афарызм *На Беларусі Бог жыве*.

Вельмі даспадобы прыйшоўся ён канфесійнай супольнасці. Амаль ніводнае значнае каталіцкае ці праваслаўнае мерапрыемства ў Беларусі не праводзіцца без гэтага выразу. Прыкладзём некаторыя прыклады.

На Будслаўшчыне, Любаншчыне, у іншых рэгіёнах Беларусі пілігрымкі, праваслаўныя велікодныя сустрэчы, псалмяры амаль заўсёды праводзяцца пад лозунгам "На Беларусі Бог жыве!" Святары ў сваіх прамовах любяць заканчваць сваю гаворку гэтым выразам. Напрыклад, на свяце іконы Божай Маці Будслаўскай у 2015 г. архіепіскап Тадэвуш Кандрусевіч адслужыў месу, якую скончыў такім зваротам да Божай Маці: "Марыя, аберажы нас перад Тваім Сынам, папрасі для нас Божай ласкі звароту і Божай ласкі цуда жыцця па Яго волі, каб мы пастаянна ўдасканальваліся, каб наша вера не слабела, а ўмацоўвалася, і каб наша радзіма Беларусь, сынамі і дочкамі якой мы з'яўляемся, была краінай, дзе пануе Бог, каб мы маглі з радасцю ўсклікнуць: "У Беларусі Бог жыве і Беларусь жыве Богам".

Падобныя выказванні пакінулі і прадстаўнікі іншых краін, якія дачыніліся да Беларусі. Так, пасланец Ватыкана ў Беларусі Габа Пінтар 1 ліпеня 2017 г. зачытаў у Нацыянальным санктуарыі Маці Божай Будслаўскай Акт пасвячэння Беларусі Беззаганнаму Сэрцу Марыі з выпадку 100-годдзя Яе з'яўлення ў Фаціме, абвясціўшы ў завяршэнне сваёй гутаркі тройчы: "На Беларусі Бог жыве". Паўтарылася прыкладна тое, пра што 400 гадоў таму апісаў Фёдар Еўлашэўскі. Ці ні сімвалічна?!

Крылатае выслоўе гучыць з вуснаў не толькі святароў, але і ў выступленнях палітыкаў, дзяржаўных дзеячаў. Так, на рэспубліканскім мерапрыемстве "Дажынкi-2013" віцэ-прэм'ер Беларусі Міхаіл Русы выказаў жаданне, "каб Бог пастаянна жыў у Беларусі".

Часта фразеалагізм і крылаты выраз выкарыстоўваюць дзеячы культуры, літаратары, прадстаўнікі адукацыі. Некалькі прыкладаў, дзе "На Беларусі Бог жыве" фігуруе ў якасці назвы твора: загаловак карэспандэнцый – газета "7 Дней" (14.06.2007), "Свіслацкая газета" (12.04.2015); загаловак ці эпіграф верша – эпіграф да верша А. Лойкі "Маленне да Уладзіміра Караткевіча"; назва фільма – дакументальны фільм Галіны Адамовіч; назва спектакля – мнаспектакль паводле твораў У. Караткевіча ў Купалаўскім тэатры; назвы школьных мерапрыемстваў – сцэнарый вечара-роздуму (часопіс "Беларуская мова і літаратура", 2007, № 1, с. 58–63).

Крылаты выраз гучыць і за межамі Беларусі. Так, 27.04.2014 адбывалася кананізацыя двух папаў. Абвешчаны 2 новыя святыя: Ян Павел II і Ян XXIII. Нашы суайчыннікі, якім пашчасціла прысутнічаць на плошчы святога Пятра ў Ватыкане, віталі новаабвешчаных святых плакатамі з надпісам "На Беларусі Бог жыве!"

Выкарыстоўваючы крылаты выраз "На Беларусі Бог жыве", часцей усвядомлена звязваюць яго з імем стваральніка – У. Караткевіча і робяць спасылку на яго:

"На Беларусі Бог жыве. Гэтыя словы – не тэарэма. Іх ня трэба даказваць. Іх трэба часцей паўтараць – наўслед за Караткевічам" (М. Скобла).

"Ужо традыцыйна напярэдадні Дня беларускага пісьменства адбываецца своеасаблівы праваслаўны паломніцкі ход.

– Гэтая экспедыцыя для мяне – дарога святла, любові, умацавання нашага малавер'я, натхненне на стваральную працу любой прафесіі, – дзеліцца сваім бачаннем каардынатарка "Дарогі да святыняў" [пісьменніца Ніна Загорская]. – Праўду пісаў Уладзімір Караткевіч: "На Беларусі Бог жыве". Ён сапраўды ёсць і ён радуе, апякае нашу бласлаўную Айчыну" ("Звязда").

"Больш за 1,38 млн. чалавек наведалі на Вялікдзень праваслаўныя і каталіцкія храмы Беларусі. Агульнае свята, агульная радасць панавала ў мінулыя выхадныя над нашай зямлёй, на якой заўсёды ў згодзе і ладзе жывуць усе канфесіі, пра якую паэт калісьці трапна напісаў: "На Беларусі Бог жыве. І няхай давеку жыве" ("СБ").

Аднак усё часцей ужыванне выразу не звязваецца з імем паэта. Гэта гаворыць пра тое, што крылаты выраз становіцца агульнанародным творам, напрыклад:

"З аднаго боку равучае, халоднае Балтыйскае мора, а з другога – Куршская затока, возера, цішыня. Там вельмі ціха і ўтульна. Ведаеш, ёсць прымаўка – "На Беларусі Бог жыве". Не, там ён жыве, на касе гэтай" (А. Зелянкевіч).

У інтэрнэце трапілася цікавая інфармацыя, што ў 1996 г. былыя кіраўнікі Краснагорскага раёна Бранскай вобласці РФ звярнуліся з пісьмом да Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь Аляксандра Лукашэнкі. У ім выказвалася просьба прыняць Краснагорскі раён у склад РБ. Беларускія карэспандэнты аднаго з выданняў паехалі ў гэты раён з мэтай пацікавіцца, што думаюць на гэты конт звычайныя мясцовыя жыхары. У вёсцы Фошнае дзве старыя жанчыны пажадалі беларусам, як адзначаюць карэспандэнты, "берагчы тое, што маем, таму што ў Беларусі, па іх выказванні, Бог жыве".

Выраз настолькі адпавядае беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці, што нават у рускамоўным тэксце яго даюць у беларускамоўным арыгінале:

"На Беларусі летам бог жыве – не хочется историей давиться, хочется ее вершить? Ок, да нет проблем: изучайте расписание кислотных транс-вечеринок. На острове, На Браславах. На берегу Вилейского, не важно где – разглядывать росинку на траве, обниматься и в полях валяться. Ездите, смотрите, колесите: на Беларусі летам Бог жыве! Один велосипедный трип с палаткой на три дня – и ты как после Индии, сознанием счищен, светел, почти свят. Гребенщиков заткнут за пояс. Пусть нет пяти звезд, пусть жгут безвкусицей заборы. Зато на Беларусі летам бог жыве" (знаток белорусской глубинки и глубины озер Дмитрий Новицкий).

Уладзімір Караткевіч напоўніў народны фразеалагізм *Бог жыве* новым зместам і энергетыкай. Зерне, пасеенае пісьменнікам, упала не на камень, спорна прарасло і дало плён. Беларусі тут вельмі пашанцавала. Напэўна, ніводная іншая краіна не можа пахваліцца наяўнасцю ў сваёй моўна-культурнай прасторы такога ці падобнага крылатага выразу. А можа і праўда, у Беларусі Бог жыве, і, магчыма, Божай міласцю на Уладзіміра Караткевіча была ўскладзена місія данесці гэта ўсяму свету, каб не страчваліся надзеі, каб узрасталая вера ў будучыню, у росквіт роднай краіны, у шчаслівае жыццё.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Романов, Е. Белорусский сборник. Том первый. Губерния Могилёвская. Выпуск первый и второй. Песни, пословицы, загадки / Е. Романов. – Киев, 1885. – С. 290–316.
2. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej / M. Federowski. – Warszawa, 1935. – Т. 4. – 490 s.
3. Даніловіч, М. А. Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2000. – 267 с.
4. Ліцвінка, В. Д. Слова міма не ляціць : беларускія народныя прыказкі і прымаўкі / В. Д. Ліцвінка, Л. А. Царанкоў. – Мінск : Унівесітэцкае, 1985. – 150 с.
5. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1. – 672 с.; Т. 2. – 704 с.
6. Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы. Ч. 1 : вуч. дап. для студэнтаў выш. навуч. устаноў; рэд. Р. І. Аванесаў. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1961. – 540 с.

**С МИРУ ПО НИТКЕ... В КОРПУСЕ ТЕКСТОВ
И ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ
(ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ)**

П. С. Завтрикова

Рассматривается проблема отсутствия единого подхода к определению феномена языковой игры, обращается внимание на возрастание роли языковой игры в речевом взаимодействии членов социума. Описаны игровые трансформы «злободневной» пословицы “С миру по нитке – голому рубаха”. Установлена автономность редуцированного варианта пословицы и определены конкретные объекты, для названия которых использовано выражение “с миру по нитке”. Охарактеризована семантика речевых реализаций данного устойчивого сочетания.

Ключевые слова: языковая игра, пословица, трансформация, устойчивое сочетание.

The problem of the lack of a unified approach to the definition of the phenomenon of a language game is considered, attention is drawn to the increasing role of the language game in the society members' speech interaction. The game transforms of the «topical» proverb “A thread from the crowd – naked man gets a shirt” are described. The autonomy of the reduced version of the proverb has been defined and there have been determined the specific objects, for the name of which the expression “a thread from the crowd” is used. The semantics of the speech implementations of this sustainable combination is characterized.

Key words: language game, proverb, transformation, sustainable combination.

Неотъемлемой частью современного коммуникативного пространства является его демократичность. В подобных условиях человек всё свободнее использует экспрессивные средства языка не только в повседневной речи, но и в печати. Писатели и публицисты вынуждены искать и, как и все ищущие, непременно находят способы «зацепить» массового читателя. Крайне распространённым явлением становится языковая игра. Вот как пишет об этом в своей диссертации Ю. В. Бутько: «”Языковой вкус эпохи” требует более интенсивного,

творческого использования потенциала языковых единиц, <...> чему и служат ресурсы лингвокреативного мышления» [1].

Ещё в античное время философы обратили внимание на выразительный потенциал языковых единиц и подвергли систематизации приёмы игры с планом содержания и планом выражения знаков языка. Сам термин «языковая игра» был предложен только в середине 20 века австрийским философом и логиком Л. Витгенштейном [2]. Единого подхода к определению феномена языковой игры до настоящего времени, однако, не выработано.

Большинство исследователей трактуют языковую игру очень широко, как «определенный тип речевого поведения, основанный на преднамеренном нарушении системных отношений языка» [3]. В то же время существует и узкое определение термина – «родовое обозначение для амфиболии, каламбура, палиндрома»; «то же, что и каламбур» [4]. Кроме этого, разработано множество индивидуальных концепций языковой игры. Согласно одной из них, языковая игра есть «естественная среда межличностного общения» [5, с. 1357], ввиду чего, по мнению исследователя, она сближается с разговорной речью вообще. Интересна концепция языковой игры как средства высвобождения аффекта [5, с. 1359]. Функциональный подход к определению характеристик языковой игры открывает новые просторы для развития научной мысли, всё в большей и большей степени ориентированной на изучение роли человеческого фактора в языке. Многие учёные главным «вдохновителем» языковой игры называют юмор [5, с. 1358], ведь «языковой игрок» зачастую стремится одновременно к неожиданности, зрелищности своего высказывания и к получению эмоциональной разрядки.

Таким образом, можно говорить о том, что языковая игра представляет собой целенаправленную лингвокреативную деятельность с богатым функциональным потенциалом. Исследователь Т. П. Куранова [6] фиксирует двадцать функций языковой игры, среди которых выделяется и экспрессивная, или воздействующая, функция. Эмоциональным фундаментом языковой игры обычно выступают острозлободневные темы. Неслучайно В. И. Шаховский подчёркивает её социальную направленность: «ЯИ <языковая игра> является в настоящее время одной из ведущих коммуникативных категорий, реализующих социальную интеракцию членов российского общества» [7, с. 27].

Языковая игра нередко находит реализацию в пословицах. В данной статье обращается внимание на пословицу *С миру по нитке – голому рубаха*, которая на протяжении трёх веков фиксируется всеми

авторитетными словарями [8, с. 403]. Этот факт позволяет предположить, что пословица входит в так называемое ядро паремиологического фонда, то есть глубоко усвоена носителями языка. Следствием становится частотность употребления, а также множество её трансформаций, как чисто структурных, так и связанных с языковой игрой. Наиболее ярко названный феномен проявляет себя, когда носитель языка видоизменяет вторую часть пословицы, сохраняя исходную её модель: *С миру по нитке, МакОуену – результаты расчётов* [А. Латкин. Собака на процессоре. За использование простаивающих компьютеров можно получить 120 лет тюрьмы (2002)]; *Мы обосновались на Маросейке, так как родители уже уехали на дачу, и организовали штаб-квартиру по подготовке и сбору помощи «с миру по нитке – ленивому диплом»* [Б. Левин. Блуждающие огни (1995)].

Подобная трансформация фиксируется в 10 из 74 отобранных в НКРЯ контекстов с компонентом *с миру по нитке* [9]. Каждый случай отличен от другого, однако их объединяет то, что на первичное значение пословицы (*‘Ото всех понемногу – и получается нечто значительное, осязаемое для кого-л. одного. Говорится тогда, когда собиравшие помогают в чем-л., что не по средствам или не по силам одному’* [10, с. 283]) наслаивается ирония, иногда даже сопровождаемая горечью. Такое частое избрание этой пословицы в качестве «платформы для игр» говорит о её потенциале активного злободневного употребления. Удачно звучат заголовки *«С миру по нитке – олигархам миллионы»* [11] или *«Взятки гладки. “С миру по нитке” – девиз коррупционеров»* [12].

Существенными оказываются и другие корпусные данные, согласно которым автономное употребление первой части пословицы встречается практически в два раза чаще (48 из 74 отобранных контекстов), чем полный вариант: *А что если вообразить себе литературно-социологический проект – описание страны с миру по нитке: кто, как и чем в силах – кто стихом, кто очерком, кто рассказом* [А. Иличевский. Сдать Москву Родине (2008)]; *Технику для записи собирали с миру по нитке, а за «люльку» строителей, при помощи которой всю эту технику «присобачивали», пришлось просто платить наличными, выскребая из карманов десятитысячные купюры* [А. Маринина. Не мешайте палачу (1996)].

Более того, исследуемая языковая единица далеко не единожды (8 из 74 контекстов) функционирует и в ещё более редуцированном виде: *В самом деле, ведь трудно вообразить, чтоб тому, кому, стоя, рукоплескали столицы Европы, не хватило, с миру по ложке, тарелки супа* [М. Палей. Ланч (1999)]; *Поступила на почту,дохнула почтар-*

ского, привычного, воздуха, ожила, записалась в хор работников связи – хор не с *миру по соломке*, почти академический [В. Астафьев. Обертон (1995–1996)].

Такая востребованность усечённого варианта пословицы даёт повод предположить, что выражение *с миру по нитке* приобретает в языке статус автономного устойчивого сочетания – фразеологизма. Распространённость этого сочетания подтверждается не только иллюстрациями из Корпуса, но и данными интернет-пространства. Анализ сетевого материала [13] показал, что фразеологизм *с миру по нитке* активно используется в качестве названия разного – действительно разного – рода объектов. Среди них зафиксировано 16 статей, 14 благотворительных акций и фондов (два из которых, по мнению интернет-пользователей, созданы мошенниками!) и 4 краудфандинга (добровольные коллективные финансирования), 9 блогов, два театра, две телепередачи, две книги, задание в играх «World of Warcraft» и «Starcraft II», группа в соцсети «Одноклассники», рунический став, выставка семейных реликвий в Кузьминках, отзыв на туристическом сайте и на сайте о мобильной связи и один международный проект, о смысле названия которого будет отдельно сказано ниже.

Как видно, название *с миру по нитке* используется во многих сферах человеческой деятельности и общения, начиная от публицистики и заканчивая рунической магией. Крайне подвижными оказываются семантические границы выражения, когда оно «вступает в контакт» с креативным мышлением носителей языка. В результате анализа соотношения названия и деятельности всех вышеперечисленных организаций, блогов и т. д. были выявлены следующие варианты речевых реализаций выражения *с миру по нитке*:

1) реализации с отсылкой к исходному пословичному значению;

Сюда могут быть отнесены, например, название благотворительной акции «С миру по нитке», в рамках которой волонтеры собирали игрушки, тетради, бытовые принадлежности для детей; название благотворительного фонда «С мира по нитке» по оказанию поддержки детям с особенностями развития и детям-сиротам; все краудфандинги и др.

В данную группу попадает и найденное с помощью поисковой системы Google название статьи: «*С миру по нитке. Волонтеры помогают малоимущим утеплить и укрепить свои дома*» [14].

2) реализации с отсылкой к пословичной идее помощи и акцентуализацией смысла на компоненте *нитка*;

Речь идёт о названиях нескольких благотворительных акций по сбору исключительно одежды, о названии сети контейнеров для сбора одежды в Москве и центра сбора вещей нуждающимся в Стерлитамаке.

3) реализации со значением сбора отовсюду и акцентуализацией смысла на компоненте *мир*;

Сюда следует отнести, например, название программы телеканала МИР ТВ о бюджетных путешествиях в разные уголки планеты, новостной портал «Ключевые события: с миру по нитке». Своеобразной «копилкой» здесь становится не абстрактный мир и не люди, его населяющие, а конкретный физический мир, планета.

Обращает на себя внимание название ещё одной статьи: «*С миру по нитке: инстаграм о повседневном стиле людей со всего света*» [15], где в исследуемом выражении совмещается акцентуализация на компонентах *мир* и *нитка*, так как речь идёт о мире как земном шаре и снова об одежде.

4) реализации со значением ‘отовсюду понемногу’;

Такое значение может быть квалифицировано как значение фразеологизма, так как оно сродни понятию, а по сути – это максимально редуцированное значение исходного пословичного выражения. Интересно, что «Большой словарь русских поговорок» фиксирует выражение *с миру по нитке рубашка* и даёт ему как раз такое толкование – ‘отовсюду понемногу’ [16, с. 403]. Оно достаточно часто реализуется в речи, что подтверждают многочисленные названия разного рода акций, целью которых является не помощь, а только лишь сбор чего-либо, что рассредоточено в пространстве и / или во времени. Например, подборка познавательных вопросов-ответов обо всём на форуме; новотроицкая телепередача без конкретной тематики; выставка в Кузьминках, основой которой стали семейные реликвии, собранные «с миру по нитке»; книга А. Эйрамджана, в которую вошли интересные и смешные жизненные истории; даже задание в «World of Warcraft» («Раздобудьте сердце злой Долли, легкие морского волка Файярго и печень Лилли Сухопутной Крысы» [17])!

5) реализации с буквализацией значения.

Буквальное прочтение устойчивого сочетания *с миру по нитке* принадлежит участникам международного проекта по обмену открытками (посткроссинг) г. Рассказово Тамбовской области. В 2016 г. житель Нидерландов прислал рассказовцам в конверте нитку пряжи с пожеланием использовать её в творческих проектах, после чего родилась мысль собрать нитки со всего мира: «*Мы планируем собрать*

сотни таких ниточек из разных городов мира, смотреть в клубок и связать уникальный предмет одежды, который станет символом единения и дружбы жителей разных стран» [18]. Таким образом, каждое слово в названии арт-проекта «С миру по нитке» в данном случае равно самому себе.

Все пять тенденций в функционировании выражения *с миру по нитке* проявляются с сохранением одного общего элемента значения: так или иначе речь идёт о сборе чего-либо. Дифференциальные признаки выделить сложнее, так как материал крайне разнороден.

Выше представлены далеко не все иллюстрации, однако они в достаточной степени отражают распространённость устойчивого выражения *с миру по нитке*. Вероятно, его популярность, как и популярность исходной поговорки, связана с тем, что в каждом социуме тема помощи – особенно коллективной – оказывается чрезвычайно острой. Поэтому так часто задействуют данное выражение публицисты, порой добавляя в него «насуточные» оттенки значений. Такого рода семантические преобразования демонстрируют то, как гибко носители языка расставляют необходимые им акценты и как свободно себя «чувствуют» в пространстве той или иной устойчивой языковой единицы. Лингвистам остаётся наслаждаться лингвокреативностью русскоязычного мира и продолжать изучать подобные феномены языка, ведь они ярко и тонко отражают внутреннее состояние и настрой социума.

Список использованных источников

1. Бутько, Ю. В. Лингвокультурологическая характеристика межтекстовых связей в условиях демократизации языковых процессов – автореферат и диссертация по филологии / Ю. В. Бутько [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/lingvokulturologicheskaya-harakteristika-mezhtekstovyh-svyazey-v-usloviyah-demokratizatsii-yazykovyh-protsessov>. – Дата доступа : 24.09.2018.

2. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс. – 1985. – Вып. 16. – С. 79–128.

3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://stylistics.academic.ru/271/Языковая_игра. – Дата доступа : 14.10.2018.

4. Лагута, О. Н. Учебный словарь стилистических терминов / О. Н. Лагута [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://stilistics.academic.ru/233/игра_языковая. – Дата доступа : 14.10.2018.

5. Воронин, Р. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность (современные концепции языковой игры) / Р. А. Воронин // Научный альманах. – Тамбов : ООО «Консалтинговая компания Юком». – 2015. – С. 1352–1361.

6. Куранова, Т. П. Функции языковой игры в медиаконтексте / Т. П. Куранова // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 4. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 272–277.

7. Шаховский, В. И. Социальная интеракция власти и народа через языковую игру / В. И. Шаховский // Мир лингвистики и коммуникации. – Тверь : Тверская гос. с/х академия. – 2006. – С. 21–28.

8. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 23.09.2018.

10. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Русский язык, 2000. – 544 с.

11. С миру по нитке – олигархам миллионы – Бизнес – zn.ua [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zn.ua/business/s-miru-po-nitke-oligarham-milliony-.html>. – Дата доступа : 01.10.2018.

12. Взятки гладки. «С миру по нитке» – девиз коррупционеров – Рамблер/новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://news.rambler.ru/other/38672749-vzyatki-gladki-s-miru-po-nitke-deviz-korrupsionerov/> – Дата доступа : 01.10.2018.

13. С миру по нитке – Поиск в Google [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.google.ru/search?q=c+миру+по+нитке>. – Дата доступа : 30.09.2018.

14. С миру по нитке. Волонтеры помогают малоимущим утеплить и укрепить свои дома [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://prime.md/ru/s-miru-po-nitke-volontery-pomogayut-maloimushim-uteplit-i-ukrepit-svoi-doma_77047.html. – Дата доступа : 01.10.2018.

15. С миру по нитке: инстаграм о повседневном стиле людей со всего света [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bigpicture.ru/?p=796718>. – Дата доступа : 01.10.2018.

16. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок /

В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.

17. С миру по нитке... – Задание – World of Warcraft [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wowhead.com/quest=25661/с-миру-по-нитке>. – Дата доступа : 01.10.2018.

18. Рассказовские умельцы соберут с миру по нитке [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://vtambove.ru/news/freetime/144027/> – Дата доступа : 01.10.2018.

УДК 811.1/.2:81-115

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОГО
ПОЛЯ «ЮРИДИЧЕСКОЕ ДЕЛО»
В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(на примере лингвистических корпусов)**

А. И. Зверева

Исследование профессионально-маркированной фразеологии является на протяжении долгого времени одним из актуальных направлений фразеологической науки, что объясняется уникальностью данных единиц, объединяющих в себе общее (повседневное) и специальное (научное) знания. В настоящее время исследование такого рода единиц довлеет в сторону экстралингвистического направления, что позволяет более полно проанализировать те или иные особенности фразеологизмов. В статье рассматривается семантика фразеологизмов функционально-тематического поля (ФТП) «юридическое дело» на основе их функционирования.

Ключевые слова: профессионально-маркированные фразеологизмы, белорусская фразеология, английская фразеология, судебная профессиональная речь, криминальное аргю, лингвистический корпус, Белорусский N-корпус, the British National Corpus, СОСА.

The study of the idioms derived from professional language has been one of the most topical issues of the modern phraseological science due to the unique dualistic nature of such linguistic units: they combine the general and specific notion. Nowadays the most preferable way of investigat-

ing such units is the extralinguistic one, which in its turn helps to analyze particular features of these idioms. In the following article the semantics of the idioms of the phraseo-thematic filed “Civil and Criminal Businesses” based on their functioning is dwelled upon.

Key words: *idioms derived from professional language, Belarusian phraseology, English phraseology, legal professional speech, criminal slang, linguistic corpora, Belarusian N-corpus, the British National Corpus, COCA.*

Профессиональная деятельность человека – это своего рода репрезентация его личности посредством труда. Функционирование человека в профессиональной среде является двусторонним процессом: принимая активное участие в трудовых актах, решая профессиональные задачи, человек также оказывается под влиянием данного рода деятельности и смотрит на окружающий мир сквозь призму той или иной профессии. Так, для представителя IT-сферы, сферы искусства и криминалиста одно и то же понятие может представляться по-разному, а один и тот же объект может быть назван с использованием разных узконаправленных языковых средств, таких, как терминологическое словосочетание или профессиональный жаргон. Таким образом, профессиональная речь является неотъемлемой частью языковой действительности каждого человека.

Судебная профессиональная речь, а также криминальное аргю послужили источником создания колоритного пласта профессионально-маркированной фразеологии как в белорусском, так и в английском языках. Как уже отмечалось ранее, семантика профессионально-маркированных фразеологизмов отличается единством обыденного и профессионального знания, что позволяет им функционировать как в прямом (терминологическом), так и в переносном (метафорическом, фразеологическом) значениях. Таким образом, данные единицы реализуют свою первостепенную функцию термина (терминосочетания) и объективизируют то или иное научное понятие.

Однако не всегда при использовании профессионально-маркированных фразеологизмов отдается предпочтение их прямому значению: очень часто данные единицы функционируют в своем метафорическом (фразеологическом) значении, что позволяет заполнить пробелы в лексической системе языка, которая не всегда может обеспечить наименование всех познанных человеком объектов действительности. Например: *Суд ЭЗ гэта ж не Шараішкіна кантора:*

туды могуць з'вяртацца тыя адвакаты, якія маюць пэўны вопыт [Новы час, 01/10/2013].

Для описания 'организации, занимающейся сомнительного рода деятельностью', используется фразеологизм *шарашкіна кантора*, который восходит к криминальному аргю. Кроме этого, в данном примере фразеологизм выполняет функцию интенсификации: серьезность и весомость института судебной власти Европейского союза выражается с помощью его противопоставления некой "*шарашкінай канторы*".

Более того, семантическая структура данных единиц характеризуется определенной сложностью: в зависимости от сферы происхождения (терминологический аппарат или профессиональная речь) в состав фразеологизма может входить термин (терминосочетание) или профессионализм. Это, в свою очередь, существенно затрудняет понимание того или иного фразеологизма вне контекста: непосвященному человеку достаточно проблематично понять, что означает *на цырлах* или *Jersey justice*.

Именно поэтому для качественного описания семантического характера профессионально-маркированных фразеологизмов ФТП «Юридическое дело» в белорусском и английском языках следует обратиться к контексту, в котором они функционируют. Для данного анализа видится продуктивным использование лингвистических корпусов: с их появлением многообразие форм существования языка стало более наглядным, возможности исследования языковых данных расширились. Одним из основополагающих принципов любого лингвистического корпуса является «построение с помощью неотредактированных текстов, т. е. язык представлен в том виде, в котором он проявил себя как в устной, так и в письменной речи. В корпусе представлены не существующие "образцы" и "предписания" для правильного построения сообщения, а как можно большее количество "вариантов" языка, пусть некоторые из них и находятся на периферии языковой системы» [1, с. 2].

С использованием статистических данных Белорусского N-корпуса [2], Британского национального корпуса (The British National Corpus) [3] и корпуса современного американского английского (COCA) [4] методом случайной выборки были проанализированы семантические особенности 10 профессионально-маркированных фразеологизмов тематического поля «Юридическое дело» в белорусском и английском языках. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Соотношение терминологического и метафорического значений профессионально-маркированных фразеологизмов ФТП «Юридическое дело» английском и белорусском языках

Фразеологизм	Функционирование (%)	
	в терминологическом значении	в метафорическом значении
1	2	3
Белорусский язык		
Вольная птушка	7,5% ‘изгнанник, не находящийся под опекой закона’	92,5% ‘свободный, ни от кого не зависящий человек’
Вочная стаўка	95,79% ‘следственное действие, в ходе которого проводится одновременный допрос двух ранее допрошенных лиц при наличии в их показаниях существенных противоречий’	4,21% ‘разговор ученика с директором школы’
За і супраць	49,7% ‘количество проголосовавших в пользу приговора и количество проголосовавших за отмену приговора’	50,3% ‘положительные и отрицательные стороны чего-либо’
На месцы злачынства	98,5% ‘в момент совершения преступления’	1,5% ‘с поличным’
На цырлах	1,4% ‘по всей форме, со всем почтением’	98,6% ‘угождать, подчиняться из-за страха’

Окончание таблицы 1

1	2	3
Английский язык		
Ambulance chaser	93,9% ‘адвокат, мотивирующий пострадавших в ДТП на судебные разбирательства не с виновниками аварии, а с сотрудниками дорожной полиции или скорой помощи’	6,1% ‘мошенник’
Bandit Territory	74,8% ‘территория, на которой проводятся противозаконные действия’	25,2% ‘опасное место’
Get away with murder	40,4% ‘совершить убийство и избежать наказания’	59,6% ‘совершать плохие поступки и не быть пойманным’
Jersey justice	1,3% ‘быстрая и эффективная судебная система’	98,7% ‘наказание, которое намного более жестокое, чем предполагается’
Stool pigeon	4,87% ‘информатор’	95,13% ‘человек, распространяющий секретную информацию компании, предприятия’

Рассмотрим примеры функционирования некоторых из них.

Несмотря на наличие метафорического значения ‘разговор директора и ученика’, устойчивое терминосочетание сферы правового законодательства *вочная стаўка* очень редко употребляется в данном значении. При функционировании данной единицы в белорусском языковом пространстве сохраняется ее терминологическое значение: *Андрэя Гайдуюка таксама чакае вочная стаўка з новым падазронным у справе* [Новы Час, 03/01/2013]; *Галоўнага рэдактара часопісу*

«Magazyn Polski» Андрэя Пачобута выклікалі на допыт у Шчучын 23 лістапада: прайшла яго **вочная стаўка** з дырэктарам Дому польскага ў Шчучыне Віктарам Богданам, які вінаваціць актывістаў СПБ у запалохваньні [Наша Ніва, 26/11/2006].

Такая жэ тенденцыя наблюдаецца в употреблении фразеологизма *на месцы злачынства* ‘в момент совершения преступления’ (терминологическое значение); ‘с поличным’ (метафорическое значение): **На месцы злачынства** эксперты высветлілі, што забілі маладога хлопца з выкарыстаннем агнястрэльнай зброі і вострагапрадмета [Звязда, 19/12/2017].

Почти все случаи функционирования (98,5 %) данного профессионально-маркированного фразеологизма приходятся на его терминологическое значение.

Фразеологизм *honor among thieves* демонстрирует иную тенденцию: полный переход из сферы криминального аргоса со значением ‘покрывательство сообщника’ в сферу политического дискурса со значением ‘проявление уважения по отношению к своему партнеру, товарищу’: *But Stalin believed that there was some kind of fraternity of bullies, some honor among thieves, some sort of mutual respect of the fist, and that Hitler would not break their pact* [Slate Magazine, 18/01/2017].

Полную утрату терминологического значения демонстрирует фразеологизм, восходящий к судебной системе *Jersey justice*: 98,7 % всех употреблений в английском языке отражают метафорическое значение данного фразеологизма ‘наказание, которое намного более жестокое, чем предполагается’: *A New Jersey justice wrote, in suspending Bailey's pro hac vice privilege for a year, that his conduct in stirring up wild pretrial publicity and the way he played to the news media indicates a state of mind... completely foreign to and destructive of our society* [ABA Journal, 06/06/2002].

Фразеологизм юридического происхождения *за і супраць* является одним из немногих профессионально-маркированных фразеологизмов, в равной степени представленных в своем терминологическом значении ‘количество проголосовавших в пользу или за отмену того или иного приговора, закона’ (49,7 %) и метафорическом значении ‘положительные и отрицательные стороны чего-либо’ (50,3 %): *Паводле слоў прэс-сакратара, на разгляд ва ўрад былі накіраваны аргументы спецыяльнай камісіі: ‘за’ і ‘супраць’ пераводу стрэлак* [Звязда, 09/10/2014] – *Пры ўсіх за і супраць тэлівізійных шоў – гэта вялікі досвед для нас: нам было прыемна атрымаць адзнаку ад зусім незнаёмай публікі – і слухачоў, і журы* [Новы Час, 09/10/2013].

Полученные данные наглядно демонстрируют предпочтительное употребление фразеологизмов данного поля в их метафорическом значении как в английском, так и в белорусском языках. Данный факт объясняется возрастающим употреблением их вне специального контекста, а также постепенной утратой внутренней связи с первоначальным понятием.

Список использованных источников

1. Козлова, Н. В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология / Н. В. Козлова // Вестник НГУ. – 2013. – Том 11, выпуск 11. – С. 79–88.
2. Беларускі N-корпус : публічны агульны корпус беларускай мовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bnkorporus.info/> – Дата доступа : 08.10.2018.
3. The British National Corpus, version 3 (BNC XML Edition) : [Electronic resource] / distributed by Oxford University Computing Services on behalf of the BNC Consortium. – Mode of access : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> – Date of access : 08.10.2018.
4. The Corpus of Contemporary American English (COCA): 450 million words, 1990 – present : [Electronic resource] / ed. Davies, M. – Mode of access : <http://corpus.byu.edu/coca/>. – Date of access : 08.10.2018.

УДК 811.161.1'373.7: 821.161

ВЫКАРЫСТАННЕ ПАРАЛЕЛЬНАГА КОРПУСА Ў ПАРАЎНАЛЬНА-СУПАСТАЎЛЯЛЬНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯХ ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ АДЗІНАК (на матэрыяле рамана І. П. Шамякіна “Атланты і карыятыды”)

А. В. Кавалёва

У артыкуле разглядаюцца магчымасці выкарыстання паралельных карпусоў у даследаванні фразеалагічных адзінак беларускай і рускай моў. На матэрыяле рамана І. П. Шамякіна “Атланты і карыятыды”, а менавіта, на вобразе галоўнага героя твора, паказана, як фразеалагічнае значэнне перадаецца ў беларускай мове, мове арыгінала, і ў рускай мове, мове перакладу.

Ключавыя словы: *фразеалагізм, кантэкст, тэкставая прастора, фразеалагічнае значэнне, мастацкі вобраз.*

The article deals with the research of phraseological units from the parallel corpus of the Belarusian and Russian languages. On the examples of the main character image in the novel “Atlanty i karyyatydy” (“Atlantes and caryatides”) by I. P. Shamyakin the phraseological meaning is shown in the context of the Belarusian language, the language of the original, and in the Russian language, the language of translation.

Key words: *phraseological unit, context, text, phraseological meaning, artistic image.*

Розныя падыходы (лінгвістычны, лінгвастылістычны, літаратуразнаўчы і інш.) да вывучэння адзінак тэксту сведчаць, што актуальным з’яўляецца даследаванне фразеалагічных адзінак, іх пераклад на іншыя мовы. Гэтым праблемам у сучасным беларускім мовазнаўстве прысвечаны работы М. А. Даніловіча, У. І. Коваля, В. А. Ляшчынскай, В. А. Маславай, А. І. Равуцкага і інш.

Для параўнальных даследаванняў неабходным з’яўляецца выкарыстанне нацыянальнага корпуса рускай мовы, які дазваляе праводзіць даследаванні паралельных карпусоў некалькіх моў, а таксама аналізаваць фразеалагічныя адзінкі, пры гэтым улічваючы асаблівасці блізкароднаснага беларуска-рускага двухмоўя. На матэрыяле рамана І. П. Шамякіна “Атланты і карыятыды” намі аналізуецца фразеалагічныя адзінкі, якія характарызуюць галоўнага героя-змагара, асаблівасці іх перакладу, якія садзейнічаюць захаванню ўсіх рыс і характарыстык вобраза, што створаны аўтарам.

Выбар рамана І. П. Шамякіна “Атланты і карыятыды” тлумачыцца актуальнасцю шматлікіх сюжэтных ліній і ў наш час, асабліва праблемы сямейных узаемаадносін, сямейных каштоўнасцей, узаемаадносін паміж калегамі і сябрамі і інш. Аўтар па-майстэрску перадае творчыя пошукі інтэлігенцыі, праблемы правінцыяльнага горада, паказвае тагачаснае жыццё, што праходзіць у прыёмных, кабінетах, калідорах розных устаноў. Асаблівую ўвагу пісьменнік надае вобразу галоўнага героя, архітэктара Максіма Карначы, які спалучае як станоўчыя, так і адмоўныя рысы. Пры апісанні яго ўчынкаў, маральных перажыванняў, адносін да працы І. П. Шамякін выкарыстоўвае шматлікія фразеалагічныя адзінкі. В. Каваленка ўказвае на адметнасць творчай пазіцыі пісьменніка, які не сцвяржае зніжэнне духоўнасці, не паэтызуе духоўнай заніжанасці, а “сам герой адчувае свой унутраны ўзровень, усведамляе свае магчымасці, глядзіць на сябе крытычна” [1, с. 380].

Тэкст твора насычаны фразеалагічнымі адзінкамі, якія ўжываюцца ва ўнутраных маналогам герояў: “А сваяцтва — вялікая

сіла. Меў сваяка першага сакратара гаркома – **быў на кані**. Парвеш сваяцтва – невядома, дзе можаш апынуцца”; дыялогах: “Хіба словамі можна заткнуць? – здзіўлася Каця. Дзіцячая непасрэднасць і літаральнае разуменне сэнсу слоў усіх расмяшыла. – Можна, Кацька. Такі кляп уставаць, што не пікнеш. – **Не вярзі лухту** дзіцяці, – сказала маці”; а таксама пры апісанні мастацкай рэчаіснасці: “Ліфт ужо не працаваў – позна, і Максім паднімаўся па лесвіцы цяжка і доўга, **як на эшафот**” [2]. (Тут і далей прыклады прыводзяцца з паралельнага корпуса беларускай і рускай моў). Наяўнасць вялікай колькасці вобразных сродкаў была ўлічана пры перакладзе твора, захавана стылёва-экспрэсіўная танальнасць перакладу, што дазволіла пазбегнуць калькіравання фразеалагізмаў.

Аўтар паказвае сілу характара героя, які не баіцца грамадскага абурэння, смела выказвае сваю актыўную грамадзянскую пазіцыю: “Хаця Сасноўскі не патрабаваў ніякага тлумачэння, слова не сказаў на гэты конт, але ён, Ігнатовіч, добра ведаў: чакае ўсё-такі нейкага тлумачэння, і не ад каго іншага – ад яго... Ігнатовіч амаль спалохаўся, калі ў пачатку размовы Карнач пачаў **гарадзіць усю гэтую лухту** пра прэзідыум, машыны. Паспрабуй перадаць такое Сасноўскаму! А так – усё проста і зразумела. І ні на каго, акрамя самога яго, Карнача, не падае цень”. Адзінка **гарадзіць лухту** ўжываецца са значэннем ‘гаварыць бязглуздзіцу, недарэчнасць, глупства’ [3, т. 3, с. 63]. У рускім варыянце засведчаны аднолькавы кампанентны склад з арыгіналам: (рус.) “Хотя Сосновский не требовал никаких объяснений, словом не обмолвился, но Игнатович хорошо знал: ждет все-таки, и не от кого другого, от него... Игнатович прямо испугался, когда в начале беседы Карнач начал **пороть всю эту чепуху** про президиум, машины. Попробуй рассказать это Сосновскому! А так все просто и понятно. И ни на кого, кроме самого Карнача, не падает тень”.

У наступным прыкладзе нельга не адзначыць майстэрства перакладчыка, які дадае ў рускі варыянт фразеалагізм, што не засведчаны ў аўтарскім тэксте: (рус.) “Но Галина Владимировна работала, как раньше, ровно и спокойно. И он пришел к решению, что молодая вдова имеет право на интимную жизнь и теперь, когда Карнач уже **отрезанный ломоть**, он может себе позволить не обращать внимания на ее отношения с бывшим главным архитектором”. Фразеалагізм **адрэзаная луста** (рус. **отрезанный ломоть**) мае значэнне ‘пра чалавека, які канчаткова парваў сувязь з сям’ёй, з калектывам, жыве асобна’ [3, т. 4, с. 166]. Ён гарманічна ўпісваецца ў структуру рамана, негледзячы на яго адсутнасць у мове арыгінала, пацвярджае задумку І. П. Шамякіна пра смелы ўчынак

Карнача, які ўмоўна падзяліў сваё жыццё на дзве часткі – да пасяджэння і самаадводу сваёй кандыдатуры ў склад гаркома: “*Але Галіна Уладзіміраўна працавала на-ранейшаму роўна і спакойна, і ён разважыў, што маладая ўдава мае права на інтымнае жыццё, і цяпер, калі яго ўласныя адносіны з Карначом акрэслены, ён можа дазволіць сабе абыякаваць да яе адносін з былым галоўным архітэктарам*”.

Здольнасці Карнача як архітэктара, яго прынцыповыя адносіны да бяздарных калег яскрава пададзены І. П. Шамякіным: “*Карнач можна звольніць з усіх пасадаў, але ўсё адно ён застанецца вядомым у рэспубліцы архітэктарам, у якога не адбярэш талент, востры зрок і розум. На бліжэйшым пленуме ці з’ездзе архітэктараў Карнач можа пакінуць ад яго, македаўскага, доўлідства **адзін пыльны друг**. Гэтага Браніслаў Адамавіч заўсёды баяўся*”. Лексема *друг* ужываецца са значэннем ‘маса з бітага камення, цэгля, шкла’ [3, т. 2, с. 201]. Яна ўказвае на тое, што будаўнічае смецце ўяўляюць людзі, якія не здольны, на думку Максіма, адстойваць свае думкі і ўчынкi. У перакладзе гэтага ўрыўка выкарыстаны біблейскі фразеалагізм (рус.) *камня на камне не оставит* ‘разбурыць ушчэнт’: “*Карнач можна уволіць со всех должностей, все равно он останется известным в республике архитектором, у него не отнимешь таланта, острого глаза, ума. На ближайшем пленуме или съезде архитекторов Карнач может от его творчества **камня на камне не оставит**. Этого Бронислав Адамович всегда опасался*”. У гэтым кантэксте адзінка паспяхова выконвае ролю эквівалента, хоць і з’яўляецца семантычна больш шырокай.

Фразеалагізм *іграць першую скрыпку* ўжываецца са значэннем ‘быць галоўнай уплывовай асобай у якой-небудзь справе’ [т. 2, с. 528]. Роля Максіма як прафесіянала ў сваёй прафесіі, яго адносіны да яго падначаленых, а таксама адносіны да яго з боку сакратара гаркома і адначасова яго сваяка выяўляюцца ў наступным фрагменце твора: “*Думка пра тое, што Карнача трэба пакараць, неяк быццам спалохала Герасіма Пятровіча. Уласна кажучы, спалохала не тое, што трэба пакараць, а тое, што гэта мусіць зрабіць ён, Ігнатовіч, акрамя яго, ніхто гэтым не будзе займацца... Карнач там намеснік сакратара партбюро і, як расказваў Кісюк, у бюро **першая скрыпка**, большасць членаў заварожаны ім*”. У перакладзе на рускую мову засведчана згортванне арыгінальнага тэкста, але пры гэтым выкарыстоўваецца блізказначная моўная адзінка: (рус.) “*Мысль о том, что Карнача надо наказать, как-то испугала Герасима Петровича. Собственно говоря, испугала не самая мысль, а то, что это должен сделать он, кроме него, никто этим не*

будет заниматься... Карнач там заместитель секретаря партбюро и играет в бюро первую скрипку”.

Такім чынам, прыведзеныя І. П. Шамякіным фразеалагізмы дэталёва раскрываюць псіхалагічны партрэт героя, пры гэтым у перакладзе на рускую мову засведчана выкарыстанне блізказначных моўных адзінак (*першая скрыпка*), частковае згортванне арыгінала або ўжыванне ў перакладзе адзінак з семантычна пашыраным значэннем, якое абумоўлена кантэкстам. Аўтар перакладу адлюстравалі адносіны І. П. Шамякіна да героя і ўдала перадаў іх сродкамі рускай мовы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Каваленка, В. Выклік спакою і змірэнню / В. Каваленка // Атланты і карыятыды : паслясл. – Мінск : Маст. літ., 1985. – С. 378–385.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 24.08.2018.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэдкал.: К.К. Атраховіч [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984.
4. Шамякін, І. П. Атланты і карыятыды / І.П. Шамякін. – Мінск : Маст. літ., 1985. – 386 с.

УДК 811.16'42:398.92:004.77

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (на материале интернет-изданий)

И. О. Ковалевич

Статья посвящена исследованию окказиональной деривации на базе фразеологических единиц. Анализируются приёмы преобразования идиоматических выражений посредством аффиксальных и контаминированных окказионализмов, а также вставки и замещения лексических компонентов в структуре узуальных фразеологизмов.

***Ключевые слова:** фразеологизм, окказиональный, деривация, преобразование.*

The article is a study of occasional derivation on the basis of phraseological units. Various techniques of the transformation of idiomatic expressions are analyzed which are carried by means of affixal occasionalisms, blendings as well as insertion and substitution of lexical components in the structure of usual phraseologisms.

Key words: *a phraseological unit, occasional, derivation, transformation.*

Основной функцией массмедийного дискурса является воздействующая, заключающаяся в формировании у читателя / зрителя определённых взглядов и убеждений относительно существующей реальности, выработке конкретной точки зрения, позиции, отношения. Воздействуя на чувства и эмоции, публицист ищет такие речевые формы, которые способны привлечь внимание целевой аудитории к обсуждаемой проблеме с последующим формированием необходимой оценки. При этом наблюдается чёткое размежевание оценочности по двум полюсам: положительное и отрицательное.

В качестве одного из средств создания экспрессии выступают окказиональные новообразования, выбивающиеся из потока узуальных единиц необычностью своей формы и содержания. Необычность окказионализмов обуславливается семантической контрастностью составляющих данные единицы элементов, соотносимых с разными языковыми уровнями [1]. Очень часто окказиональные дериваты, семантически коррелируя с узуальными прообразами, наделяются семантической двуплановостью, которая даёт основание соотнести подобные единицы с категорией тропов. Степень экспрессии и образности окказионализмов значительно увеличивается, если в окказиональную деривацию вовлекаются выражения идиоматического характера.

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей окказиональной деривации на уровне фразеологизмов в массмедийном дискурсе. Анализ фактического материала показал, что преобразование фразеологических единиц может осуществляться разными способами, одним из которых является создание окказионального слова, включённого в выражение идиоматического характера. Рассмотрим примеры использования аффиксальных окказионализмов как элементов фразеологических единиц.

К характерным особенностям словообразования в массмедийном дискурсе является производство дериватов с использованием разнообразных префиксов и префиксоидов (*псевдо-, лже-, квази-, кибер-, гипер-, мега-, микро-, авто-, евро-, кино-, теле-* др.). В образовании

подобных окказиональных рядов отражается тенденция публицистики к созданию разного рода клише или штампов. Обратимся к рассмотрению некоторых из перечисленных случаев: *Ещё лет двадцать назад никто и помыслить не мог, что придет день и станут сочинять сказки про то, например, как мальчик отправляется во сне в тридцатое царство совсем не за чудесами или удивительными приключениями, а с очень обыденными, даже прагматичными намерениями. Очень уж хочет найти волшебника, который по щучьему **кибервелению**, по щучьему **киберхотению** помог бы ему помирить маму с папой, чтобы те не развелись...* [<http://www.lgz.ru/article/N38--6339---2011-09-28-/Posmotrite-detyam-v-glaza17256/>]. В данном речевом фрагменте обыгрывается идиоматическое выражение *по щучьему велению, по чьему-либо хотению* в значении ‘чудесным образом, само собой’. Преобразованный посредством форманта *кибер-* фразеологизм тематически соотносится со всем публицистическим произведением, в котором рассказывается об эволюционном развитии сказки как литературного жанра под влиянием компьютерных технологий. *Кибер-*указывает на присутствие некоего могущественного виртуального помощника, способного чудесным образом решить все существующие проблемы и справиться с любыми возлагаемыми на него задачами.

В качестве словообразовательного форманта может выступать и префиксоид *нано-*: *Бред **нанокобылы**: на научный форум с участием президента пробрались шарлатаны...* [https://www.mk.ru/politics/russia/2010/11/10/543097_brednanokobyilyi.html]. Преобразованию подвергается фразеологизм *бред сивой кобылы*, выражающий значение ‘бессмыслица, бред’. В данном случае преобразование сопровождается замещением элемента *сивая* на элемент *нано-*, который несколько расширяет свою семантику и указывает на связь со сферой науки в целом.

Высокой продуктивностью в массмедийном дискурсе характеризуется формант *евро-* (сравн.: *евротрёпка, евросердце, еврояичница, евродурман* и др.). Окказионализмы с данным формантом включаются также и в выражения идиоматического характера: *Они рассказывают туземцам **евросказки** и навевают дивные либеральные сны. Ну а в это время олигархи шарят по карманам очумевшей от евродурмана России...* [<http://www.lgz.ru/article/-32-6426-07-08-2013/za-zaborom/>]. Фразеологизм *рассказывать сказки*, т. е. ‘врать, обманывать, говорить неправду’, посредством трансформации наделяется значением ‘иллюзорная возможность жить хорошо, по стандарту, соответствующему уровню жизни в развитых европейских странах’.

Следует отметить активное производство окказиональных субстантивов, характеризующихся абстрактной семантикой. В качестве словообразовательного форманта выступает суффикс *-ниџ-*, называющий действие по мотивирующему глаголу: *И следов не сыщете вы дешёвой развлекательности – ток-шоу третьей свежести и фильмов, купленных по сто долларов за пачку, не будет и весёлого, непринужденного **припадания** к стопам сказочной царицы...* [<https://profilib.net/chtenie/147811/tatyana-moskvina-entsiklopediya-russkoy-zhizni-moya-letopis-1999-2007-lib-52.php>]; *А ребята лет пяти-семи находят в спектакле своё: их веселят **уползание** на четвереньках одного из персонажей, страшно радует превращение Людоеда в мышку, и, казалось бы, такой простецкий приём, как протягивание игрушечной мышки на малоприметной верёвочке через всю сцену, вызывает у них абсолютный восторг...* [<http://www.lgz.ru/article/-8-6498-25-02-2015/lyudoed-tantsuet-rok-n-roll/>] и др. Подобное структурное преобразование фразеологизмов не вызывает существенного искажения их первоначального значения. Изменение видится лишь в их переходе из разряда глагольных фразеологизмов в разряд субстантивных.

В целом для массмедийного дискурса является актуальным производство окказиональных агентивов, мотивированных глаголами. Их специфика заключается в том, что большинство таких новообразований соотносятся с определёнными профессиями и являются синонимами к имеющимся нормативным наименованиям. Они способствуют созданию комического эффекта и используются в качестве средств характеристики людей определённой профессии (сравн.: *бумажные обустроители жизни; задаватель антикоррупционных вопросов; реабилитатели нацизма в России; лишние согласователи* и др.). Подобные новообразования могут мотивироваться также и фразеологизмами с ведущим глагольным компонентом: *По замыслу, Прилепин, очевидно, хотел и соответствовать образу воплощения «совести народа», и одновременно заявленному формату мероприятия. Но по исполнению получилось, что «чижика съел». То есть главной проблемой литературы (а не книжной отрасли), по мнению **пожинателя** премий, является не 20 лет полного раздора в умах и душах народа, <...> а то, что библиоколлекторы развалились и книги Прилепина распространяются как попало...* [<http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/antiprilepin/>]. В данном речевом фрагменте наблюдается структурно-семантическое преобразование фразеологизма *пожинать лавры* в значении 'пользоваться плодами достигнутой славы, известности, почета, успеха'. Компонент *лавры* замещается компонентом *премии*, и

в результате новый фразеологизм обозначает человека, пользующегося плодами достигнутой им славы в виде денежных выплат. Данный окказионализм выражает явно отрицательную оценку и подчеркивает ориентацию обозначаемого им объекта на материальные ценности в ущерб чему-то духовному.

Рассмотрим случаи более сложной структурно-семантической трансформации фразеологизмов, которая, как правило, сопровождается контаминацией. Контаминация как способ словообразования заключается в скрещивании двух фонетически близких основ, которое может осуществляться по самым разным принципам. Например, одна из основ «вклинивается» в другую: *горе ЛУКОЙЛовое* (ЛУКОЙЛ + луковый) [<https://www.mk.ru/social/2010/09/21/531026-gore-lukoilovoe.html>]. Преобразованию подвергается фразеологизм *горе луковое*, обозначающий нерасторопного, невезучего, неумелого человека. Компонент ЛУКОЙЛ вносит конкретизацию, и из контекста становится понятно, что речь идёт о сотруднике нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», который стал виновником серьёзной автокатастрофы. По этому же принципу создаются окказионализмы *коровный* и *блюдный*: *Коровная месть: производство молока в регионах может сократиться на треть...* [<https://www.kommersant.ru/doc/2855786>]; *Блюдный сын: диеты предков могут навредить здоровью потомков...* [<https://newizv.ru/news/society/14-01-2011/139269-bljudnyj-syn>] и др.

Актуальным также является производство контаминированных дериватов способом телескопии и последующим их включением в выражения идиоматического типа. Например, *с футболом в сердце: жеребьёвка ЧМ-2018 была полна скрытых интриг и переживаний...* [<https://www.kommersant.ru/doc/2776770>]. Окказиональный фразеологизм обозначает большие душевные переживания человека, связанные с неблагоприятной ситуацией в мире футбола. Другие примеры: *Дамаски сброшены: У Владимира Путина и Ангелы Меркель проявился один взгляд на Сирию...* [<https://www.kommersant.ru/doc/1950391>]; *Раздвоение личности: в России прошли массовые митинги сторонников и противков кандидата в президенты...* [<https://www.kommersant.ru/doc/1866877>]; *В Россию третий день не ввозят устриц и хамон. Фуагра-ница на замке?..* [<https://www.mk.ru/economics/2014/08/08/v-rossiyu-tretiy-den-ne-vvozyat-ustric-i-khamon.html>]; *Футбольные на голову...* [<https://www.kommersant.ru/doc/3680804>] и др.

Окказиональное преобразование фразеологизмов может осуществляться также и на синтаксическом уровне. В отношении контраста в данном случае вступают не отдельные морфемы, а целые слова. Одним из

способов подобной трансформации является вставка дополнительного элемента в структуру фразеологизма. Данный элемент в большинстве случаев выступает в роли определения и выражается именем прилагательным: *Северный тернистый путь: Ведомства выясняют, какие суда можно пускать в Арктику...* [<https://www.kommersant.ru/doc/3661297>]; *Упадок балетных сил: «Декаданс» Охада Наарина в Париже...* [<https://www.kommersant.ru/doc/3758697>]; *Продюсеры прорубили цифровое окно: Российское кино не торопится в онлайн-кинотеатры...* [<https://www.kommersant.ru/doc/3752328>]. В последнем случае вставка сопровождается опущением элемента *в Европу*.

К добавлению нового элемента может привести и так называемая телескопия, т. е. наложение, двух структур. Так, окказиональный фразеологизм *протоптать ковровую дорожку* продуцируется посредством наложения фразеологизма *протоптать дорожку* и устойчивого словосочетания *ковровая дорожка* (подразумевается компонент *красная*): *Глава КНДР протоптал ковровую дорожку в Китай: Ким Чен Ын прибыл в КНР третий раз за три месяца...* [<https://www.kommersant.ru/doc/3662622>]. Подобное скрещивание вызывает порождение нового смысла: важное лицо совершает ставшее привычным для него действие. Взаимодействующие структуры вступают в отношения семантического контраста, порождающего иронию. Красная ковровая дорожка вызывает ассоциации, связанные с чем-то официальным, масштабным, торжественным, исключительным. Фразеологизм, в свою очередь, подчеркивает чрезмерную частоту и многократность действий, предпринимаемых со стороны первого лица государства, и несёт на себе налёт разговорности. В данном речевом фрагменте наблюдается также столкновение фразеологического и нефразеологического значений выражения *протоптать дорожку*: ‘сделать что-то привычным для себя’ и ‘проложить дорожку частой ходьбой’.

Характерным для массмедийного дискурса является замещение элементов фразеологических единиц на семантически релевантный в конкретном контексте компонент: *Нефть преткновения: Стороны сделки ОПЕК+ не могут прийти к соглашению...* (сравн.: *камень преткновения*) [<https://www.kommersant.ru/doc/3663259>]; *Украине протянут уголь помощи: Добыча на Дону заместит донецкий антрацит* (сравн.: *протянуть руку помощи*) [<https://www.kommersant.ru/doc/3662563>]; *Сахар перемен. Диабет: цивилизованное отчаяние или сдержанный оптимизм...* (сравн.: *ветер перемен*) [<https://www.novayagazeta.ru/>]

articles/2018/08/24/77587-sahar-peremen]; **Сода камень точит:** БСК [Башкирская содовая компания – И. К.] продолжает давить на власти Башкирии... (сравн.: вода камень точит) [https://www.kommersant.ru/doc/3701726]; **Подсадные куклы.** Силовики заигрались: провокаторов в «Новом величии» оказалось едва ли не больше, чем самих участников (сравн.: подсадная утка) [https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/08/26/77605-podsadnye-kukly]; **Нет леса без огня:** По площади природных возгораний нынешний год догоняет худшие... (сравн.: нет дыма без огня) [https://www.kommersant.ru/doc/3681922]; **Кинопрокатчики сматывают пленку:** К сети «Тетерин фильм» накопились претензии дистрибуторов... (см.: сматывать удочки) [https://www.kommersant.ru/doc/3731641] и др. Фонетическая близость меняемых компонентов усиливает образность окказиональных фразеологизмов: **Шито бедными нитками:** Как пытаются выжить российские одежные бренды... (сравн.: шито белыми нитками)[https://www.kommersant.ru/doc/2902135]; **Между молотом и Кавано:** Дело кандидата в члены Верховного суда США определит политическое будущее Дональда Трампа... (сравн.: между молотом и наковальней)[https://www.kommersant.ru/doc/3753484].

Замена может осуществляться по принципу семантической полярности, когда два компонента выражают противоположные значения. Примером тому служит преобразованный фразеологизм **свет кромешный** (сравн.: тьма кромешина ‘непроглядная темнота, полное отсутствие света; невежество, незнание’). В данном случае основу контраста взаимодействующих лексических единиц составляет их семантическое противоречие, характерное для оксюморона: **свет** ассоциируется с чем-то положительным (надеждой, знанием, радостью), а прилагательное **кромешный** выражает отрицательные коннотации – ‘невыносимо тягостный, без надежды на лучшее’. Контекст актуализирует значение фразеологизма: пролить свет на что-то неизвестное, забытое, незамеченное: *В Центре братьев Люмьер открыта выставка «Noor. Иди и смотри». Она представляет избранные фотоистории, снятые репортерами независимого голландского агентства Noor за десять лет его существования. В переводе с арабского noor – это «свет», и, как объясняет управляющий директор агентства Клеман Саккомани, фотографы Noor проливают его на те истории, которые тонут в потоке новостей...* [https://www.kommersant.ru/doc/3662946]. Еще один подобный пример: **«Дедушкины» сказки:** Илья Усов – о том, кого пенсионным фондам лучше иметь в акционерах...

(сравн.: *бабушкины сказки* ‘взор, нелепица, небылица’) [<https://www.kommersant.ru/doc/3738881>] и др.

Взаимозаменяемые компоненты могут также находиться в отношениях словообразовательной производности: *Как снегоуборщик на голову: изблечительные показания на авиадиспетчеров в деле о катастрофе Falcon пришили, откуда не ждали...* [<https://www.kommersant.ru/doc/3660895>]. Компонент *снегоуборщик* указывает на лицо, предоставившее в распоряжение правоохранительных органов информацию о случившейся аварии. Фразеологизм *как снег на голову* выражает значение неожиданности и непредсказуемости совершенного действия для противоположной стороны конфликта.

Нами также отмечены случаи более глубокого преобразования узуральных фразеологизмов: *Форточка в Европу приоткрылась: Европейский университет внезапно прошел проверку Рособнадзора...* [<https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/08/02/77369-fortochka-v-evropu-priotkrylas>]. В данном случае трансформации подвергается идиоматическое выражение *в Европу прорубить окно* в значении ‘установить деловые и культурные связи с европейскими странами’. В дальнейшем компоненты *окно* и *прорубить* замещаются на элементы *форточка* и *приоткрыть*, которые говорят об осмотрительности и осторожности предпринимаемых действий, что в целом характерно для чего-то нового, еще неизведанного.

Таким образом, можем заключить, что создание окказиональных фразеологизмов является характерной чертой современного массмедийного дискурса. Подобные единицы выступают в качестве источника особой экспрессии и образности. Преобразование узуральных фразеологизмов может осуществляться как на уровне словообразования, так и на уровне синтаксиса. В обоих случаях наблюдается семантический контраст между взаимодействующими структурными единицами. Окказиональная трансформация характеризуется разнообразием приёмов, продуктом которых являются яркие, уникальные, семантически ёмкие структуры, наделённые тропеической образностью.

Список использованных источников

1. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учеб. пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград : Калинингр. ун-т, 1997 – 234 с.

ОТ ЗАКЛЯТЫХ ВРАГОВ – К ЗАКЛЯТЫМ ДРУЗЬЯМ И ПОДРУГАМ (ЭВОЛЮЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА ПО ДАННЫМ ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ)

В. И. Коваль

Объектом исследования является устойчивое выражение “заклятый враг”, традиционно рассматриваемое как фразеологическое сочетание, в составе которого имеется имя прилагательное с “избирательной” сочетаемостью. Демонстрируется (с опорой на материал Национального корпуса русского языка) расширение сочетаемости прилагательного “заклятый” за счет создания имеющих ироническую окраску фразеологизмов “заклятый друг” и “заклятая подруга”.

Ключевые слова: происхождение, употребление, заклятие, заклятый враг, заклятый друг, заклятая подруга.

The object of our research is the set expression the sworn enemy which is traditionally considered a phraseological combination as a part of which there is an adjective with «selective» compatibility. The extension of compatibility of the adjective “sworn” at the expense of creation of the phraseological units “the sworn friend” and “the sworn girlfriend”, which have ironical colouring, is shown (on the material of the Russian National Corpus).

Key words: origin, use, spell, sworn enemy, sworn friend, sworn girlfriend.

Устойчивое словосочетание *заклятый враг* включает в свой состав устаревшее прилагательное *заклятый*, являющееся по происхождению страдательным причастием прошедшего времени, образованным от древнерусского глагола *закляти* ‘подвергнуть заклятию’, и имеющее исходное значение ‘такой, с которым дали клятву бороться всегда’ [1, с. 154].

В качестве синонимов архаизма *заклятый* могут быть названы такие слова активного употребления, как *жестокий, грозный, непримиримый, безжалостный, беспощадный, закоренелый, кровный, лютый, матерый, настоящий, отъявленный, подлинный, сильный*; в словаре В. И. Даля для толкования словосочетания *заклятый (заклятóй) враг* приводится архаичная номинация *вековечный* [2, с. 586]. Подбор синонимов как способ толкования значения слова в данном случае вполне закономерен:

В. В. Виноградов, характеризуя устойчивые словосочетания, названные им фразеологическими сочетаниями (*щекотливый вопрос, беспробудный сон, беспросыпное пьянство* и др.), отмечал, что «фразеологически связанное значение трудно определимо», вследствие чего «такое значение не столько определяется, сколько характеризуется, освещается путем подбора синонимов, которые могут его выразить и заменить в соответствующем сочетании» [3, с. 28].

Можно предположить, что закреплению в русском языке устойчивого словосочетания *заклятый враг* (при наличии более десятка других не менее экспрессивных синонимичных эпитетов) способствовала соотнесенность слова-компонента *заклятый* с представлениями о магической «энергетике» слова и способности человека воздействовать с помощью слова (словесных конструкций) на лицо или предмет окружающей действительности. Сравн. значение производящей базы этого причастия – глагола *заклинать* – в современном русском языке: ‘суеверно стремиться воздействовать на кого-либо, что-либо, подчинить кого-либо, что-либо силой заклинаний’; при этом слово *заклинание* трактуется как ‘словесная формула, обычно сопровождаемая особыми действиями, которая, по суеверным представлениям, обладала магическими свойствами’ [4, с. 326].

В качестве иллюстрации может быть приведено описание обряда заклятия с помощью мака, зафиксированного на территории белорусско-литовского пограничья: «Мак надо было смешать с песком следа левой ноги и бросить в полночь во двор заклинаемого, произнеся: *Пусть разобьется на мелкий мак тот, кто нас разлучил!*» [5, с. 304]. Сравн. белорусские заклятия – пожелания противнику неподвижности из-за болезни или даже смерти: *Каб ты каменем сеў!*; *Каб ты крыцаю сеў!* (*крыца* ‘кусок железа’); *Каб ты ні нагой ні рукой не паварушыў!*; *Каб ты стала дзеравам!*; *Каб це ногі не насілі!*; *Каб ты спруцянеў!*; *Каб ты ні сеў ні ўстаў!*; *Каб яго сагнула ў крукі!*; *Каб яна прутом ляжала!* и др. [6, с. 218–219].

В этнолингвистике термин *заклинание* определяется как «вид ритуально-магической речи; прямое обращение к объекту магического воздействия в императивной форме – требования, приказа, побуждения, просьбы, мольбы, предупреждения, запрещения, угрозы». В подобных случаях отправитель текста и создатель желаемой ситуации является одним и тем же лицом, которое «не просто выражает свои желания и требования, но и создает желаемое, вызывает его к жизни». Таковы русские заклинания, направленные на защиту посевов от градовых туч (*Беги, град, от наших полей, от наших хлебов, от нашего села!*), на защиту домов от насекомых (*Кишьте, мухи, вон,*

идет хозяин в дом!), на большой урожай (Уроди, лен, в оглоблю, а картошка – в колесо!) и др. [7, с. 258–259].

Употребление глагола *заклинать* в «ритуально-магическом» значении отражено и в памятниках письменности XI–XVII веков: *Балий* (колдун, заклинатель – В. К.) *же нарицается, иже б, сов призыванием заклинает, и зв,ри, и скоты, и чел,ов,ки; Въ томъ же потребник, молитва заклинателная и на мухи, и на мушице, и на всякий гадъ ... И сия молитва н,сть православных, но волшебная*. Сравн. также: *заклинатель* ‘священник, который получил право заклинать злых духов’. *Заклинатели от епископа приемлют поставление, яко же и прочие священническаго чину, аще убо не поставленъ будетъ от епископа въ степень, заклинати не можетъ ни въ дом,хъ, ни в ц,ркви* [8, с. 214].

Сопровождающиеся угрозами заклинания регулярно встречаются в текстах заговоров: рус. *Уж ты, смерть коровья, не ходи в наше село. Мы тебя запашем, заскородим, кочергами загребем, топорами зарубим* («От коровьей смерти»); бел. *Зубішча, зубішча, ідзіця на дубішча. А калі ня пойдзеця, я к вам прыду з косамі, з тапарамі, з добрымі малайцамі, і я вас пакашу, парубаю* («Ад зубішча») [9, с. 104].

В традиционных народных верованиях сохранились довольно устойчивые представления о так называемых «заклятых кладах» – спрятанных в землю сокровищах, над которыми было произнесено заклятие: «Богатство укрывалось с зарок, то есть с заклинанием, со словесным заговором на имя какого-нибудь человека. Иногда заговор делался на человека, которому попадет запись или бумажное завещание, описывавшее место, где положен клад. Случалось и так, что завещатель, когда зарывал клад, делал заклинание, что клад этот зарывается на столько-то голов. По понятию укрывателей кладов, клад, положенный на столько-то голов (например «на сорок голов»), причиняет сорока кладоискателям смерть, а сорок первый кладоискатель получает клад беспрепятственно» [10, с. 439]. А. Н. Афанасьев следующим образом описывает содержание таких заклятий и возможные последствия овладения заклятым кладом: «Клады редко полагаются без заклятия. Чтобы укрыть их от поисков, тот, кто зарывает сокровище, причитывает вслух зарок, или приговор: через сколько времени, как, кому и при каких условиях может достаться этот клад. Без соблюдения условий, требуемых зарок, клад не дается; чем усерднее будешь рыть землю, тем глубже станет он уходить вниз; один раз кажется, что совсем дорылся до сокровища, заступы уже стукнули о железную плиту или крышку сундука, но в то же мгновение со страшным гулом проваливается клад в преисподнюю, а из-под земли слышится неистовый, оглушающий хохот нечистой силы [11, с.

674]. О необходимости наличия особых способностей и умений у искателей зачатых кладов свидетельствует зафиксированная в словаре В. И. Даля поговорка *Умеючи и зачатый клад вынимают* [2, с. 586].

Заклятие на клад представляют в следующем виде: *Клад, не доставайся никому чужому, а только мне и моему дому, моему сыну, моей дочке или моим внукам!* «При произношении заклинаний очень искренне молились, а иногда даже приносили жертву. Жертвой обычно оказывался барашек, убитый на месте захоронения ценностей, по языческим поверьям дух убитого животного будет надёжно охранять клад от чужаков» [12]. Сравн. также: *Согласно народным поверьям, зачатый клад может страдать, плакать, стонать, появляться в виде людей и животных, уходить в землю, вылезать на просушку, отводить глаза, гореть по ночам свечой* (Д. Соколов-Митрич. Глубоко копают. Есть такой талант – деньги в землю зарывать // «Известия», 2003.01.28).

Изначальная направленность заклинаний (заклятий) не только на человека, но и на различных животных, на неодушевленные предметы и даже на отвлеченные понятия не могла не отразиться на широкой сочетаемости прилагательного *зачатый*. Об этом свидетельствует обращение к ресурсам Национального корпуса русского языка (НКРЯ): лексико-грамматический поиск позволяет выявить 105 документов при ста восемнадцати вхождениях, иллюстрирующих активное употребление данного слова. Сравн. следующие контексты: *А кинжал ихний зачатый здесь за поясом* (Б. С. Житков. Элчан-Кайя, 1926); *Раскрывал Ивлев толстые переплёты, отворачивал шершавую серую страницу и читал: «Зачатое урочище»...* (И. А. Бунин. Грамматика любви, 1915); *Даша чувствовала, что вузовская работа будет ей – неподъёмный зачатый клин* (А. Солженицын. В круге первом, 1968); *Но никогда страдалец не находил ту лазейку, хоть кричал и божился, что именно здесь зияла зачатая дыра* (Д. Симонова. Вереск, 2002); *Но лучше было бы признать, что зачатые углеводородные клады нуждаются в отмывке посредством социально ответственного поведения* (М. Соколов. Зачатые клады // «Известия», 2003.07.08); *Преступные деньги, словно зачатые, заражают всю пирамиду общества* (Б. Ключников. Либеральная эпидемия и здоровый протекционизм // «Наш современник», 2004.10.15).

Для характеристики человека и отношений между людьми слово *зачатый* в составе устойчивого словосочетания *зачатый враг*, первая фиксация которого, по данным НКРЯ, относится к началу XIX века, употребляется (особенно в современной лингвокультуре) не в устаревшем значении ‘такой, на который наложено зачатие’: оно реализует

более широкую – «десакрализованную» – семантику ‘непримиримый, вечный’. Сравн.: *Два семейства, недавно из заклятых врагов сделавшиеся друзьями и родственниками, благоразумно поступят, оставшись здесь вместе* (В. Т. Нарезный. Два Ивана, или Страсть к тяжбам, 1825); *Макиавель и Купидон – заклятые враги друг друга* (А. А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда», 1833); *А это были или близкие друзья, или заклятые враги – просто сочувствующих не было и быть не могло* (Н. Леонов. Ментовская крыша, 2004); *И вот теперь ты сидишь и рыдаешь на кухне, а мама смотрит на тебя, как на заклятого врага* (Шлейф старых обид... // «Лиза», 2005); *Я думал, что не смогу пожелать и сотой доли этого даже заклятому врагу, даже дьяволу* (И. Бахтина. По пути в никуда, 2007).

Более активно прилагательное *заклятый* (в сочетании со словами *враг, ненавистник*) употребляется для характеристики людей (в том числе – вполне конкретных лиц) не в бытовой, а в общественно-политической сфере:

а) лиц, придерживающихся антагонистических, идеологически непримиримых позиций: *Его похороны хотя бы на время примирили заклятых врагов: руководители Ирака, Ливии и Израиля провожали Хуссейна в последний путь вместе* (Ю. Зубцов. Такие же, как мы // «Домовой», 2002.05.04); *Несмотря на оглушительный провал группы Давида Сикейроса, Сталин не оставлял попыток уничтожить своего заклятого врага – Троцкого* (О. Егорова. Мать Меркадера // «Спецназ России», 2003.08.15);

б) лиц, оппозиционно (или даже враждебно) относящихся к государственной политике и идеологии (как правило, речь идет об СССР): *Некоторые исследователи полагают, что ее автор – Борис Савинков, знаменитый террорист и заклятый враг большевиков* (В. Абарин. Ошибка «короля шпионов» // «Совершенно секретно», 2003.09.01); *Сохань ретиво исполнил приказ начальства и состряпал записку, в которой Волошин был представлен как заклятый враг советского строя* (Э. Розенталь. «Всех духов лития...» // «Вестник США», 2003.11.26); *Дети врагов народа, заклятых ненавистников советской власти после ареста родителей попадают в детдома и интернаты и там вырастают настоящими советскими патриотами; Феогност лишь месяц назад кончил отбывать свой третий тюремный срок и сейчас он патентованный, заклятый враг советской власти, вообще всего советского* (В. Шаров. Воскрешение Лазаря, 2002); *Советская власть долгие годы квалифицировала царских генералов как заклятых классовых врагов* (В. Тикич. Генеральская честь // «Советская Россия», 2003.08.09).

Фразеологизм *заклятый враг* нередко употребляется в публицистике для характеристики государств, находящихся в отношениях явной или скрытой вражды, конкуренции: *В течение всего 10–15 лет заклые враги Россия и Турция стали партнерами* (А. Хазбиев. Индийский маневр // «Эксперт», 2004.12.13); *Даже два заклые врага объединились – Англия и Франция* (Коллективный. Форум: Крымская великая отечественная война, материал с сайта «белогвардейцев, 2013); *Появились первые признаки нормализации отношений между давними заклыеми врагами – Северной Кореей и Японией* (С. Лурье. Не создавай чудовищ // «Спецназ России», 2003.08.15); *Политические заявления Скобелева в Париже типа «Германия – заклый враг славянского мира» спровоцировали громкий международный скандал (Смерть «русского Ахиллеса» // «Сельская новь», 2003.09.16); Мы в последнее время рассматриваем эту страну очень полярно: либо как друзей на пути в светлое будущее, о котором знает только Америка, либо как заклые врагов, которые не понимают, что такое русский характер* (О. Панфилова. Америка от А до Я // «Богатей», 2003.04.10).

В спортивной сфере (как правило, в футболе) фразеологизм *заклятый враг (соперник)* используется для экспрессивной оценки непримиримых соперников: *А в субботу оба соперника «Локомотива» по Лиге чемпионов играли в своих внутренних чемпионатах против своих самых заклые врагов* (Ф. Бахтин. «Милан» и «Реал» перед очной встречей сыграли против своих внутренних врагов // «Известия», 2002.11.24); *Красную карточку он получил на прошлом чемпионате мира в матче англичан с заклыеми соперниками аргентинцами* (Ю. Зубцов. Шекспира на них нет // «Домовой», 2002.06.04).

Менее употребительно устойчивое словосочетание *заклятый враг* по отношению к отвлеченным понятиям: *Ионеско справедливо утверждает, что математика – заклый враг зубрёжки* (В. А. Успенский. Апология математики, или О математике как части духовной культуры // Новый Мир, 2007); *Теперь душа его рвалась навстречу новым ощущениям, вызывая к барьеру своих заклые врагов – время и пространство* (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания, 2002).

Дальнейшая эволюция словосочетания *заклятый враг*, как можно судить по материалам НКРЯ, нашла выражение в возникновении и активном использовании (прежде всего – в средствах массовой информации) иронично-насмешливого (по сути своей – «оксюморонного») выражения *заклятый друг*, в котором каждый из компонентов выполняет самостоятельную роль: прилагательное / причастие *закля-*

мый неизбежно отсылает нас к «производящей базе» – негативно осмысливаемому фразеологизму *заклятый враг*, в то время как именной компонент так же неизбежно и устойчиво ассоциируется с положительными представлениями о друзьях и дружбе. Ирония и выразительная экспрессия приведенного фразеологизма создается в результате «соединения несоединимых понятий»: внешне *заклятый друг* – это лишь «как бы друг», отношения с которым лишены теплоты и доверительности; внутренне же это – духовно несовместимый, чуждый по мировоззрению и потенциально враждебный человек.

Весьма выразительно и определенно так называемых *заклятых друзей* характеризуют авторы одного из интернет-форумов, указывая при этом, что слово *заклятый* необходимо понимать в этом случае как синоним слова *привычный*: *«Заклятый друг притворяется вашим другом, и в трудную минуту он вас бросит, а враг виден сразу, он не пытается быть другом; а заклятые они потому, что к ним уже привыкли»*; *«Бывают такие друзья, которые с детства с тобой, и некуда деваться от них. Даже если дорожки расходятся, то все равно такие люди периодически «всплывают» в жизни как будто из ниоткуда. Они считают, что на правах старой дружбы имеют право на критику, на поучения, на рассуждения о тебе и твоей семье, о твоих детях. Они искренне уверены, что делают добро и «хотят как лучше», а в итоге получается «как всегда». Они будут за углом радоваться, когда у тебя что-то не получается»*; *«Заклятый друг – это лицемер, который прикидывается другом, но в любой момент может предать или делать исподтишка пакости, поэтому заклятый друг хуже заклятого врага. Заклятый враг известен и не прячется, он не скрывает своих злобных намерений, а вот заклятый друг – это волк в овечьей шкуре, которого трудно распознать, и удар с его стороны будет нанесен неожиданно и сильно»* [13].

В современных публицистических текстах в роли «заклятых друзей» выступают:

а) конкретные (как правила, легко узнаваемые) лица – персоны российской и зарубежной политики: *МВД и КГБ осуществляли неусыпный контроль за деятельностью друг друга (вспомним «заклятых друзей» – Мюллера и Шелленберга)* (Рожденные резолюцией // «Профиль», 2003.03.17); *На этой встрече заклятые друзья Масхадов и Басаев представили гостю план операции на Дубровке* (З. Лобанова. Только он ответит за «Норд-Ост»? // Комсомольская правда, 2003.04.22); *Сидевшие рядом заклятые друзья Геннадий Зюганов и Владимир Жириновский при этих словах заерзали на стульях вроде бы с довольными ухмылками* (Е. Кривякина. Медведев выступил со своим последним Посланием к феде-

ральному собранию // Комсомольская правда, 2011.12.22); *Не отказались даже такие заклятые друзья Москвы, как президент Грузии Михаил Саакашвили и его украинский коллега Виктор Ющенко* (П. Захаров. Бенефис Дмитрия Медведева // РБК Daily, 2008.06.05); *Митт Ромни предпочел более надежных спикеров – заклятых друзей России Джона Маккейна и Кондолизу Райс* [Е. Чинкова, А. Хованская. Митт Ромни выдвинут кандидатом в президенты США // Комсомольская правда, 2012.08.27); *Рабина и Переса называют иногда «заклятыми друзьями»* (А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства, 1999);

б) спортивные соперники – футбольные команды и их «фанаты»: *Свой первый матч после мирового успеха ЦСКА проведет против своих заклятых друзей – московского «Спартака»* (М. Ремизова. Алдонин и Шемберас попали с корабля на бал // Комсомольская правда, 2005.05.20); *Около 150 армейских фанатов пришли туда, чтобы проводить заклятых друзей – спартаковцев, которые, в свою очередь, отправлялись на матч Лиги чемпионов в Прагу* (Ч. Дзгоев, Ю. Дудь. ЦСКА и «Спартак» начали сезон драками // Известия, 2006.03.13); *Украина все еще смакует подробности «золотого матча», в котором встретились давние заклятые друзья – киевское «Динамо» и донецкий «Шахтер»* (М. Шпенков. Играйте за двоих, славяне! // Труд-7, 2006.05.20); *Давние «заклятые» друзья – «Челси» и «Ливерпуль» сошлись в первом очном поединке в сезоне* (А. Хромов. Чемпионат Англии, 3-й тур // Советский спорт, 2007.08.20); *Наши ребята поочередно обыграли всех своих заклятых друзей – итальянцев и бразильцев* (Г. Маковецкий. Секрет феномена сборной по волейболу // Известия, 2013.07.22);

в) отвлеченные понятия: *Опасность пришла со стороны – от телевидения и кино, и профессиональный театр оказался не готов к творческой конкуренции со своими «заклятыми» друзьями* (Г. Г. Дадамян. О театре и сверхтеатральном времени // «Знание – сила», 1988); *В этот день на выборах в Московскую городскую думу проходил проверку эксперимент по объединению двух давних «заклятых друзей» – Союза правых сил и демократической партии «Яблоко»* (Л. Поляков. Иллюзия прорыва: куда подевался либеральный электорат? // Известия, 2005.12.09).

Более выразительной экспрессивной окраской обладает устойчивое словосочетание *заклятая подруга*, являющееся закономерным деривационным «продолжением» фразеологизма *заклятый друг*.

Запрос в разделе «Лексико-грамматический поиск» на словосочетание *заклятая подруга* позволил обнаружить 6 документов / 6 вхож-

дений в Основном корпусе и 12 документов / 12 вхождений в Газетном корпусе. В выявленных контекстах, как правило, весьма выразительно представляются сложные «интерфеминные» отношения, которые лишь внешне могут восприниматься как дружеские, основанные на взаимопонимании, доверии и уважении: *«Ага, – не упустила шанса уколоть заклѳтую подругу Роза, – только посмотрим, что с ним через десять лет станет!»* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *Ваш возраст с готовностью назовут ваши заклѳтые подруги* (Л. Аскерова. Чего женщина боится в 30 лет // Комсомольская правда, 2005.10.22); *Представляла, как поедем по магазинам, купим ему хорошую модную одежду и какими завистливыми взглядами будут нас встречать и провожать мои заклѳтые подруги...* (Любимый под цвет обоев // «Истории из жизни», 2004); *Эти за эксклюзив, которого нет у заклѳтых подруг, готовы любые деньги отдать* (С. Бабицкий. Не все то золото... // Комсомольская правда, 2013.03.07).

Характеризующее устойчивое словосочетание *заклѳтая подруга* не без оснований используется и в материалах СМИ, посвященных отношениям известных людей из сферы шоу-бизнеса, чья личная жизнь и основанные на конкуренции отношения постоянно находятся в поле зрения журналистов: *Сначала что только не придумывали: мол, Настя только и мечтает, чтобы празднование ее 29-го дня рождения затмило по крутости отмечающиеся недавно именины ее заклѳтой подруги Ксении Собчак* (М. Ремизова. Анастасия Волочкова вывела в свет своего жениха // Комсомольская правда, 2005.01.21). *Поминала свою заклѳтую бывшую подругу Тину Канделаки, отпуская в ее адрес даже не шпильки – настоящие английские булавки* (Е. Лаптева. Ксения Собчак – Ирине Шейк: Сделайте мужчинам приятное // Комсомольская правда, 2013.04.16).

В общественно-политической сфере рассматриваемое словосочетание может приобретать статус газетного штампа, который закрепляется за определенной женщиной, имеющей противоречивые, основанные на холодном политическом расчете отношения с занимающими лидирующее положение в обществе мужчинами. Следующие контексты дают основание утверждать, например, что устойчивым статусом «заклѳтой подруги» бывших президентов Украины Виктора Ющенко и Виктора Януковича обладает политик Юлия Тимошенко: *Президент пока продолжает изображать видимость поддержки заклѳтой подруги и отрицает факт сделки «Тимошенко – премьер в 2007, Ющенко – президент в 2010»* (М. Корец. Воскрешение Тимошенко // Труд-7, 2007.12.19); *На носу зима, а скидок по газу никто пока так и не посулил, Европа ополчилась, требуя выпустить*

заклятую подругу Тимошенко, а тут еще и население готовит чуть ли не вторую Ливию (Е. Чинкова. Янукович испугался «арабской» весны // Комсомольская правда, 2011.11.03).

В одном из интернет-материалов даются рекомендации для женщин, позволяющие распознать «заклятую подругу» (лже-подругу): «Она постоянно тебя подводит; твои планы и желания она всегда игнорирует; она ни в грош тебя не ставит; твоя жизнь ее нисколько не волнует; она считает тебя лохушкой; пунктуальность – это не про нее; она заигрывает с твоим мужчиной; твое мнение ей не интересно; она подчеркивает, что вы разные» [14].

Таким образом, прилагательное *заклятый*, употреблявшееся первоначально в значении ‘подвергнутый заклятию’ и имевшее достаточно широкую сочетаемость, приобрело в современном русском языке статус слова-компонента, реализующего в составе фразеологического сочетания *заклятый враг* фразеологически связанное значение. Десакрализации семантики названного прилагательного способствовало возникновение на его основе в современной публицистике устойчивых словосочетаний *заклятый друг* и *заклятая подруга*.

Список использованных источников

1. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителя / Н. М. Шанский. – 2-е изд. – М. : «Просвещение», 1971. – 542 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Т. 1. – М. : Рус. яз., 1978. – 699 с.
3. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
5. Судник, Т. М. Мак в растительном коде основного мифа / Т. М. Судник, Т. В. Цивьян // Балто-славянские исследования 1980. – М. : Наука, 1981. – С. 300–317.
6. Выслоўі / склад., сістэм тэкстаў, уступ. арт. і камент. М. Я. Грынבלата. Рэд. тома А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 520 с.
7. Толстая, С. М. Заклинание / С. М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 2. – М. : Междунар. отн., 1999. – С. 258–260.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Выпуск 5 (Е–Занутие). – М. : Изд-во «Наука», 1978. – 392 с.

9. Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение : монография / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2011. – 196 с.

10. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – М. : Автор, 1992. – 607 с.

11. Афанасьев, А. Н. Славянская мифология / А. Н. Афанасьев. – М. : Эксмо; СПб. : Мидград, 2008. – 1520 с.

12. Заклятия в истории кладов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://poryvaev.ru/mify_i_legendy_o_kladah/zaklyatiya_v_istorii_kladov.html. – Дата доступа: 15.10.2018.

13. Чем заклятый друг отличается от заклятого врага? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2872765-chem-zakljatyj-drug-otlichaetsja-ot-zakljatogo-vraga.html>. – Дата доступа : 25.10.2018.

14. Заклятая подруга: девять способов ее распознать [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://lisa.ru/psichologia/172182-4-sposoba-skryt-nedostatki-svoego-muzhchiny/> – Дата доступа : 23.10.2018.

УДК 811.161.1'06:81'373.7]:004.738.5

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВЫРАЖЕНИЯ *ДЕНЕЖНЫЙ МЕШОК* В ЗЕРКАЛЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

М. М. Козловская

В статье рассмотрены особенности употребления выражения “денежный мешок” на современном этапе на материале, представленном в Национальном корпусе русского языка. Отмечены новые смысловые оттенки и новое значение данного устойчивого сочетания.

Ключевые слова: интернет-ресурсы, фразеология, фразеологический, значение.

The article describe the features of the use of the expression “money bag” at the modern stage on the material presented in the Russian National corpus. There were marked new semantic connotations and new meaning of this phrase.

Key words: internet resources, phraseology, phraseological, meaning.

На рубеже XX–XXI веков мир стал свидетелем значительных социально-экономических перемен и научных открытий. Именно в это время огромный импульс в своем развитии получила информатика – наука, изучающая все аспекты получения, хранения, преобразования, передачи и использования информации [1, с. 7]. Информационные технологии стали неотъемлемой частью не только профессиональной сферы, но и социально-бытовой. В нашей жизни стремительно появились компьютеры, ноутбуки, планшеты, мобильные телефоны и Интернет. Такой “шквал”, безусловно, имеет как положительные, так и отрицательные последствия, но очевидный плюс в том, что с помощью Интернета возможно, во-первых, быстрое распространение информации и, во-вторых, сохранение большого объема данных. Это особенно важно при проведении различных исследований, в том числе лингвистических. Язык, реагируя на все изменения в жизни общества, находится в постоянном движении: одно устаревает, другое меняет стилистику, у третьего появляется новое значение и т. д. Бумажные словари, с одной стороны, просто не успевают фиксировать те или иные новации, с другой – не могут в силу ограниченного объема. В связи с этим в изучении языковых процессов на современном этапе трудно обойтись без интернет-ресурсов, в частности Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). В НКРЯ включены различные тексты, позволяющие наблюдать функционирование слов и фразеологических сочетаний в экстралингвистическом мире и актуализировать их новые смысловые оттенки. Рассмотрим на конкретном примере.

Антропоцентрические единицы составляют значительную часть фразеологии русского языка. Широко известны такие обороты, как *голова садовая*, *гусь лапчатый*, *медный лоб*, *мелкая сошка*, *широкая душа*, *шут гороховый* и др. Некоторые из них возникли вследствие метафорического переосмысления (например, зооморфные), другие – в результате метонимического. Они отражают внешний вид человека, его внутренние качества, поведение в различных ситуациях и т. д. Одним из типичных признаков, по которому оценивается человек, является его материальное положение: *тощий карман*, *тугой кошелек*, *гол как сокол* и др. Именно для этой характеристики появился и отмеченный словарями оборот *золотой мешок* ‘очень богатый человек’, в основе которого лежит продуктивный метонимический перенос «предмет→человек». В современных словарях он имеет помету устаревшее [2], так как, согласно данным НКРЯ [3], пик его употребления приходится на последние десятилетия XIX века. На смену ему приходит лексический вариант *денежный мешок* ‘богатый человек’ [4].

Цель работы – выявить с помощью интернет-ресурсов особенности употребления выражения *денежный мешок* и определить его семантические трансформации вследствие изменившихся социокультурных условий.

При запросе рассматриваемого фразеологического сочетания в начальной форме в НКРЯ найдено 19 документов и 20 вхождений в Основном корпусе, а также 39 документов и 40 вхождений в Газетном.

Анализ данных НКРЯ показал, что выражение *денежный мешок* используется в современных текстах в нескольких вариантах:

1) как свободное словосочетание – в таком случае оно сохраняет свое прямое нейтральное значение, носит номинативный характер, является составным наименованием и не имеет эмоционально-экспрессивной окраски: *Прибывший положил свой денежный мешок на палубу и теперь оглядывался в крайнем изумлении* (Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты); *Однако там не смогли определить, кому именно принадлежит денежный мешок* (Комсомольская правда. 2011.10.30); *Иванов успел схватить денежный мешок и вместе с водителем Михаилом Козиным попытался закрыться в машине* (Комсомольская правда. 2004.03.16);

2) как устойчивое сравнение – словосочетанию предшествует сравнительный союз *как*: *Наконец граф увидел, что он для невесты не что иное, как денежный мешок, и порвал с ней* (Л. Юзефович. Казароза);

3) как фразеологический оборот: *По мнению главного «гардемари-на», виновник всех бед в культуре – продюсер, безвестный денежный мешок, по вине которого и появляются такие шоу, как «За стеклом» и «Последний герой»* (Комсомольская правда. 2003.02.07).

Материальное положение всегда было тесно связано с социальным статусом человека. В современных условиях этот ассоциативный признак значительно актуализируется: *денежный мешок* не просто богатый человек, а обладающий большой властью как на государственном, так и на местном уровне: *Кто партией, собственно, заведует? Да почти всегда «денежный мешок»!* (Комсомольская правда. 2005.06.06).

Согласно исследуемому материалу, изменившиеся экономические и социальные условия жизни придают новые смысловые оттенки известной номинации: так, *денежный мешок* на современном этапе часто выступает как спонсор чего-либо: *Правда, информация, что главный денежный мешок мирового футбола находится в непосредственной близости, видимо, дошла до игроков* (Комсомольская правда. 2004.09.06).

Номинация *денежный мешок* часто имеет негативную коннотацию, содержит скрытые семантические компоненты, отрицательно описывающие как внешность человека, так и его характер (жадный,

расчетливый). Представленный в НКРЯ материал подтверждает это: *Пожалуй, лишь чуть большей вульгарностью отличается денежный мешок от знатного спесивца* (Ю. Нагибин. Перед твоим престолом); *Но мне денежный мешок неинтересен – важны душа, манера, сентиментальность* (Комсомольская правда. 2012. 05.19).

Интересно отметить, что в употреблении выражения *денежный мешок* отражаются и нравственно-этические взгляды общества: *Перед тем, как тебя подложат под швейцарский денежный мешок, все равно не насмотришься* (М. Палей. Дань саламандре); *Нормально воспринимается, когда низенький «денежный мешок» является на светский раут в сопровождении длинноногой тростинки на голову выше* (Комсомольская правда. 2003.10.17).

В НКРЯ зафиксировано употребление рассматриваемого оборота в новом значении, развившемся по метонимической модели «предмет→организация» («деньги→организация, владеющая / управляющая ими»): *Даже вездесущее государство все свои излишки складывает в один большой денежный мешок – Центробанк, запасы которого уже давно зашкалили за 65 млрд. долларов* (Московский комсомолец. 2003.01.14); *Говорят, что многие сотрудники и буквально все сотрудницы южноуральского Минфина опять в суицидальном настроении (как уже было после ухода замминистра Пиеницына в местный ФОМС): в денежный мешок пришла недобрая весть – «баба Вика» (Виктория Голубцова – пенсионерка и министр финансов Сумина) порвала заявление об уходе и остается в Минфине навсегда* (Новый регион 2. 2010.03.30).

Таким образом, лингвистический материал, представленный в Национальном корпусе русского языка, позволяет наблюдать языковые факты в динамике и показывает, что существующий общественно-исторический фон служит содержательной предпосылкой для семантического развития сочетания *денежный мешок* в частности и языка в целом.

Список использованных источников

1. Информатика : энциклопедический словарь для начинающих / сост. Д. А. Поспелов. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 352 с.
2. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – Т. 1. : А–М. – М. : Цитадель, 1997. – 391 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> – Дата доступа : 07.10.2018.

4. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. – М. : Эксмо, 2006. – 1136 с.

УДК 81:39 : 81'373.7

**САПРАЎДНЫ ПАЛЯШУК (НАСТОЯЩИЙ ПОЛЕШУК):
ОТ СВОБОДНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ
К ФРАЗЕОКОНЦЕПТУ
(на материале интернет-ресурсов
на белорусском и русском языках)**

С. Б. Кураш, В. В. Струков, В. В. Шур

В статье рассматриваются особенности вербализации фразеоконцепта “сапраўдны паляшук” / “настоящий полешук”, представленного в интернет-пространстве белорусского и русского языков. Выявлены основные факторы, ведущие к фразеологизации и концептуализации анализируемого оборота. Охарактеризованы семантические составляющие данного фразеоконцепта (в его маскулинном и феминном вариантах), которые чаще всего актуализируются в контекстах.

Ключевые слова: фраземы, фразеоконцепт, контекст, интернет-пространство, коммуникация.

The article discusses the peculiarities of the verbalization of the phraseological unit “сапраўдны паляшук” / “настоящий полешук” presented in the Internet space of the Belarusian and Russian languages. The main factors leading to the phraseologization and the conceptualization of the analyzed phraseological unit are identified. The semantic components of this phrase-concept (in its masculine and feminine variants), which are most often actualized in contexts, are characterized.

Keywords: phraseological unit, phraseconcept, context, Internet space, communication.

Устойчивое словосочетание, так же, как и слово, обладает свойством вербализации концепта – в том случае, «если в нём раскрывается сущность какого-либо концепта» [1, с. 61; см. также: 2, с. 258]. Подобный фразеологически номинированный концепт, вслед за рядом исследователей, будем называть фразеоконцептом.

В данной работе речь пойдёт о вербализации фразеоконцепта

«сапраўдны паляшук» / «настоящий полешук», представленной в коммуникативном интернет-пространстве белорусского и русского языков (за пределами анализа мы сознательно оставляем примеры репрезентации данного концепта в поэтической речи).

Методом сплошной выборки нами был собран и систематизирован, а вслед за этим подвергнут дискурс-анализу аутентичный корпус контекстов, содержащих данный оборот, посредством привлечения поисковых систем Яндекс и Google в зонах Рунета и Байнета. Все примеры приводятся далее с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Проведённое исследование показало следующее.

Этнонимы (в данном случае – «паляшук» / «полешук») «с одной стороны, являются «идентифицирующими» именами (к которым обычно относят имена собственные), с другой – «характеризующими» (которыми традиционно являются апеллятивы). Логичнее всего (...) определение этнонимов как промежуточного звена между именами собственными и именами нарицательными» [3, с. 54]. Акцентуализации оценочно-характеризующего компонента значения этнонима в значительной мере способствует его объединение с аксиологически значимым прилагательным *сапраўдны / настоящий* в качестве контактного грамматически зависимого контекст-партнёра, что и ведёт к концептуализации всего словосочетания [см.: 4, с. 76].

О праве данному словосочетанию претендовать на статус фразеоконцепта (по крайней мере в отношении языкового сознания белорусов, в особенности – самих жителей Полесского региона) говорит совокупность следующих факторов:

- словосочетания *сапраўдны паляшук* в белорусской интернет-зоне (байнете) и *настоящий полешук* в русскоязычном секторе глобальной сети (рунет), помещённые в строку запроса ведущих информационно-поисковых систем (в нашем случае – Яндекс и Google), дают достаточное количество «откликов» для того, чтобы говорить о факте их устойчивости и воспроизводимости, т. е. фразеологичности в широком понимании объёма фразеологии (общий объём найденного корпуса контекстов составил примерно по 80 для каждого из языков), что согласуется и с высказанными в научной литературе положениями о фразеологизации словосочетаний свободного характера как особом рече-языковом процессе: «Фразеологизация свободных словосочетаний в настоящее время происходит довольно быстро, во всяком случае без многовековой эволюции, поскольку современный русский язык «мобилизовал» свои ресурсы для оперативного решения возникших проблем особой номинации и предикации...» [5, с. 240];

• искомый оборот зафиксирован в различных дискурсивных практиках – на сайтах СМИ (в первую очередь Полесского региона), форумах, в социальных сетях, художественных текстах, в разговорной речи и пр.;

• фиксируются и парадигматически соотнесённые с анализируемой фраземой словосочетания с опорным компонентом *паляшук / полешук*: *звычайны паляшук, стопрацэнтны паляшук, карэнны паляшук, тыповы паляшук, чыстакроўны паляшук* и пр., а также некоторые из феминных вариантов *сапраўдная паляшучка / настоящая полешучка* и пр. При этом доминантной в данном ряду всё же является фразема *сапраўдны паляшук*, вбирающая в свою семантику те компоненты значения, которые выдвигаются на первый план в семантике определений *карэнны, тыповы, чыстакроўны, звычайны* и пр.;

• в смысловом наполнении анализируемого оборота можно выделить денотативный и коннотативный компоненты, представленные ядерной, околядерной и периферийной зонами; в отдельных случаях можно говорить о функционировании анализируемого оборота в контексте этнических стереотипов, сопровождающих жителей Полесья. У последних, в частности, бытует устойчивое выражение о том, что «полешук – это тот же человек, но со знаком качества» [6, с. 195]; с другой стороны, полешуки – это «люди на болоте», «тутэйшыя» и пр. [7].

Далее – о контекстах и актуализированных в них значениях анализируемого оборота.

Здесь сразу же обращает на себя внимание то, что в абсолютном большинстве собранных контекстов наименование *сапраўдны паляшук / настоящий полешук* референтно соотносится с конкретными людьми (это герои газетных очерков, известные личности и т. п., представляющие Полесский регион). Сравн.: *Знаёмства з Ганцаўшчынай пачалося для мяне ў свой час з сустрэчы з мясцовым метадыстам Мікалаем Ленкаўцом. Вось дзе сапраўдны паляшук! Справу сваю робіць моўчкі, але вынік такі, што ў метададдзелах іншых раёнаў зайздросцяць чорнай зайздрасцю (РЯ); Паездкамі да дзядзькі дзяўчына не дакучала. А калі запрашаў той да сябе, то як сапраўдны паляшук выстаўляў на стол усе прысмакі. Цікавіўся, як Ліліна маці, Юлія Паўлаўна, родная сястра Мележа (яна называла брата “наш Іванка”), як вёска, што цікавага адбываецца на вучобе (НИ). При этом в разных контекстах актуализируются различные семантические составляющие анализируемого фразеоконцепта. Чаще всего в качестве таковых выступают такие, как трудолюбие и мастеров-*

витость в том или ином виде деятельности; гостеприимство и хлебосольство; скромность, немногословие; творческие наклонности, талант; терпеливость, но в то же время и решительность; своеобразный внешний вид; своеобразное чувство юмора; своеобразные стереотипы (социальные, гендерные и др.). Например: *Іван Міхайлавіч, як бачу, за чатыры гады, што прайшлі з першай нашай сустрэчы, не моцна змяніўся. Нешматслоўны, каржакаваты, вусы і валасы гэтакія ж густыя і чорныя. Мацак. Сапраўдны паляшук, які будзе доўга запрагаць, але калі паедзе, то ўжо паедзе, які будзе доўга мераць, але калі ўжо адрэжа, то адрэжа, пераразаць не прыйдзеца (ДЖ); Фалькларыста, ганаровага грамадзяніна Турава, стваральніка школьных фальклорных і танцавальных калектываў, вядучага папулярных у нядаўнім мінулым тэлеперадач “Запрашаем на вячоркі” і “Спявай, душа!”, вялікага аптыміста, а таксама пазаштатнага аўтара “Настаўніцкай газеты” Міколу Конанавіча Котава ведаюць у многіх куточках краіны. Вулічны музыка, майстар сцэнічных п’ясаў, сапраўдны паляшук, педагог ад Бога... (ГИ) и пр.*

Лишь в редких случаях персональной референциальной привязки рассматриваемых оборотов не наблюдается: *Чарговая задумка Маргарыты Саланевіч таксама палягае ў прасторы праекта “Свае”. Яна хоча пашырыць магчымасці этнамузея РДР і стварыць этнамайстэрню для дзяцей з бацькамі. Будуць тут маленькія кросны, іншы рыштунак для творчага разняволення, якім найперш і вызначаецца сапраўдны паляшук (РЯ).*

В некоторых случаях рассматриваемый фразеоконцепт тем или иным образом уточняется, детализируется в социальном, профессиональном, ареальном или каком-либо ином плане, сравн.: *На палянцы з’явіўся стары з сівай барадой, апрануты ў доўгую зрэбную кашулю, пажоўклую ад балотнай рудой вады. У старога за плячыма вялікая торба, з яе вытыркаюць кругі надранага лыка*

– *Гэта ж Труцікаў, старшыня калгаса з Азярнога, – пачуліся галасы.*

– *Андрэй Міхайлавіч, ідзі сюды, – падняўся насустрач Сцяпан Карнееў, старшыня сельсавета з Загалля.*

– *Няйнакш хочаш нас усіх у лаці абуць, – смяецца Гарбачоў. – Сапраўдны палясоўшчык-паляшук (АА); “Двухсотпрацэнтныя” аўцюкі Міхаіл Іванавіч – сапраўдны гаспадар сваёй тэрыторыі. Турбот у яго хапае, бо ў сельсавет са сваім клопатам людзі ідуць з самага ранку. – У нас ёсць нават 200-працэнтныя аўцюкі, – з усмешкай вітаецца каржакаваты паляшук. – Вось я, напрыклад: мая прабабка родам з*

Вялікіх Аўцюкоў, бацька – з Малых (МУ); Званне «Ганаровы паляшук» присваивается тем, кто внес большой вклад в социально-экономическое развитие Полесья, а также сохранение и популяризацию этнокультурных традиций этого белорусского региона (ОЛ).

Фиксируются и высказывания обратного характера, референциально выделяющие «настоящего полешука» из более обширной этнической общности, в которых носитель «звания» *сапраўдны паляшук* тем или иным образом со / противопоставляется обозначению *сапраўдны беларус*, сравн.: *Сапраўдны беларус, а тым больш, паляшук, не могуць без працы* (БР).

Своей этнокультурной спецификой обладает и феминный вариант рассматриваемой устойчивой единицы – *сапраўдная паляшучка / настоящая полешучка*, значительно уступающий в количественном отношении по числу интернет-реакций маскулинному, но от этого не менее показательный. Согласно проведённому дискурс-анализу выявленного интернет-материала, для носительниц данного наименования характерны такие черты, как трудолюбие, старательность; характерные внешние данные; творческие способности; своеобразный юмор; следование старинным традициям и др. Сравн.: *Сапраўдная паляшучка не толькі таму, што нарадзілася і гадалася ў глушы Палесся, але і натурай (аднакурснікі звалі яе Лесяй — у гонар вядомай гераіні А. Купрына). Яна, дзеля спрэчкі, азартна штудзіравала вышэйшую матэматыку і сапрамат: не богі гаршкі лепяць! Яна, каб лёс склаўся, магла б стаць добрым кулінарам, мадэльерам, урачом (7С); Як яна потым заспявала — радасна, галасіста, на ўвесь луг, нешта палескае, бо яна **чыстая паляшучка**, з Турава родам, смуглявая, скуластая, яе і дражняць у вёсцы Тураўкай... (Андрэй Федарэнка. Вёска Аповесць); Ясная справа – **паляшучка**, і формы больш пышныя (Ст); ...не больш як праз месяц на чужыне жанчына занудзіла. Маўляў, не магу тут болей жыць, хачу дадому. – І шо то за страна, і шо то за мова, – абуралася **шчырая паляшучка**. – Бог у іх – “гад”, царква – “чорт”, а хлеб увогуле “брэд” (bread) нейкі... (КВ); – Я карэнная **паляшучка** і лічу сваім абавязкам трымацца тых традыцый, якія з любоўю захавалі для мяне мае дзяды. Уся мая радня звязана з народнай творчасцю. Цётхна і дзядзюхна плятуць з лазы і саломкі, сястрыцы – вышываюць. У нас і пакоі ўбраныя падобна да дзедзюскіх – з абразамі, вышыўкай, тканымі ручнікамі... Кожны дзень удыхаем наветра мінулага (ЯВ).*

Как и в случае с маскулинной номинацией, в отношении феминного варианта анализируемого фразеоконцепта встречаются

примеры его контекстных репрезентаций, демонстрирующих гиперогипонимические отношения, сравн.: “З цаной на Сварога згодная, – сказала Русланава. – А з актамі ад’езджайце ў Мінск. Не крыўдзіце мяне. Работы ў Алены Васільеўны захоўваюцца ўжо тры гады нават без усялякай распіскі. Я шчаслівая, што ў мяне такая сяброўка – сапраўдная беларуска, да таго ж – паляшучка!” (НН); А вось стопрацэнтная аўцючка Алена Прывалава – работніца сельвыканкама. Яна з Вялікіх Аўцюкоў, яе муж – з Малых; іх дзеці – аўцюкі на 200 працэнтаў (МУ).

В одной их социальных сетей нами обнаружен интересный пример употребления исследуемого оборота с целью создания юмористического эффекта, сравн.: Уля згрызла з машынкi надпіс "Полесье". Муж урачыста сказаў: "Уля, цяпер ты сапраўдная паляшучка!" (:))) (Ул).

Подытоживая сказанное, отметим, что в сетевом коммуникативном пространстве белорусского и русского языков словосочетание *сапраўдны паляшук / настоящий полешук* проявляет признаки устойчивости, воспроизводимости, семантической ёмкости, что позволяет его квалифицировать как фразеологически номинированный концепт. В целом речевой образ типичного жителя Полесья представляется как всецело положительный, хотя в известной мере своеобразный, немного экзотический и противоречивый, что и выявляет дискурс-анализ собранных и обобщённых контекстов. Более полное представление об исследуемом феномене можно получить, суммируя его репрезентации в различных иных аспектах, что отчасти ранее предпринималось исследователями, в том числе авторами данной статьи [7; 8 и др.].

Сокращения

РЯ – Рагін Яўген. Калі наўкола ўсе – “Свае” [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kimpress.by/index.phtml?page=12&idauth=27>. – Дата доступа : 11.09.2018.

НИ – Наш Іванка, Паўлаў сын [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/nash-ivanka-pa-la-syn.html>. – Дата доступа : 10.09.2018.

ДЖ – «Дзень жалобы, дзень спаткання з родам» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/dzen-zhaloby-dzen-spatkannya-z-rodam.html>. – Дата доступа : 19.09.2018.

МУ – Уладзімір Мікалаеў. Стопрацэнтныя аўцюкі: “Жартуем – значыць, жывём!” [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://1prof.by/news/society/stoprotsentnye_avtyuki_shutim_znachit_zhivem.htm. – Дата доступа : 20.09.2018.

ЯВ – Як вы захоўваеце народныя традыцыі ў сябе дома? Чытачы “НГ” звярнулі ўвагу, што наш праект “7 цудаў Беларусі” выйшаў на фінішную прамую [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/yak-vy-zakhovaetse-narodnyya-tradytsy.html>. – Дата доступа : 29.09.2018.

ГИ – Грэчка Ігар. Радавацца жыццю [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://6day.ng-press.by/aktualna/radavatstva-zhytstsyu>. – Дата доступа : 11.09.2018.

АА – Андруховіч А.. Дачка Арэсы. Сход ва урочышчы «Сосны» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ljuban.by/index.php?option=com_content&view=article&id=443. – Дата доступа : 04.10.2018.

ОЛ – Объявлены лауреаты звания «Ганаровы паляшук» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/obyavleny-laureaty-zvaniya-ganarovy-palyashuk.html> – Дата доступа : 11.10.2018.

7С – 7 сакавіка 2018 г. – 75 гадоў з дня нараджэння Алы Канстанцінаўны Кабаковіч-Тычына (1943–1985), літаратуразнаўцы, паэтэсы, перакладчыцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kb.brl.by/index.php/heritage/item/1403-7-sakavika-2018-g>. – Дата доступа : 15.09.2018.

Ст – Студэнтка – uladzimer [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://uladzimer.livejournal.com/623343.html>. – Дата доступа : 11.09.2018.

КВ – Кухарчук В. Нашы ў Амерыцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.janow.by/gazeta-yana-ski-kraj/nashi-rubriki/obshchestvo/nashy-amerytsy>. – Дата доступа : 10.09.2018.

НН – “Нягледзячы на подпіс, карціна сапраўдная...” Феномен Алены Аладавай [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kimpress.by/index.phtml?page=2&id=13534>. – Дата доступа : 03.09.2018.

Ул – #Улюта hashtag on Twitter [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://twitter.com/hashtag/%D0%A3%D0%BB%D1%8E%D1%82%D0%B0?src=hash>. – Дата доступа : 11.10.2018.

Список использованных источников

1. Алефиренко, Н. Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 60–66.
2. Савенкова, Л. Б. Языковое воплощение концепта / Л. Б. Савенкова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы междунар. симпозиума; Волгоград, 22–24 мая 2003 г. : В 2 ч. – Ч. 1. Научные статьи. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 258.
3. Сироткина, Т. А. Актуальные проблемы современной этнонимии / Т. А. Сироткина // Вестник Пермского университета: российская и зарубежная филология. – Пермь : ПГУ, 2011. – Вып. 4 (16). – С. 53–59.
4. Коваль, В. И. *Настоящий мужчина и настоящая женщина* в зеркале Интернета / В. И. Коваль // Славянская фразеология и паремология в XXI веке : сборник научных статей / под ред. В. М. Мокиенко, Е. Е. Иванова. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2009. – С. 148–155.
5. Шипицына, Г. М. Фразеологизация свободных словосочетаний в русском языке XXI века / Г. И. Шипицына // Вестник Брянского государственного университета. – 2010. – №2. – С. 239–242.
6. Шур, В. В. Уласнае імя ў сацыюме і мастацкім тэксце : манагрфія / В. В. Шур. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2015. – 299 с.
7. Кураш, С. Б. “Людзі на балоце”: фразеологизация библионима в коммуникативном пространстве белорусского и русского языков (по материалам интернет-источников) / С. Б. Кураш, В. А. Бобрик, В. В. Струков // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. статей. Вып. 3; редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.). – Гомель : ГГУ им. Ф.Скорины, 2016. – С. 64–66.
8. Кураш, С. Б. Адъектоним *полесский* в структуре ономастических образований различных типов (на материале рунет- и байнет-источников) / С. Б. Кураш, В. В. Струков // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24–26 мая 2018 г.); под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Брянск : ООО "АВЕРС", 2018. – С. 305–310.

Я НА САБАЧАЙ ЛІНІ ЖЫВУ...
(З ВОПЫТУ ВЫВУЧЭННЯ ДЫЯЛЕКТНЫХ ПАРЭМІЙ)

Г. І. Лапацін

У артыкуле разглядаюцца прыказкі, прымаўкі, параўнанні і іншыя ўстойлівыя выразы с кампанентам “сабака”, зафіксаваныя аўтарам ад жыхаркі пасёлка Амяльное Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці Варвары Аляксандраўны Грэцкай.

Ключавыя словы: парэмія, дыялектная парэмія, сабака.

The article analyses sayings, proverbs, comparisons and other set expressions with the “dog” component, fixed by the author Varvara Aleksandrovna Hretskaya from the settlement of Amelnoye, Gomel region.

Key words: paroemia, dialectal paroemia, dog.

Тэма фразеалагічнай карціны сусвету вельмі актыўна распрацоўваецца сучаснымі мовазнаўцамі. Унёсак у яе распрацоўку зроблены і беларускімі моваведамі: панарамную фразеалагічную карціну свету беларусаў даследавалі У. І. Коваль [1], В. А. Ляшчынская [2], В. А. Маслава [3], А. С. Дзядова [4]. Аналіз устойлівых моўных адзінак у гэтых працах праведзены на шырокім фальклорным, этнаграфічным і культурным фоне, а таксама на прыкладах з твораў пісьменнікаў. Такі падыход “цалкам адпавядае сучаснай, антрапалагічнай парадыгме даследавання мовы ў яе непарыўнай сувязі з чалавекам і культурай народа і прадугледжвае сінтэз уласна лінгвістычных метадаў з метадамі і дасягненнямі сумежных навук: этналінгвістыкі, лінгвакультуралогіі, лінгвакраіназнаўства, арэальнай і кагнітыўнай лінгвістыкі, этнаграфіі, фалькларыстыкі і інш.” [5, с. 42–43].

Адметнае месца ў любым парэміялагічным фондзе займаюць тыя парэміі, у якіх, па вызначэнні В. А. Ляшчынскай, “знаходзіць праяўленне асэнсаванне чалавека ў катэгорыях жывёльнага свету” [2, с. 87]. Сапраўды, звяртанне да ўстойлівых уяўленняў пра жывёл пры характарыстыцы людзей у залежнасці ад іх характараў і знешняга выгляду – з’ява ў народнай традыцыі ў вышэйшай ступені ўстойлівая і паўсюдна распаўсюджаная. Гэта шырока адлюстравана ў прыказках, прымаўках, выслоўях, фразеалагізмах. І натуральна, што гэтая з’ява не засталася па-за ўвагай беларускіх даследчыкаў А. Л. Садоўскай, С. У. Галяк, І. Р. Прычынец, В. Г. Гаўрыловіч. Вялікая колькасць

адпаведнага фактычнага матэрыялу прыводзіцца ў “Слоўніку беларускіх народных параўнанняў” [6].

Механізм гэтай з’явы даволі дакладна (хаця і па большасці стэрэатыпна) апісаны многімі фразеолагамі і фалькларыстамі. Параўн. меркаванне А. Л. Садоўскай і М. А. Сяброўскай: “Наданне жывёлам пэўнага сімвалічнага ці метафарычнага зместу ва ўстойлівых моўных выразах звязана з назіраннямі чалавека за шматлікімі ўласцівасцямі, рухамі, формай і афарбоўкай жывёл, ладам іх жыцця і характарам паводзін як паміж сабой у прыродзе, так і ў адносінах да чалавека. Асноўным лагічным прыёмам, які выкарыстоўваецца ў такім выпадку для ўстанаўлення сувязі паміж жывёлай і ідэяй, якую яна сімвалізуе, з’яўляецца аналогія. У характары або знешнім выглядзе жывёлы вылучаецца тая або іншая рыса, якая асацыіруецца з пэўным пачуццём, пэўнай ідэяй і вербалізуецца на падставе выбару пэўных сем і канатацый” [7, с. 43].

Прапануемая публікацыя вылучаецца тым, што ў ёй выкарыстоўваюцца запісы, зробленыя аўтарам толькі ад аднаго інфарманта – Варвары Аляксандраўны Грэцкай (1925 г. н.), былой жыхаркі пасёлка Амяльное Веткаўскага раёна, якая пасля адсялення пасёлка ў выніку наступстваў аварыі на ЧАЭС с 1992 г. і па цяперашні час жыве ў Ветцы [8]. На наш погляд, усё, што занатаванае ад яе, мае права вызначацца як аўтарскае, але прыналежнае да ўсёй “амяленскай традыцыі”. Усе парэмічныя адзінкі, якія ўзнікаюць у гаворцы Варвары Грэцкай, былі ўспадкаваны ёю ад сваіх старэйшых аднавяскоўцаў. Безумоўна, з удакладненнем, што яна ўзгадала толькі тое, што, па яе асабістым вызначэнні, “прышлося да разгавора”. Яна не грунтуецца на міфалагічных або гістарычных крыніцах, а тлумачыць іх праз свае асабістыя ўспаміны пра сябе, пра сваю сям’ю, пра свой пасёлак. Пры падрыхтоўцы гэтай публікацыі мы спрабавалі нагадаць ёй тыя ці іншыя агульнавядомыя фразеалагізмы, прыказкі, прымаўкі з азначанымі кампанентамі, зафіксаваныя ў шматлікіх слоўніках, каб яна ўзгадала іх у традыцыі Амяльнага, але ж яна не ўзгадала.

Агульны спіс прадстаўнікоў жывёльнага свету ў амяленскай парэміі выглядае наступным чынам: хатнія жывёлы і птушкі: *сабака, кот (кошка), конь, свіння, вол, карова, бык, авечка, курыца, певень, аўца (баран), каза*; дзікія звяры: *белка, воўк, мядзведзь, кенгуру, абяз’яна*; птушкі: *варона, голуб, верабей, сініца, снягір, сокал, пава, бусел, удод, коршун, сава*; земнаводныя: *вуж, жаба (рапуха)*; насякомыя: *авадзень, камар, клоп, муравей, блаха, пчала, вош, павук, каларад*; рыбы: *сом, рак*.

На першы погляд, больш за астатніх жывёл у парэмічнай прасторы пасёлка Амяльное пашанцавала сабаку (*сабака, сука, кабёл*) – 80 парэмічных адзінак, але практычна ўсе яны, за рэдкім выключэннем, нясуць негатыўныя вызначэнні.

Вызначаючы тое, як ставяцца да яе члены яе сям’і, Варвара Аляксандраўна гаворыць: *“Я на сабачай лініі жыву”*. <Гэта як?> Я пра сябе кажу: *“На сабачай лініі жыву...”* Багата гаўкаю, а мне *такая чэсць, як сабаку ў карыці...* Усім хочу, штоб лучшы было, а мне як дадуць, як Козыры гаворыць, пад пах”.

На наш погляд, літаральна ў некалькіх сказах яна ў вышэйшай ступені вобразна і дэталёва апісала жыццё старога чалавека ў асяроддзі дзяцей і ўнукаў.

І, сапраўды, паводле разважанняў Варвары Грэцкай, сабака ў жывёльнай іерархіі займае самае апошняе месца: <Не тваё сабач’е дзела. Чаму сабач’е?> “Усё калісь казалі: “Сабаку за скаціну не счытаюць. Сабака ё сабака... Самая последняя скаціна”. Усё казалі: “Самая последняя скаціна... Свіння да сабака”. Свінню як уб’юць, дак сала, а сабака іздохня, да закапаяць, да і ўсё”.

Тое самае можа адбыцца з чалавекам: “Шолам калісь памёр, злодзей быў, дак усі казалі: “Туда яму і дарога!..” За сабаку памёр, ніхто ні хацеў і на абед іціць”.

Паводзіны чалавека, які апынуўся ў неспрыяльных жыццёвых умовах, вызначаюцца наступным чынам: “Круціцца, як сабака ў мяшку. Альбо: “Шукая, як сабака шчэлку”. І так – праз усё жыццё.

Сапраўды, чалавек, якога лічуць (*счытаюць*) за сабаку, паводле аповедаў Варвары Грэцкай, займае самае апошняе месца як ў грамадскім асяродку, так і ў сям’і. Яго словы і думкі нічога не вартыя пры абмеркаванні агульных пытанняў. Яго справа: *Гаў, да ідзі. Гаў, да і пад печ*. Ён можа *гаўкаць, як сабака на цапу*, але ніхто не звяртае на яго ўвагі. З ім не лічуцца і не заўважаюць: *сабака гаўкая, а хазяін есць*. Адсюль і прэтэнзіі да тых, каму даводзіцца паўтараць некалькі разоў адное і тое: “Ну, у мяне ж **не сабаччы язык...** Раз сказала, два сказала... Сколькі можна?”

Калі нехта вельмі надакучвае, яго папярэджаюць: *Не гаўкай, а то на цэп пастаўлю*. Іншым разам, *дзе нада гаўкнуць, лучшэ лізнуць языком*. Каб паказаць, што нехта ўмешваецца не ў свае справы, папярэджаюць: *Ня тыкай язык туды, куды сабака хвост ня тыкая*. У рэшце рэшт шкодніка можна бязлітасна *пратурыць (выгнаць), зняць (с пасады), як сучку (як сабаку)*. І гэтыя адносіны – узаемныя: *Любіць, як сабака палку*.

На сабаку навешваюць усё самае горшае. *Як сабак – гавораць на нядобрых людзей. А калі з такім чалавекам нешта здарыцца, то па ім і сабака ні завяшчыць.*

*Сабаку (кату, камару, вароне) на хвост навязаць; сабака лая, вецір носіць; адзін сабака лая, а другі сабака разнося – аб распаўсюджванні плётак. Найвышэйшая ступень адсутнасці сумлення вызначаецца зваротам *совесць сабачая*, а чалавек вызначаецца як *сукінае дачкі сын (дача).**

Неспрыяльнае надвор’е вызначаецца тым, што ў *такую пагоду добры хазяін сабаку з двара ня выгане*. А калі вельмі халодна, дак гэта – *халад сабаччы*, і чалавек *трясецца, як сабачы хвост*. І разам з тым, як узгадвае Варвара Грэцкая: *“А матка будзя казаць: “У іх (дзяцей) жа сабачая кроў. Січас нагрыецца, січас прастывая”*.

Ёсць свае “сабачыя” вызначэнні для непаслухмяных дзяцей: *на сабак глядзя рэсць*. З такімі трэба *дзісціпліну дзяржаць сабачаю*, і *секці іх трэба, як сабак*.

Выслоўі з кампанентам *сабака* выкарыстоўваюцца таксама і для характарыстыкі п’яніц, якія могуць *нажрацца, як сабака парцянак*; і для бадзяг, якія *сабакам сена косяць* альбо *сабак дражняць*. Адсюль і пытанне да таго, хто недзе бадзяўся: *Дзе ты сабак дражніў?* Ежа бывая такой нясмачнай, што *на сабаку ліні – сабака завішчыць*.

Фразеалагізм *на сабак бряхаць* ужываецца ў значэнні ‘гаварыць нешта пустое’. Прывядзём наступнае выказванне Варвары Грэцкай: *“Эх, галава! Не было мне вучыцца. Мая галава варыла... Неяк было... Калісь Сняжкова Нінка ўсё казала: “Давай! Я табе і памагу. Дагоніш... Давай вучысь”*. Матка бальная і баба бальная, Ягор яшчэ які... *І Туся, і хазяйства...* Яна была журналісткай... *Учылася... І вунь папала... Яна была вумная дзеўка... У іх і Валодзька вумны быў, а Ірка – не... Тая на швяю пашла... І Валька такая тупень была... А тыя па дзядзю Лёку паішлі – Лявону. Матка казала: “Ідзі. Навучышся на сабак бряхаць”*.

Калі нехта хваліцца тым, чаго ў яго ніколі не было, з’едліва запытваюць: *“Ці была ў сабакі хата?”* Марна распарадзіцца грашыма ці якой-небудзь патрэбнай рэччу – *выкінуць сабаку пад хвост*.

Праз вобраз сабакі характарызуюцца і пазашлюбныя стасункі: *сабачы сабантуй*. Гэта агульнае: і жаночае, і мужчынскае. Ёсць асабныя выразы, што адносяцца да характарыстыкі жанчын: *Не мінала сабакі. (Яе) цягаюць, як сучку. Як у сучкі сабак (мужыкоў). Як сука не захоча, дак сабака ня ўскоча*. Мужчыну прасцей: *Мужык – эта сабака. Абтрусіўся і пайшоў*. Пабрацца шлюбом без вяселля – *сучку за ручку*.

І ў сям’і што стары скажа, што сабака брэша. Асабліва цяжка даводзіцца маладому, які пайшоў жыць у сям’ю да жонкі: *зяцкі хлеб – сабацкі. Яму і сабаку нада па-бацюшку называць.*

Сабака сам па сабе жыве параўнальна нядоўга. Адсюль і вызначэнне *сабачы век*, адсюль і праклён *Штоб ты сабачага века не дажыла!*

І нават у параўнанні з кошкай (з катом) сабака знаходзіцца на больш ніжэйшым узроўні. *Як кошка с сабакай* – гавораць пра людзей (членаў адной сям’і ці аднавяскоўцаў, якія не ладзяць паміж сабой). А можна ў гэтым выпадку абысціся без кошкі і абысціся аднымі сабакамі: *грызуцца, як сабакі.*

І нават тыя, хто дужэй за сабаку, не заўсёды маюць жаданне з ім звязвацца – вельмі звадлівая яна істота: *Воўк сабакі не баіцца, да звягі ня любя.*

Адзінае добрае слова пра сабаку, якое гучыць у амеленскай парэміі: *Заўтракамы сабак ня кормяць, як на ахоту ідуць, а нада сёдни пакарміць.*

На наш погляд, не самы сімпатычны амяленскі “фразеалагічны партрэт сабакі” (вызначэнне Т. В. Валодзінай) [9, с. 82] займае вартае месца ў “галерэі” падобных “партрэтаў”, якія ўжо існуюць у беларускім парэміяніку [4; 10, с. 63–65; 2, с. 127–131].

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Коваль, В. И. Восточнославянская этнофразеология. Деривация, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Гомель, 1998. – 213 с.
2. Ляшчынская, В. А. Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2015. – 224 с.
3. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М. : Наследие, 1998. – 208 с.
4. Дзядова, А. С. Чалавек у лютэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі : манаграфія / А. С. Дзядова. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – 161 с.
5. Садоўская, А. Л. Нацыянальна-культурны кампанент беларускай фразеалогіі / А. Л. Садоўская // Роднае слова. – 2008. – № 2. – С. 42–46.
6. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей; навук. рэд. В. М. Макіенка. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 482 с.
7. Садоўская, А. Л. Сімволіка каровы / быка (вала) ў беларускай парэміялогіі і культуры / А. Л. Садоўская, М. А. Сяброўская //

Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі : зб.арт. Вып.2. Пад навук. рэд. Р. М. Кавалевай, В. В. Прыемка. – Мінск : Бестпрынт, 2005. – С. 43–50.

8. Лопатин, Г. Варвара Грэцкая: “Я гаварю па-амяленскі...” Из опыта изучения диалектной фразеологии (Материалы к фразеолого-паремиологическому словарю личности) Варвара Грэцкая. Записи 2005–2012 г. / Г. Лопатин // *Palaeoslavica*, Vol. XXI. – №2 Cambridg, Mass, 2013. – Р. 130–201; Лопатин, Г. Варвара Грэцкая: “Я гаварю па-амяленскі...” Из опыта изучения диалектной фразеологии (Материалы к фразеолого-паремиологическому словарю личности) Варвара Грэцкая. Записи 2005–2012 г. / Г. Лопатин // *Palaeoslavica*, Vol. – XXII. – № 2. Cambridg, Mass, 2014. – Р. 147–221; Лопатин, Г. Варвара Грэцкая: “Я гаварю па-амяленскі...” Из опыта изучения диалектной фразеологии (Материалы к фразеолого-паремиологическому словарю личности) Варвара Грэцкая. Записи 2013–2017 г. / Г. Лопатин // *Palaeoslavica*, Vol. – XXVI, №1. – Cambridg, Mass, 2018.– Р. 164–203; Лопатин, Г. И. “Хто прыказку гаворы і слова ўмесці скажа с прыказкай...” (Материалы к фразеолого-паремиологическому словарю личности) Варвара Грэцкая. Записи 2005–2015 г. / Г. Лопатин // *Palaeoslavica*, Vol. XXIII, №1 Cambridg, Mass, 2015. – Р. 159–198.

9. Валодзіна, Т. Вобразы свойскіх жывелаў у фразеалогіі і павер’ях беларусаў / Т. Валодзіна // *Роднае слова*. – 2003. – № 4. – С. 82–85.

10. Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2011. – 196 с.

УДК 811161.1’42:398.2:811.161.3’42:398.2

ФРАЗЕОЛОГИЗМ СТАВИТЬ (ПОСТАВИТЬ) НА НОГИ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И БЕЛОРУССКОМ N-КОРПУСЕ

Н. И. Лапицкая

В статье описываются особенности употребления фразеологизма “ставить (поставить) на ноги” на основании данных Национального корпуса русского языка и Белорусского N-корпуса: анализируются представленные в текстах корпусов значения и структурные варианты данного устойчивого выражения.

Ключевые слова: фразеологизм, употребление фразеологизма, Национальный корпус русского языка, Белорусский N-корпус.

The article describes the use of the phraseological unit «to get (back) on your feet» based on the data of the Russian National Corpus and the Belarusian N-Corpus. The meanings presented in the texts of the corpora and structural options of this set expression are analyzed.

Key words: phraseological unit, idiom use, Russian National Corpus, Belarusian N-Corpus.

По данным фразеологических словарей русского языка, фразеологизм *ставить (поставить) на ноги* является многозначным. Он имеет три значения: 1) ‘вырастить, воспитать кого-либо’; 2) ‘вылечить кого-либо’; 3) ‘направить по правильному пути кого-либо’ [1, с. 442]. Два первых значения являются разговорными, третье значение характеризуется как диалектное.

Во фразеологическом словаре белорусского языка приводятся пять значений выражения *ставіць на ногі*: 1) ‘вылечваць (каго)’; 2) ‘расціць, даводзячы да самастойнасці (каго)’; 3) ‘умацоўваць, рабіць больш трывалым, незалежным што-н.’; 4) ‘ліквідаваць пашкоджанне, паломку ў чым-н.; рабіць рамонт чаго-н.’; 5) ‘прымушаць актыўна, энергічна дзейнічаць (каго, што)’ [2, с. 384].

По запросу в Национальном корпусе русского языка [3] находим 84 вхождения варианта *ставить на ноги* и 386 вхождений варианта *поставить на ноги*. В большей части текстов данный фразеологизм используется в двух первых значениях ‘вырастить, воспитать кого-либо’ и ‘вылечить кого-либо’: (1) *Растила, кормила, воспитывала, ставила на ноги, как могла и как умела* [Маша Трауб. Замочная скважина (2012)]; *Старшая сестра учила детей географии, с большим напрягом ставила на ноги детей собственных (муж ее был простым инженером), долгие десятилетия сводила концы с концами, от такой жизни притомилась и потому залегла на диване, с трудом отрываясь на хождение по магазинам и мелкие домашние работы* [Дмитрий Притула. Старшая сестра // «Звезда», 2001]; (2) *По выражению моих собеседников, специалист она исключительный, ставит на ноги людей после инсульта, знает, как лечить детские болячки и хвори* [Анна Мельникова. Стоять до последнего! (2013.05.23) // «Новгородские ведомости», 2013]; *Могу посоветовать своего врача (она работает в роддоме при Спасо-Перовском госпитале реаниматором в отделении новорожденных) чудо-врач, ставит на ноги даже в самых сложных случаях!* [Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)].

В меньшей степени в текстах корпуса представлено значение 'направить по правильному пути кого-либо': *Дивизия наша по всему Ставрополью и кое-где по Кубани ставит на ноги молодую советскую власть...* [Артем Веселый. Россия, кровью умытая (1924–1932)]; *Пока сборная России удивляла шведскую публику новыми поворотами в своём становлении на ноги, в Стокгольме главы национальных хоккейных федераций на заседании ИИХФ думали над тем, как **поставить на ноги европейский хоккей*** [Алексей Демин. Игры разума. Российские хоккеисты победили за явным преимуществом (2003) // «Известия», 2003.02.09].

Представлено в Национальном корпусе и значение, которое даётся во фразеологическом словаре белорусского языка: 'прымушаць актыўна, энергічна дзейнічаць (каго, што)': *Я срочно связался с начальником объединения, он **поставил на ноги московское ГАИ*** [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]; *Сказали: в случае чего **поставим на ноги горком, обком** – я знаю, что еще...* [Лев Мазель: консерваторские новеллы (2003) // «Российская музыкальная газета», 2003.02.12].

Опорный компонент анализируемого фразеологизма представлен в текстах Национального корпуса русского языка следующими глагольными формами: инфинитива (*ставить / поставить*), 3 лица настоящего / будущего времени (*ставит / поставит, ставят / поставят*), прошедшего времени (*ставил (-а, -и) / поставил (-а, -и)*): *Швейцарская компания Reha Technology помогает физиотерапевтам **ставить на ноги** самых тяжелых пациентов после инсультов и травм позвоночника* [Анна Прийдак. Поверх барьеров // «Огонек», 2014]; *Такой силой обладает хлеб, что он как бы молодит человека, отымает у него прожитые годы, **ставит** его **на ноги**, даже самого больного, и от одного лишь взгляда на веселую стряпню душа начинает тихонечко гудеть* [Владимир Личутин. Крылатая Серафима (1977)]; *В городе открылись несколько санаториев на двадцать тысяч человек, где **ставили на ноги** людей, истощавших от голода и лишения во время зимы* [Роман Кармен. Но пасаран! [Ч. 1] (1972)]; *Или желание **поставить** сына **на ноги** спасает меня?* [Помогите, пожалуйста! (2002) // «Домовой», 2002.04.04]; *А Сашку тем временем **поставят на ноги*** [Вячеслав Рыбаков. Хроники смутного времени (1998)]; *И тоже будет отчасти права: в конце концов именно Нина встряхнула Шурку, **поставила на ноги**, фигурально выражаясь, при этом отказавшись ради него от привычного образа жизни, даже от основного источника дохода* [Николай Климонтович. Далее – везде (2001)].

Сделав в Белорусском N-корпусе [4] запрос на фразеологизм *ставиць на ногі*, получаем результат: 27 вхождений.

Приведём примеры использования данного фразеологизма в значении ‘расціць, даводзячы да самастойнасці (каго)’: – *Вялікай віны за мной не было і няма. Ні перад людзьмі, ні перад вамі. Я ніколі нікога не абакраў, не забіў, не ссільнічаў і не абылгаў. І ў паліцыі альбо старстам не быў. Я працую на гаспадарцы, мала падымаю галаву ад зямлі, дзяцей і ўнукаў **на ногі стаўлю**. Калі трэба, дык і суседу памагу [Генрых Далідовіч. Заходнікі]; Школа стала сваей. У новым навучальным годзе класная пойдзе на павышэнне: завучам. Абяцалі дырэктарства і класнаму, скроні якога, нягледзячы на яшчэ маладыя гады, кранула сівізна. Куды ехаць? І гарадок зрабіўся сваім. Трэба тут дзяцей **ставіць на ногі** [Георгій Марчук. Каноны]; Наталля – метадыст на пачатковых класах і беларускай мове ў школе. Але цяпер у яе законны трохгадовы дэкрэтны водпуск: трэба гадаваць Цімафея, **ставіць на ногі**. Так што ў маладой сям’і цяпер неменш важная школа – маладых бацькоў [Звязда. Пад шчаслівай лічбай 100].*

Достаточно широко используется выражение в значении ‘вылечваць (каго)’: *Хто ў дзяцінстве не чуў казак пра жывую ваду, якая вылечвала любыя хваробы, раны, **ставіла** нямоглых **на ногі** і нават падымала з магіл? Шкада, што разам з дзяцінствам мы страчваем веру ў цуды, якія здаваліся ранней такімі рэальнымі. Але ці казачныя тыя цуды? [Звязда. Гаючая сіла беларускай прыроды ў руках руплівых гаспадароў]; У фільмах пра далёкую і найбліжэйшую будучыню мы раз-пораз бачым, як смяротна параненага чалавека хутка **ставяць на ногі**, прыляпіўшы да раны загойваючы гель або пырскаючы цудоўным спрэем з балончыка. [Звязда. Навукоўцы набліжаюцца да хуткай рэгенерацыі тканак]; У псіхіятрычным шпіталі аднаго з кітайскіх гарадоў пацыентаў **ставяць на ногі** дзякуючы песням часоў Мао і Сталіна. Кожны дзень пасля абеду хворыя праходзяць незвычайную аўдыёпрацэдуру – слухаюць маршы і песні, якія кітайцы спявалі ў эпоху Культурнай рэвалюцыі і Вялікага скачу. Зараз медыкі спрабуюць развіваць поспех, прымушаючы пацыентаў саміх спяваць [Новы Час. Кітай. Песні супраць ментальных хвароб].*

Наконец, в текстах, представленных в Белорусском N-корпусе, проявляется третье значение, данное во фразеологическом словаре, – ‘умацоўваць, рабіць больш трывалым, незалежным што-н.’: – *Савецкая ўлада, сацыялізм заваёўваюць усё новыя і новыя вышыні. Пад мудрым кіраўніцтвам вялікага Сталіна мы разграмілі фашысцкую Германію, яе сатэлітаў, **ставім** нашу краіну **на ногі** і шпарка ідзём наперад. Сусветныя імперыялісты-акулы лічылі: мы не акрыяемпасля такой страшнай вайны, станем перад імі накалені. Але яны пралічыліся. [Генрых Далідовіч. Заходнікі]; Давер да Вакульчыка можна патлумачыць тым,*

што менавіта яму выпала **«ставіць на ногі»** абсалютна новыя сілавыя ведамствы – Аператыўна-аналітычны цэнтр і Следчы камітэт. Вакульчык – адзін з нямногіх ураджэнцаў Беларусі сярод сілавікоў [Наша Ніва. 4. Валерый Вакульчык].

В текстах Белорусского N-корпуса анализируемый фразеологизм представлен в следующих глагольных формах: *ставіць / паставіць* (инфинитив), *стаўлю, ставім* (формы 1 лица настоящего времени), *ставяць* (формы 3 лица настоящего времени), *ставіў (-ла, -лі) / паставіў (-ла, -лі)* (формы прошедшего времени): *Тыя, што прыйшлі сюды ў прымакі, працуюць механізатарамі і жывёлаводамі. Многія з іх ужо на пенсіі, а некаторыя толькі пачынаюць **ставіць на ногі** сваіх нашчадкаў, працягваючы жанвільскі беларускі радавод* [Звязда. Жанвільскія беларусы і іншыя насельнікі вёскі на беларуска-расійскім памежжы]; *Ён даваў і грошы і парады. Ён пісаў, каб развівалі гаспадарку, каб не баяліся, наймалі, калі спатрэбіцца, бо гэта савецкая ўлада не забараняе. Ён раіў ім адысці на хутар ці, прынамсі, на пасёлак, бо лягчэй будзе тады **паставіць на ногі** гаспадарку...* [Міхась Зарэцкі. Ведзьмо]; *Большасць гісторый, дасла-ных на конкурс, пра вайну, пра пакуты, якія перажылі людзі ў тыя гады. Яны яшчэ раз пацвярджаюць самаахвярнасць нашых дзядоў і прадзедаў, а таксама цярдлівасць, адданасць і сілу духу беларускіх жанчын, якія без мужа і часам без даху над галавой **ставілі на ногі** малых дзяцей...* [Звязда. Прызёры, адгукніцеся!]; – *Чулі? А ці ведае ён, кіслая брага, што вайна шмат каго на ногі паставіла? Другога ранней і чалавекам саромеліся назваць, ды ён зусім і не чалавек быў, а так – мроя нейкая. А вайною так акрыяў, што яму й фігаю носа не дастанеш. А ён кажа – страты. «Барадою да сонца ляжаць»...* [Лявон Савёнак. Беларусізацыя пад №...].

Таким образом, обращение к корпусам текстов открывает для фразеологических исследований ряд дополнительных возможностей. Набор решаемых с помощью корпуса задач в каждом конкретном случае может быть различным и зависит от целого ряда факторов (в первую очередь от цели исследования и состава фразеологического материала).

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

2. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Т. 2 : М–Я. – Мінск : БелЭн, 1993. – 607 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 10.10.2018.
4. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bnkorporus.info/> – Дата доступа : 10.10.2018.

УДК 811.161.1`373:398.9

**ФРАЗЕОЛОГИЗМ ДВА САПОГА ПАРА:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ
(на материале Национального корпуса русского языка)**

А. В. Лобанович

В данной статье на материале Национального корпуса русского языка в семантическом и функциональном аспектах рассматривается фразеологизм “два сапога пара”. Исследуются коннотация, трансформации и синтаксические функции данного фразеологизма в различных контекстах, а также роль числовой составляющей в его семантике.

Ключевые слова: фразеологизм, коннотация, семантика, трансформация, число.

In this article, on the material of the Russian National Corpus, the idiom of two pair of boots is considered in semantic and functional aspects. We study the connotation, transformations and syntactic functions of a given idiom in different contexts, as well as the role of the numerical component in its semantics.

Key words: idiom, connotation, semantics, transformation, number.

Использование фразеологических оборотов в речи позволяет метко и ёмко выразить своё отношение к предмету, явлению действительности, человеку, придать эмоциональность и выразительность высказыванию. Предметом исследования в данной статье являются особенности функционирования, семантика и сфера употребления фразеологизма *два сапога пара*. Исследование осуществляется на материале Национального корпуса русского языка [1].

В лексикографических источниках приводится следующее толкование данной фразеологической единицы: *два сапога пара* (ирон.) –

‘о двух людях, вполне сходных, подходящих друг к другу, в особенности по своим недостаткам’ [2]; *два сапога пара* (разг., ирон.) – ‘один другого не лучше; по своим качествам похожи друг на друга’. Например: – *Это, чай, всё больше зачинщики действуют, смутьяны. Михельсон да тот, чёрный-то – как его? Сокол, что ли? И прозвище разбойничье!* – *Не знаю, – отвечает механик, – который из них лучше: два сапога пара и оба на левую ногу!* (Скиталец. Огарки) [3].

В качестве синонимов к анализируемому фразеологизму выступают следующие устойчивые выражения: *из одного теста, на один покрой, на одну колодку, на одну статью, один в одного, один другого стоит, одним лыком шиты, одним миром мазаны, одним пальцем деланные, одного полета птицы, одного поля ягоды, похожи, как бараны в стаде, птицы одного полета* [4].

Таким образом, очевидно, что указанный фразеологизм имеет устойчивую отрицательную коннотацию и употребляется в основном в разговорной речи с ироническим значением. Чем же обусловлена преимущественно негативная окраска данной фразеологической единицы? Обратимся к этимологии.

По разным источникам, фразеологизм *два сапога пара* возник в те далёкие времена, когда обувь шилась одинаково на обе ноги. Такой пошив доставлял неудобства, и отличий между двумя сапогами не было. Как следствие, фразеологизм, выражая значение подобия, приобрёл негативную окраску. Вследствие иронического переосмысления появилась пословица с компонентом *два сапога пара*: *Два сапога – пара, да оба на левую ногу!* Например: «*Все люди как люди, а мы как мыслете*». – «*Два сапога пара, оба левые*» [М. Л. Гаспаров. Записи и выписки (2001)]; – *Откуда же это вы такие одинаковые? Два сапога пара! Нет – воскликнула она и наклонилась, чтобы рассмотреть их поближе – Нет, вы как два сапога на одну ногу!* [Анатолий Приставкин. Ночевала тучка золотая (1981)]; – «*Не знаю, – отвечает механик, – который из них лучше: два сапога пара, и оба на левую ногу!*» [Скиталец (С. Г. Петров). Огарки (1906)].

В дальнейшем, когда стали производить разные сапоги на правую и на левую ногу, появился новый оттенок значения, связанный с тем, что два разных человека могут притягиваться, взаимодополнять друг друга, и затем им будет тяжело существовать независимо друг от друга. Такое воплощение фразеологизм нашёл в контекстах с положительной оценкой, где речь идёт в основном о влюблённых, друзьях или близких родственниках: «*Правильно, мы с дедушкой два сапога пара!*» [Владимир Железников. Чучело (1981)]; – *Прост игумен?.. –*

С Гарусовым два сапога – пара... И любят друг дружку, водой не разольешь [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови (1892)].

Для получения более подробной информации по сфере функционирования и особенностям употребления фразеологизма *два сапога пара* обратимся к материалам Основного корпуса НКРЯ. Оформи́в в строке поиска точных форм запрос *два сапога пара*, получаем 78 вхождений данного фразеологизма в тексты корпуса.

В результате анализа контекстов обнаруживаем, что подавляющее большинство из них действительно имеет отрицательную коннотацию, например: *Мы с Заразой два сапога пара – обе помоечные* [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)]; *Они с нашим Корнеевым – два сапога пара, оба без царя в голове* [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)]; – *Вор или убийца? – Два сапога – пара. Буду прятать краденое и закапывать трупы, – отрезала Машка* [Юрий Буйда. Рассказы о любви // «Новый Мир», 1999].

Однако в тех случаях, когда в контекстах речь идёт о близких людях, друзьях или родственниках, анализируемый фразеологизм приобретает положительную окраску: – *У нее была более близкая подруга, Ася Корошева. Вот уж кто про Настю все знал – два сапога пара* [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)].

По данным НКРЯ, анализируемый фразеологизм часто входит в контекст в виде автономного предложения: *Тожже фрукт. Два сапога пара. Такие любят рассуждать на тот счёт, что не нужно пороть горячку* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]; *Удивительно, как ты крепко спишь, ничего не слышишь, и бабушка тоже. Два сапога пара. А мы с отцом по ночам чай гоняем, о смысле жизни говорим, что еще остается, если заснуть не можешь* [Екатерина Завершнева. Бабушка // «Знамя», 2010]; *А на «Нетрони» и капитан Лев Иванович Тузов, и старший офицер Николай Васильич Долгий были под масть. Два сапога пара. Обучали нашего брата по-старинному* [К. М. Станюкович. На другой галс (1900)].

В тех случаях, когда данный фразеологизм встраивается в структуру предложения, он занимает предикативную позицию, выполняя характеризующую функцию по отношению к субъекту высказывания: *Рядом застрочил клепальщик, да так, что уши заложило, и Горяев лишь руками развел, видимо, поняв, что я вроде того радиста и оба мы два сапога – пара* [Анатолий Приставкин. Радиостанция «Тамара» (1994)]; *По этому поводу Иона Овсеич удачно пошутил: обувщики и коммунальщики – два сапога пара* [Аркадий Львов. Двор (1981)]; *Редактор и Гурский, с их любовью решать за других, были два сапога*

пара! [Константин Симонов. Так называемая личная жизнь/ Мы не увидимся с тобой... (1978)].

Помимо поиска точных форм, НКРЯ даёт возможность поиска слова во всех или нескольких возможных формах. Для того чтобы проанализировать трансформации фразеологизма *два сапога пара*, оформляем запрос «два+сапог», поиск во всех возможных формах. Получаем 95 вхождений. Большинство полученных контекстов включают в себя анализируемую фразеологическую единицу (в том числе в трансформированном виде). Так, в следующем контексте наблюдается инверсия компонентов фразеологизма, приводящая к изменению его значения: *И не диво, что пятна к ним обоим (те – формийские, римские – вот эти) припечатались намертво, не смоешь: пара – два сапога, одни пороки, оба умники, вместе делят ложе...* [Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001]. Здесь слово *пара* используется в значении ‘субъекты, находящиеся в близких отношениях’. Метафорически *пятна* отождествляются с живыми людьми, супружеской четой, как в поговорке *Муж и жена – одна сатана*.

В анализируемом материале представлена также контаминация двух устойчивых выражений (*два сапога пара* и *своя рубашка ближе к телу*): *Один ум хорошо, а два сапога ближе к телу* [Ирина Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть (2007)]. При этом сам контекст построен на основе поговорки *Одна голова хорошо, а две – лучше*.

Следующий вид трансформации – усечение структуры фразеологизма, при этом без компонента *пара* анализируемое устойчивое выражение является узнаваемым: *Многие разряжены, щебечут нарочито развязно, – возможно, от волнения, чтобы создать впечатление людей бывалых, тертых, знающих, что к чему. А тут явились два сапога. Уговорились: если примут только одного, уходим оба* [Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000)]. В контексте говорится о двух людях, связанных крепкой дружбой.

В то же время запрос «сапог+пара» показывает, что компонент-числительное в составе анализируемого фразеологизма не редуцируется, не подвергается замене, является ядерным, обязательным для узнавания данного устойчивого выражения.

Своеобразием отличается функционирование фразеологизма *два сапога пара* в Газетном корпусе НКРЯ. Прежде всего в газетных текстах данный фразеологизм используется для сравнения друг с другом двух человек и выявления их подобия в негативном отношении: – *Лучше для вас, если в ворота сборной России встанет Семен Варламов – ваш од-*

ноклубник по «Колорадо»? – Классный голкипер, что уж там, – смеется Штястны. – Да и **Брыз** неплох. **Два сапога пара** [Павел Лысенков. Форвард сборной США Пол Штястны: Это не чудо, если мы победим Россию // Советский спорт, 2013.05.15]; *В общем, Ламорелло и Жюльен – два сапога пара* [Павел Лысенков, Геннадий Богуславский. Съедобный Жюльен. Управляющий «Нью-Джерси» Лу Ламорелло уволил главного тренера Клода Жюльена // Советский спорт, 2007.04.04]; *Причем неважно, что Грабовой и Малахов в этом отношении два сапога пара* [Чем вас обрадовал и чем огорчил телеэкран на минувшей неделе? // Труд-7, 2005.10.13]. Так, тема подобия супругов, раскрытая фразеологизмом, нашла своё воплощение и в газетных текстах: – *Ваша жена сказала, что вы часто забываете дома мобильный телефон. – А мы два сапога пара! Она сама как-то при выходе из «Шереметьево» забыла паспорт* [Лада Ермолинская. В нашей семье отношения выясняют громко // Комсомольская правда, 2001.02.19]; *Если традиционная российская семья рассматривалась как единое целое (два сапога–пара), то сегодня не только мужья, но и жены хотят проявить себя как индивиды* [Фокина Нина. Двенадцать медовых месяцев // Труд-7, 2000.12.28]. В то же время фразеологизм *два сапога пара* может использоваться для сравнительной характеристики двух явлений (событий): *Впрочем, «Ника» и «Золотой орел» давно уже смотрятся как два сапога пара* [Заозерская Анжелика. В Москве вручили «Нику» // Труд-7, 2010.04.02]. Приведённые контексты свидетельствуют об актуальности значения исследуемого фразеологизма, а также о разнообразии субъектов, характеризующихся им.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 14.10.2018.
2. Справочник по фразеологии [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://frazeolog_ru.academic.ru/ – Дата доступа : 14.10.2018.
3. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка/ А. И. Фёдоров [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://phraseology.academic.ru/>. – Дата доступа : 14.10.2018.
4. Тришин, В. Н. Словарь синонимов ASIS / В. Н. Тришин [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/34505. – Дата доступа : 14.10.2018.

ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В. А. Маслова

В статье характеризуются основные положительные и отрицательные моменты от прихода Интернета в нашу жизнь. Интернет изначально задумывался как средство хранения информации и как средство общения. Интернет породил мощный поток сетевой литературы и виртуального автора. Проблемам и перспективам сетевой поэзии посвящена основная часть статьи.

Ключевые слова: интернет-поэзия, сетература.

The article describes the main positive and negative aspects of the the Internet appearance in our lives. The Internet was originally conceived as a means of storing information and as a means of communication. The Internet has generated a powerful stream of online literature and a virtual author. The main part of the report is devoted to the problems and prospects of The Internet poetry.

Keywords: the Internet poetry, the Internet literature.

Появление Интернета принесло глобальные изменения в нашу жизнь – необычайно расширились возможности коммуникации, многократно увеличился поток информации, которую человек не в состоянии обработать и использовать. Интернет породил мощный поток сетевой литературы и виртуального автора.

Кратко охарактеризуем эти три главных достижения Интернета. Интернет, изначально позиционировавшийся как средство хранения информации, постепенно стал одним из ведущих коммуникативных пространств, в котором сосуществуют различные формы общения – групповые и индивидуальные, межличностные и публичные и т. д. Он стал не только средством общения, но и медиа, и СМИ. Более того, он стал виртуальной социальной средой, в которой человек устанавливает и расширяет социальные связи. Будучи системой со множеством функций, Интернет дает практически безграничные коммуникативные возможности: стирает географические границы, в значительной степени нейтрализует социальные различия собеседников, позволяет начать общение даже с абсолютно незнакомым человеком, что, безусловно, накладывает свой отпечаток на коммуникацию вообще.

Феноменология утверждает, что сопричастие двух коммуникантов в едином времени и пространстве порождает эмпатию, т. е. психическое переживание, вчувствование в состояние собеседника. Компьютерное общение не требует общего пространства и времени. Отказ от живого общения в пользу техники может означать нежелание эмоционального соучастия с возможным собеседником, избавление от эмоциональных нагрузок и ответственности живого общения. А ведь человеку присущи три взаимосвязанные ипостаси – интеллект, эмоции, воля.

Гашение эмоциональной сферы, вкуче с необъятным потоком информации, которая доступна, но пугает своими масштабами и колоссальным постоянным ее ростом, привело к снижению когнитивных способностей современной молодежи, несмотря на колоссальные возможности, которые предлагает Интернет (исследования Марка Бауэрлейна «Самое тупое поколение...» и Н. Карра).

Еще несколько негативных моментов. Идет непрерывный показ личной жизни: в соцсетях растет зацеленность на «себе любимом»: 20% населения Земли описывает детали своей текущей жизни и ставит друг другу 3,5 млн. лайков. Каждый день в Инстаргам загружается 80 млн фотографий. Что это – повальное психическое заболевание?

Киберпространство, несомненно, оказало влияние на все затронутые им явления, в том числе и на сферу литературы, породив множество проблем, которые на сегодняшний день не имеют решения.

Основанием для выбора данной темы послужила неудовлетворенность современным состоянием лингвоэстетики и поэтики. Консерватизм идей в лингвопоэтике не пытается, да и не способен отразить современное состояние неклассической, авангардной поэзии. Это просто иная поэзия. Кажется, Ю. М. Лотман сказал: «Если бы Пушкин прочёл Хлебникова, он просто не счел бы его поэтом». Нельзя превращать самого Пушкина в эстетический шлагбаум, который бы не пропускал всякого ищущего.

Задача исследователей – изучать данное явление. Поэзия, став доступной каждому пользователю, адаптируется, преобразовывается и находит новые формы. Особенно интересен с этой точки зрения синтез литературы и технологий.

На начальном этапе шла прямая и интересная «визуализация» поэзии, т. е. соединение стихотворения с компьютерными технологиями. Теперь же возникли несколько жанров, где используется визуальный канал, но это примитивная визуализация.

Размещаемые в сообществе «Рифмач» поэтические тексты набирают популярность в Интернете. Являясь сплавом стихотворения, фотографии

и юмора, они привлекают внимание необычностью формы:

Есть в каждой женщине и чёртик, и богиня.
И потому, когда наутро рассвело,
Из клуба Анечку домой несла в унынье
Не ведьмы ступа, а

Публикация поэтических текстов в Интернете в последние десятилетия стала распространенным явлением. Сайты с бесплатным размещением произведений, интернет-сборники, блоги – все эти возможности Интернета охотно используют как поэты-любители, так и признанные авторы. Для обозначения данного явления существует несколько терминов: интернет-поэзия, сетевая поэзия, социально-сетевая поэзия и др. Мы выбираем один из них.

Говоря об интернет-поэзии, мы не имеем в виду электронные копии традиционной классической поэзии. Это новый тип русской поэзии, созданный в сети при помощи компьютерных технологий и ориентированный на сетевого читателя. Поэтический интернет имеет свой формат. Это «экран» – количество текста, помещающегося в одну экранную страницу компьютера, т. е. идеальный формат популярного сетевого текста определяется формулой: «Чем короче, тем лучше!» Важнейшие отличительные черты, кроме объема, – гипертекстуальность, возможность вносить изменения в авторский текст, т. е. некоторая коллективность творчества, динамичность сотворческих процессов. Ю. Бартош так определяет эту поэзию: «Сетевая поэзия как вид сетературы представляет собой размещаемое в Интернете на специализированных сайтах / площадках поэтическое творчество, созданное при помощи компьютера (другой техники) и предназначенное для прочтения сетевыми читателями (при этом полноценное про-

чтение сетевых поэтических текстов возможно лишь в интернет-пространстве» [1, с. 7].

Интернет-поэзия – это сплав поэта, читателя, поэтического текста и откликов-рецензий. Сетевое стихотворение интерактивно, оно может неоднократно редактироваться автором после публикации (в том числе с учетом читательских замечаний), оно нередко мультимедийно и гипертекстуально.

В современной интернет-поэзии возник ряд новых жанров – пирожки, порошки, филашки и др. Их объединяет малый объем, но они различаются по содержанию и средствам репрезентации. Например, главный смысл в пирожках выражен в последней строке, что является особенностью данного жанра:

*ворвались в думу два бандита
вооружившись до зубов
вбежали в зал на заседание
и заняли свои места* (Бойко Алексей).

В отличие от остальных малых сетевых форм, филашки пишутся с соблюдением норм орфографии и пунктуации, а по форме и содержанию напоминают частушки:

*Едет дядька на войну
Из домашнего плену,
Может, встретит в перестрелке
Тёщу, тестя и жену!*

Сетевая поэзия воспринимается интернет-пользователями как продолжение литературных традиций, а современными критиками оценивается как «дилетантская», «недопоэзия», которая вписывается в концепцию массовой литературы.

Поэтический интернет-дискурс весьма специфичен. Здесь взаимодействие «автор-текст-читатель» трансформируется в «автор-текст-читатель-текст», то есть поэтический дискурс представлен не как «процесс и результат эстетической речевой деятельности творящего и воспринимающего сознания», а как процесс и сопроцесс. Читатель особенно активен в интернет-поэзии: он редактирует чужие стихи, здесь же пишет рецензии на них, голосует за помещение стихотворения в «Золотой Фонд» сайта. Автор же может дать музыкальное или анимационное сопровождение стихотворения.

Интернетом вызвана небывалая творческая активность людей, связанная с языком и коммуникацией, а также литературным творчеством; возникли новые черты во взаимоотношении автора и читателя, многочисленно увеличилась метаязыковая рефлексия и внимание

к гипертекстовой организации сообщения, что нашло отражение в том числе и в усилении игровых интенций коммуникантов.

Список использованных источников

1. Бартош, Ю. В. Специфика сетевой поэзии: жанры, языковая игра : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Бартош. – Минск, 2018. – 19 с.

УДК 811.161.1'37:398.9

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ 'НЕЖЕЛАНИЕ СМОТРЕТЬ'

О. Н. Мельникова

В статье рассматриваются фразеологические обороты, объединённые общей семой 'нежелание смотреть' и характеризующие проявления психоэмоциональной деятельности человека. Предметом исследования являются особенности функционирования данных фразеологизмов в художественном дискурсе (на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка).

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, внутренняя форма, модальность, функционирование.

The article deals with phraseological turnovers, united by a common activity with undesirable consequences and peculiarities of a person's psychoemotional activity. The subject of research is the features of the functioning of these phraseological units in artistic discourse (on the material of texts, objects in the Russian National Corpus).

Key words: idiom, semantics, internal form, modality, functioning.

Современные условия функционирования языка предполагают как исследование языка в определённых хронологических и пространственных рамках, так и систематизацию речевой практики. В. А. Плунгян отмечает: «Теперь для овладения языком человеку нужны не две, а три вещи: словарь, грамматика и корпус текстов данного языка. Потому что и словарь, и грамматика, в общем-то, беспо-

лезны вне этого пространства, где язык, собственно, и функционирует» [1]. Таким образом, корпус является одним из источников получения научных данных, интерпретация которых важна для современного лингвистического исследования.

Объектом рассмотрения в данной статье являются русские фразеологизмы, объединённые общей семой 'нежелание смотреть'. Предполагается, что функционирование данных фразеологических единиц обусловлено особенностями семантики глаголов зрительного восприятия, которые выступают в качестве ключевых компонентов рассматриваемых фразеологизмов.

Фразеологизм *глаза бы (мои) не видели* (разг., презр.) выражает значение 'совсем не хочется видеть кого-либо или что-либо, настолько это неприятно' сравн. с противоположной семантикой *глаз не отвести* (разг. экспрес.) 'о ком-либо или о чём-либо особенно привлекательном, ладном (таком, что залюбуешься)' [2]. В качестве вариантов данного фразеологизма выступают следующие: *глаза бы (мои) не видали*, *глаза бы (мои) не глядели*, *глаза бы (мои) не смотрели*. Рассмотрим особенности употребления данных устойчивых выражений в художественном дискурсе на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка [3].

Как свидетельствуют результаты анализа языкового материала, нежелание смотреть может быть обусловлено различными причинами. В качестве одной из причин данного состояния выступает негативное отношение к кому-либо: *Пропади ты пропадом! Глаза бы не глядели. А еще барин!* [Л. А. Чарская. Золотая рота (1911)]; *А на злого недруга и глаза бы не глядели...* [С. Т. Григорьев. Оптический глаз (1925)]; – *Глаза бы мои на тебя не глядели, карьерист несчастный!* [Н. Н. Александрова, Попугай в пиджаке от Версаче, 2014]; *Я человек подначальный, как укажут. Черт их... глаза бы не глядели!..Глаза бы не глядели...* [И. С. Шмелев. Солнце мертвых (1923)]. Негативное отношение, как правило, связано с неодобрительной оценкой чьего-либо поведения: *Надрывается, кофты вяжет, утки выносит... икон в доме понаставила...Глаза бы мои не глядели!..* [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)]; *Скорее бы уж съехали они, что ли, глаза бы мои не смотрели на то, как она над ним измывается* [Марина Капранова, Ландыши, приносящие смерть, 2017]; *Патлатые парни, голые девки бесновались с гитарами. Глаза бы не смотрели. Сидоров пошел спать* [Виктория Токарева. Кирка и офицер // «Огонек». № 10, 1991]. Представляется закономерным, что нежелание смотреть может быть вызвано негативной оценкой внешнего вида кого-либо: *Мужичонка мне попался худой, слабосильный – званье одно. Бывало, выйти пер-*

вый год на пожню – глаза бы не глядели [Ф. Абрамов. Братья и сёстры (1958)]; *Ворот рубахи не застегнут, груди болтаются, крест на грязном гайтане болтается – глаза бы не глядели* [Федор Абрамов. Две зимы и три лета (1968)]; *Все в рвани, в обносках – о господи, глаза бы не глядели* [Федор Абрамов. Трава-мурава // «Огонек», 1981]. Однако встречаются единичные случаи употребления рассматриваемого фразеологизма, когда нежелание смотреть связано с нежеланием поддаваться соблазну, сравн.: *Глаза бы не видели ланит да бёдер, да очей с поволокой!* [Герман Садулаев. Таблетка (2008)].

Нежелание смотреть также может быть связано с общим недовольством своим окружением, условиями жизни: *Глаза бы не глядели на безобразия и всеобщую ложь* [Н. М. Амосов. Дневник (1985)]; *Глаза бы мои не смотрели на безобразие-то на наше* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Братья Гордеевы (1891)]; *–Время уходит, а у нас как на погосте, глаза бы не глядели* [Федор Абрамов. Братья и сестры (1958)]; *–И не говори, отец честной... Глаза бы не глядели. Скотинку теперь распродаем...* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)]; *– И я хочу домой, – ответила Лора. – Так мне здесь всё надоело, глаза бы не смотрели...* [И. Грекова. На испытаниях (1967)]; *Глаза бы мои не глядели на эти бесконечные акры табака, где нам ещё только предстояло вкалывать* [Диана Чемберлен, Ложь во благо, или о чем все молчат, 2013]; *Ну и насмотрелся на красоты наши местные, не знал, куда от них деваться, глаза бы мои на них не глядели!* [В. П. Астафьев, Жизнь прожить, 1985]. Неудовлетворенность состоянием окружающей среды, погодными условиями также не вызывает желания смотреть: *А осень у нас, хоть здесь, хоть и в Белом, прямо сказать, страшная, глаза бы не видели* [Юрий Казаков. Белуха (1963–1972)].

Подавленное эмоциональное состояние, апатия также выступает в качестве причины нежелания контактировать с окружающим миром, в том числе и зрительно: *Согрела она меня воистину, щедротами сердца Вашего... Давно-давно не встречались мы, и виной сему – единственно – немочи мои и такое, порой черное, подавленное душевное состояние, что и глаза бы не глядели* [К. А. Куприна. Куприн – мой отец (1979)]; *– Все опостылело, Сергей Павлович, глаза бы мои не глядели* [П. Д. Боборыкин. Однокурсники (1900)]. Причиной подавленного эмоционального состояния может выступать неудовлетворённость межличностными отношениями: *[Авдотья Васильевна, жена] И в рабочую пору, – все дела стали у нас, в доме тоже всё врозь – такое расстройство! Глаза бы мои не глядели! Ох, думаю так, не завелось ли уж чего-нибудь у него на стороне?* [А. Н. Островский, Н. Я. Соловьев. Светит, да не греет (1881)].

Имеются также менее частотные примеры употребления, связывающие нежелание смотреть с негативным физиологическим состоянием – отсутствием аппетита: «*Странное ощущение, – думал он, захлопывая отяжелевшие веки, – глаза бы мои не смотрели ни на какую пищу*» [М. А. Булгаков. Собачье сердце (1925)].

Таким образом, зрительное восприятие включает способность интерпретировать информацию об окружающей среде. С помощью зрения человек познаёт окружающую действительность, воспринимает первичную информацию о мире. То, что он видит, вызывает у него положительные или отрицательные эмоции. Отрицательные эмоции, вызванные негативной оценкой увиденного, не вызывают желания визуально контактировать с внешним миром.

Как известно, функционирование как лексических, так и фразеологических единиц обусловлено их семантикой. Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют, что глаголы зрительного восприятия, которые выступают в качестве ключевых компонентов рассматриваемых фразеологизмов, регулярно формируют вторичное модальное значение ‘хотеть, желать’.

Так, глагол *видеть* с основным значением ‘воспринимать зрением, наблюдать, замечать глазами’, реализует модальный оттенок желательности в возвратной форме: *видеться* ‘казаться, воображаться, мечтаться’: *Мне в городе, годами осаждённом, В том городе, откуда нет путей, Всё видится простор освобождённый* (О. Берггольц) [4, т. 1, с. 219]. Существительное *вид*, наряду с основными значениями, отражающими объект зрительного восприятия (‘внешность, наружность’, ‘то, что открывается взгляду; перспектива; зрелище, картина’), в форме множественного числа выражает модальное значение ‘предположения, намерения, планы’ (в выражении *иметь виды на кого-, что-либо* – т. е. ‘рассчитывать с какой-либо целью’) [4, т. 1, с. 217–218]. Сравн. также русск. диал. *вид* ‘намерение, желание’, *видов нет* ‘нет надежды, возможности’ [5, с. 19].

Производные с префиксом *за-*, изначально также связанные с обозначением зрительного восприятия (сравн.: *завидеть* ‘увидеть издали’), отражают семантику желания, стремления, характеризующегося интенсивностью проявления, целенаправленностью: *зависть* ‘чувство досады, вызванное превосходством, удачей другого; желание обладать тем, что есть у другого’, *завидный* ‘очень хороший; такой, какого можно желать для себя’, *завидовать* ‘испытывать чувство зависти к кому-, чему-либо’ [4, т. 1, с. 688]. Глагол *завидовать* и другие производные данного гнезда сохраняют ассоциативную связь с семантикой зрительного восприятия, сравн.: *Завистливое око видит да-*

лёко / *Завистливый своих глаз не пожалеет*. Таким образом, устремлённость зрения на кого-, что-либо закономерно воспринимается как проявление тех или иных особенностей поведения, отношения к кому-, чему-либо.

Семантическая структура других лексем, исторически производных от *видеть*, также характеризуется наличием модальных оттенков значения. Так, глагол *ненавидеть* ‘испытывать сильную неприязнь к кому-, чему-либо’ образован при помощи отрицательной приставки от **навидети* ‘охотно смотреть, навещать’, сравн.: укр. диал. *навидіти ся* ‘любить, уважать кого-либо’, польск. *nawidzieć* ‘охотно, с радостью смотреть’ [6, с. 63]. Отглагольное производное *обидеть* ‘нанести кому-либо незаслуженное оскорбление’ исторически восходит к **ob-viděti*, в семантике которого большую роль сыграла приставка, имеющая значение ‘направленность действия мимо предмета, обход его стороной’; таким образом, первоначально *обидеть* означало ‘не заметить, обойти взглядом, не уделить внимания’, сравн. русск. разг. *обидеть* ‘лишить чего-либо, наделить чем-либо в незначительной степени’: *Природа не обидела его здоровьем / талантами* и т. п.

Сходные семантические закономерности наблюдаются в структуре значения других глаголов, связанных с отражением процесса зрительного восприятия. На основе семантики зрительного восприятия, выступающей в качестве исходной, первичной, русский глагол *глядеть* также развивает значения с модальными оттенками: ‘относиться к кому-, чему-либо определённым образом, иметь точку зрения, взгляд’, ‘присматривать, наблюдать; иметь надзор, попечение о ком-либо, заботиться’, ‘брать с кого-либо пример, подражать кому-, чему-либо’ [4, т. 1, с. 426]; русск. диал. *глядеть кого* ‘стеречь, выжидать, искать, отыскивать глазами’; *глядь-поглядь, гляжу-погляжу* ‘выражает долгое, нетерпеливое ожидание’ [7, с. 359–360]; сравн. вторичные значения бел. *глядзець* ‘стремиться, стараться сделать что-либо’: *Багаты – рагаты: усё глядзіць, каб каго збіць* [8, с. 61]. Семантика соответствий в других славянских языках также характеризуется развитием модальных значений, связанных с выражением желания, стремления: чеш. стар. *hleděti* ‘заботиться, стараться’, *hledati* ‘искать’, словц. *hladiet* ‘стараться, заботиться’, *hladat* ‘искать’, ‘стремиться, стараться’, болг. диал. *гледъм* ‘засматриваться, заглядываться’, ‘стремиться’, ‘выбирать’, ‘присматривать, заботиться’, ‘ожидать’ [9, вып. 6, с. 122–123].

В особенностях сочетаемости глагола *глядеть* в русском языке также проявляется связь значения зрительного восприятия с семантикой эмоционально-волевых проявлений, сравн. значения устойчивых выражений: *я на него не гляжу* ‘не уважаю, не слушаюсь

его', *глядеть косо* 'выражать недовольство, таить злобу', *глядеть в рот* 'стараться угодить', *глядеть сквозь пальцы* 'сознательно не замечать чего-либо' и др.

Глагол *смотреть*, наряду с основным значением 'смотреть, глядеть', также выражает вторичную модальную семантику, сравн. *смотреть за кем-, чем-либо* 'заботиться о ком-, чём-либо', разг. *смотреть* 'стремиться, метить куда-либо': *смотреть в начальники* [4, т. 4, с. 142]. Соответствия с модальными значениями обнаруживаются и в других славянских языках, сравн. сербохорв. *мòтрити* 'присматривать, заботиться', 'стараться, прилагать усилия', болг. диал. *мотрим* 'заботиться' [9, вып. 20, с. 65–66].

Свидетельством присущего народному мышлению представления о взгляде как о выражении определённого отношения к кому-, чему-либо являются также бел. диал. *вока не мець* 'не питать чувство симпатии к кому-либо': *На гетаго ўжо даўно ніхто вока не майа* [10, с. 585].

Связь значений 'видеть' и 'хотеть' наглядно представлена в пословицах: *Что видит, то и бредит; чего не видишь (не знаешь), тем и не бредишь* [7, с. 202]; *Глаза завидуици, а руки загребуици / Глаза наши – ямы, а руки – грабли* [7, с. 560].

Таким образом, развитию модальных значений, связанных с выражением желания / нежелания, способствует семантический компонент 'направленность, сосредоточенность на объекте, привлекающем внимание', свойственный глаголам зрительного восприятия, которые выступают в качестве ключевых компонентов рассматриваемых фразеологизмов.

Список использованных источников

1. Плуноян, В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов / В. А. Плуноян // Публичные лекции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://polit.ru/article/2009/10/23/corpus.html>. – Дата доступа : 07.10.2018.
2. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель, АСТ, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://phraseology.academic.ru> – Дата доступа : 05.10.2018.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> – Дата доступа : 05.10.2018.
4. Словарь русского языка : В 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; Гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык. – Т. 1: А–И. – 1981. – 698 с.; Т. 4: С–Я. – 1984. – 794 с.

5. Ярославский областной словарь : учебное пособие. – Ярославль : ЯГПИ, 1985. – 148 с.

6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т.; пер с нем и доп. О. Н. Трубачёва / Под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс. – Т. 3: Н – С. – 1987. – 830 с.

7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989. – Т. I. – 555 с.

8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Ін-т мовазнаўства АН БССР. – Мінск : Гал. рэд. БелСЭ. – Т. 2: Г–К. – 1978. – 768 с.

9. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1974–1999. – Вып. 1–26.

10. Сцяшковіч, Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці / Т. Ф. Сцяшковіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 620 с.

УДК 811.161.1'42:398.92:323.272:821.161.1

**УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ
С КОМПОНЕНТОМ РЕВОЛЮЦИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
(на материале Национального корпуса русского языка)**

А. А. Негодина

В статье, основанной на материале Национального корпуса русского языка, рассматриваются особенности сочетаемости различных имен прилагательных со словом-компонентом “революция”, входящим в состав устойчивых сочетаний. Определяется степень употребительности данного слова, приводятся сведения о внеязыковых реалиях, отраженных в художественных и публицистических текстах.

Ключевые слова: революция, контекст, коннотация, имя прилагательное, толкование, Национальный корпус русского языка.

The article, based on the materials of the Russian National Corpus, covers the special aspects of the compatibility of various adjectives with the word component «revolution» in set expressions. The degree of use of this word is determined; the information about the extra-linguistic realities reflected in literary and journalistic texts is given.

Key words: revolution, context, connotation, adjective, interpretation, Russian National Corpus.

Термин *революция* в толковом словаре С. И. Ожегова [1] толкуется следующим образом: ‘коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти’; ‘коренной переворот, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому’.

В данной статье рассматриваются коннотации, выраженные именами прилагательными, применимые к каждому из приведенных значений. Исследуемые нами материалы собраны в Основном корпусе Национального корпуса русского языка [2].

Статистика показывает, что наиболее часто слово *революция* используется в текстах, относящихся к 1920-м годам (рисунок 1):

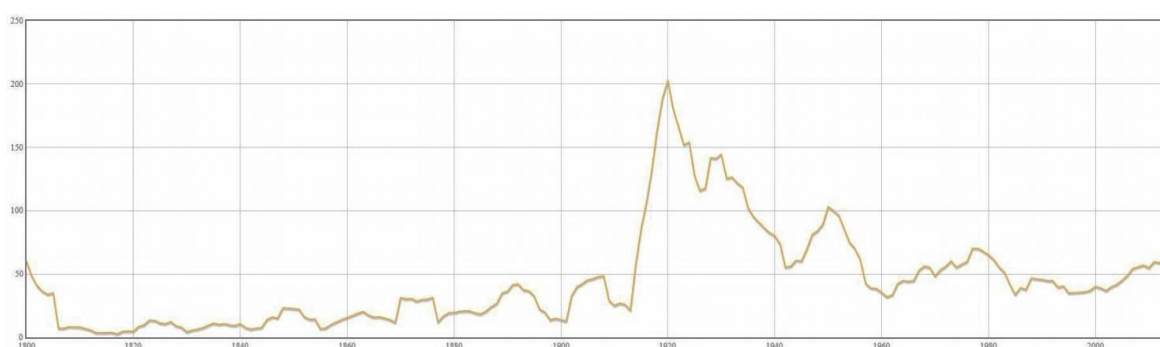

Рисунок 1

По запросу «имя прилагательное + *революция*» нами было найдено 4460 документов. Первый контекст по заданному параметру датируется XVIII веком: *Может статься, или, справедливее сказать, нет сомнения, что медленность турецких полномочных для съезда на конгресс происходит от коварных внушений Франции, которая, конечно, питает турков надеждою скорой революции в Швеции и, следственно, новой у нас с шведами войны* (Д. И. Фонвизин. Письма П. И. Панину (1763–1774)). Существуют следующие толкования слова *скорый*: ‘(о движении) шибкий, проворный, бойкий, быстрый, прыткий’; ‘(о сроке) близкий, наступающий, грядущий’; ‘(о действии) спешный, торопливый, немедленный’ [3]. В приведенном контексте слово *скорый* употребляется в значении действия, что обусловлено исторической «привязкой» контекста.

В анализируемом материале преобладают контексты, включающие сочетания «имя прилагательное со значением указания на национальность + *революция*» (прежде всего *французская революция*): *Другие должны были умолкнуть и уступить новому образу мыслей, новым понятиям, возникшим из хаоса чудовищной французской рево-*

люции (А. С. Шишков. Записки (1780–1814)); *К тому же обстоятельства французской революции наполнили робкую душу Павла несмысленными предубеждениями* (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 (1788–1822)); *Здесь католики умерщвляли реформаторов, реформаторы католиков, роялисты – республиканцев, республиканцы – роялистов; здесь была не одна французская революция* (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)). Факт активности данного сочетания не удивителен, ведь известно, что в XVIII веке произошла Великая Французская революция, нашедшая отклик во всех сферах человеческой деятельности. Устойчивое сочетание *французская революция* представлено в Основном корпусе НКРЯ 1256 раз, пик частотности относится к началу 19 века и 1920-м годам: *...он громко и благодушно ораторствовал, проводя параллель между нашими событиями и французской революцией* (Н. Н. Суханов. Записки о революции / Книга 3 (1918–1921)); *...учитесь, братья казаки, у французской революции, именуемой всенародно великой* (М. С. Шагинян. Перемена (1923)).

В текстах НКРЯ представлены также другие сочетания с адъективами данного семантического типа: *Бингам, который, будучи Французским Агентом во время Американской Революции, нажил миллионы, никогда не хотел звать женщин на пиры свои* (Н. М. Карамзин. Общества в Америке. (Перевод с манускрипта) // «Вестник Европы», 1802); *К несчастью – не здравого рассудка, но этих бедных людей – в конце того же года вспыхнула греческая революция* (О. И. Сенковский. Воспоминания о Сирии (1822)); *Княгиня, будучи в Париже, выдала свою дочь за князя д'Абенберга, который был один из главных участников в нидерландской революции* (Е. Ф. Комаровский. Записки (1830–1835)).

Определения к слову *революция* могут быть негативно оценочными: *Я жил в веселые времена; тогда мы забавлялись от сердца; едва доставало суток на удовольствия, но проклятая революция переменяла нашу радость на слезы* (Н. А. Бестужев. Русский в Париже 1814 года (1831–1840)). Значение слова *проклятый* – ‘ненавистный, проклинаемый’; ‘надоевший, вызывающий досаду, злобу’. Очевидно, что в данном случае слово *проклятый* реализует второе значение, так как революция не только вносит коренные изменения в общественную жизнь страны, но и коренным образом изменяет жизнь каждого человека. Не менее негативную оценку выражает прилагательное *адский*, выступающее как определение для слова *револю-*

ция: *Реальная наука со своими великими открытиями спешит на помощь той адской революции, которую мы сами подготовили, выхватывая ее под разными другими благовидными именами: прогресс, гражданское равенство, свобода, борьба против невежества, суеверий и т. д.* (К. Н. Леонтьев. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года).

Вызывает интерес пример употребления словосочетания *очередная революция*, где стилистически нейтральное прилагательное *очередной* ‘случающийся, появляющийся, имеющий место регулярно’ реализует контекстуально обусловленную отрицательную эмоциональную (иронично-насмешливую) оценку, связанную с представлением о негативных последствиях «регулярных» революционных потрясений: *Они, скажу вслед за Марксом (не за киношными братьями, а вслед за бородастым таким), готовят себе могильщика и очередную революцию* (Сергей Доренко. Левые силы – перезагрузка // «Завтра», 2003.08.13).

Сочетание *октябрьская революция* в текстах НКРЯ представлено в 867 документах 1614 вхождениями. Пик частотности данного сочетания наблюдается в период с 1928 по 1931 годы.

Само сочетание (естественно, в отрыве от временного контекста) не является оценочным, однако при употреблении в контексте оно приобретает определенную коннотацию: *После октябрьской революции нам осталась старая армия с ее богатым, но печальным наследством* (1-й Всероссийский Съезд по физической культуре, спорту и допризывной подготовке // «Русский спорт», 1919); *На самом же деле у нас после Октябрьской революции подъем хозяйства и в первую очередь его государственного сектора шел таким образом, что наряду с восстановлением хозяйства происходила и непрерывная переделка производственных отношений* (Н. И. Бухарин. О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР (1920–1929)). В данных примерах отражается критическое осмысление последствий Октябрьской революции, что обусловлено коренным переворотом в системе политической и общественной жизни, который привел к кризисным явлениям практически во всех сферах Советского государства.

Вместе с тем, встречаются и положительные коннотации, связанные с употреблением данного сочетания: *После Октябрьской революции новые горизонты, более широкие и увлекательные, раскрылись перед ним* (И. Г. Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито (1921)); *Октябрьская революция есть прежде всего интеллигентская русская революция* (Ю. В. Ключников. На великом истори-

ческом перепутье (1922)); *Но только после Октябрьской революции удалось ему получить среднее образование* (Н. Халемский. Альбом учителя // «Огонек». № 49, 1956).

В настоящее время употребление конструкции «имя прилагательное + революция» не утратило актуальности. Это связано с напряженной политической ситуацией в мире. Обращает на себя внимание и то, что слово *революция* входит в ряд устойчивых сочетаний (фразеологизированных конструкций).

Зеленая революция – комплекс изменений в сельском хозяйстве развивающихся стран, имевший место в 1940-х – 1970-х годах и приведший к значительному увеличению мировой сельскохозяйственной продукции [4]: *Так случилось, что «зеленая революция» совпала с резким рывком исследований в области органической химии, позволившим создавать целые классы новых соединений, обладавшими (что очень важно) селективным, то есть избирательным действием на к-л вредители или растения конкуренты с/х культур* (коллективный. О тупости (2015.03.24)); *Как раз в конце 60-х годов в странах третьего мира развернулась «зеленая революция» – внедрение новых высокоурожайных сортов риса и пшеницы* (Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)).

Сланцевая революция – распространенное с 2012 года в прессе обозначение внедрения в промышленную эксплуатацию эффективных технологий добычи газа из залежей сланцевых пород, а также нефти, которое произошло в США в начале 21 века [5]: *Этот энтузиазм был одним из факторов «сланцевой революции», которая позволила США в последнее время догнать Саудовскую Аравию по добыче нефти* (Александр Аничкин. Brent просит пощады // «Огонек», 2015); *Отцом сланцевой революции называют американца Джорджа Митчелла, который первым начал коммерческую добычу сланцев* (Ирик Имамудинов. За нефтяную иглу придется побороться // «Эксперт», 2014).

Оранжевая революция – широкая кампания мирных протестов, митингов, пикетов, забастовок, которая происходила в ряде городов Украины с 22 ноября 2004 по январь 2005 года' [6]: *Все решит право силы – «оранжевая революция» показала тому пример* (Борис Вуйко. Революции быстро не кончаются (2004) // «Эксперт», 2004.12.13); *Как сказал один из активистов оранжевой революции, он поддержал Ющенко, выходя из семьи сельских учителей, потому, что «верил в его селянство, этнографичность и старожитность»* (Александр Механик. Язык, автономия, независимость // «Эксперт», 2015).

Цифровая революция – повсеместный переход от аналоговых технологий к цифровым, начавшийся в 1980-х годах и продолжаю-

щийся в первые десятилетия 21 века; коренные изменения, связанные с широким распространением информационно-коммуникационных технологий, начавшимся во второй половине 20 века, и ставшие предпосылками информационной революции, которая предопределила процессы глобализации и возникновения постиндустриальной экономики [7]: *Но в конце XX века в фотографии произошла цифровая революция: фотоплёнку заменил полупроводниковый сенсор* [Владимир Хорт. «Четыре третьих» в цифровой фотографии: значение имеет не только размер // «Наука и жизнь», 2009); *Как музыкальные компании выживают в условиях цифровой революции?* (Вячеслав Суриков, Сергей Балдин. Невидимая сторона шоу-бизнеса // «Эксперт», 2015).

Таким образом, приведенные контексты позволяют охарактеризовать слово *революция* как номинацию одного из основных понятий современности. Слово *революция*, появившееся в письменных источниках к концу 18 века, тесно связывает историю и язык в целом, служит отражением действительности и позволяет определить отношение к номинируемому событию, взаимодействуя с именем прилагательным, что приводит к появлению оценочных значений. С данным компонентом сочетаются, как правило, оценочные прилагательные, в результате чего возникают устойчивые сочетания слов.

Список использованных источников

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovarozhegova.ru/> – Дата доступа : 08.10.2018.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 05.10.2018.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slovardalja.net/> – Дата доступа : 11.10.2018.
4. Зелёная революция. Википедия // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа : 05.10.2018.
5. Сланцевая революция. Википедия // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа : 05.10.2018.
6. Оранжевая революция. Википедия // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа : 07.10.2018.
7. Цифровая революция. Википедия // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа : 08.10.2018.

ИСТОЧНИКИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ АНТИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

(на материале национальных корпусов и словарей
русского, белорусского и английского языков)

Ю. В. Новогран

В статье рассматриваются группы интернациональных фразеологизмов античного происхождения, отобранных из словарей и электронных национальных корпусов русского и белорусского языков, анализируется этимология данных фразем. Затрагивается вопрос о принадлежности всех фразеологизмов-мифологизмов к интернациональному фонду русского, белорусского и английского языков.

Ключевые слова: интернациональная фразеология, славянская фразеология, мифологизмы, источники фразеологии, национальный компонент.

The international phraseological units of ancient origin, selected from dictionaries with the help of national corpuses of the Russian and Belarusian languages, and their etymology are discussed in the article. The question of the belonging of all idioms-mythologisms to the international phraseological fund of Belarusian, Russian and English is touched upon.

Keywords: international phraseology, mythologisms, sources of phraseology, Slavic phraseology, the national component.

Античная культура является одним из источников интернациональной фразеологии. В лингвистических исследованиях интернациональные фразеологические единицы (далее ФЕ) античного происхождения называются по-разному: мифологизмы у Э. Н. Солодухо, интернациональные фразеологизмы у А. И. Молоткова, античные изречения и фразеологизмы античности у Л. И. Коломиец, интернациональные фразеологические кальки у Ф. И. Томашевича, кальки мифологического происхождения у Г. Н. Шевченко, крылатые выражения античного происхождения у С. Г. Шулежковой, интернационализации фразеологических единиц античного происхождения у Т. М. Шиховой.

В данной статье рассмотрим группы интернациональных фразеологизмов античного происхождения, отобранных из печатных и интернет-словарей, этимологию данных фразем, а также остановимся на вопросе о принадлежности всех фразеологизмов-мифологизмов к интернациональному фонду русского, белорусского и английского

языков. С этой целью проанализируем национальные корпуса русского [1] и белорусского языков [2], а также следующие фразеологические источники: «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» В. В. Серова [3], «Большой словарь русских народных сравнений» В. М. Мокиенко [4], «Большой англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина [5], «Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы ў двух тамах» И. Я. Лепешева [6; 7], «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А. К. Бириха [8], «Cambridge International Dictionary of Idioms» [9].

Интернациональные фразеологизмы античного происхождения можно разделить на три группы.

В первую группу входят фразеологизмы, восходящие к историческим легендам. Рассмотрим этимологию таких ФЕ.

Например, выражение рус. *дары данайцев* – бел. *дар данайцаў* – англ. *Greek gift* взято из «Илиады» и связано с легендой о том, что греки взяли Троя, соорудив огромного деревянного коня и подарив его троянцам. Внутри коня был спрятан отряд воинов [3]. Отсюда и значение фразеологизма – коварные дары, несущие с собою гибель для тех, кто их получает.

Первоисточником ФЕ рус. *со щитом или на щите* – бел. *са шчытом ці на шчыце* – англ. *with the shield or on the shield* является сочинение древнегреческого историка Плутарха (ок. 45 – ок. 127) «Изречения лакедемонянок», в котором он сообщает о том, как спартанка Горга, провожая сына на битву с врагами, протянула ему щит и сказала: «С ним или на нем». Позднее это выражение стало употребляться в общеизвестной форме. Иными словами, спартанка Горго пожелала сыну или победить, или погибнуть (по обычаю, убитых обычно выносили с поля боя на их щитах). Плен, бегство для своего сына-спартанца она не допускала [3]. В современных русском, белорусском и английском языках фразеологизм обозначает призыв победить или погибнуть со славой.

ФЕ рус. *между Сциллой и Харибдой* – бел. *між Сцылай і Харибдай* – англ. *between Scylla and Charybdis* восходит к легенде Древней Греции, которая гласит, что Сцилла и Харибда – два чудовища, которые жили на скалах пролива (каждое на своей стороне) между Сицилией и Итальянским полуостровом. И если мореходы благополучно миновали одно из них, то они не могли считать себя спасшимися – их тут же ждала встреча со вторым чудовищем. Поэтому перед ними стояла задача избежать сразу двух зол при проходе между Сциллой и Харибдой. ФЕ используется в ситуации, когда угроза исходит с двух сторон [3].

Выражение рус. *отогреть змею за пазухой* – бел. *прыграваць*

змяю на грудях – англ. *warm (nourish, harbor) a snake (a serpent) in one's bosom* восходит к древнегреческой притче о землепашце, который нашел замерзшую змею и положил ее к себе за пазуху. Отогревшись, она ужалила своего спасителя [3]. Следовательно, ФЕ используется для номинации проявления заботы и любви к человеку, который впоследствии платит за это неблагодарностью.

Ко второй группе относятся фразеологизмы, имеющие мифологическое происхождение.

Возникновение ФЕ рус. *авгиевы конюшни* – бел. *аўгіевы стайні* – англ. *augean stables* связано с древнегреческим мифом, согласно которому Геракл однажды вычистил обширные конюшни элидского царя (Элида – область Греции) Авгия, которые не чистились 30 лет. Геракл поступил не так, как от него ожидали: он использовал не свою силу, а энергию двух рек – Алфея и Пенея. Впервые этот миф был изложен древнегреческим историком Диодором Сицилийским (I в. до н. э.), а выражение стало крылатым еще в древности: его использовали Сенека («Сатира на смерть императора Клавдия»), Лукиан («Александр») и др. Значение ФЕ: 'о запущенной проблеме, беспорядке в делах и т. д.' [3].

Третья группа представлена фразеологизмами, связанными с деталями быта и обычаями Древней Греции и Древнего Рима.

В Древней Греции существовал обычай награждать победителей музыкальных, поэтических состязаний венками из ветвей лавра. Позже ими увенчивали атлетов, военных и других героев. В связи с этим появились ФЕ рус. *пожинать лавры* – бел. *пажынаць лаўры* – англ. *reap one's laurels*, связанные с упоминанием этого дерева [3].

Происхождение ФЕ рус. *дифирамбы петь* – бел. *пець дыфірамбы* – англ. *sing dithyrambs* связано с обычаем древних греков исполнять хвалебные песни, чтобы прославить бога виноделия Диониса. Такие песни называли дифирамбами. Распевали их во время шумных празднеств – вакханалий. Позже любые восторженно-хвалебные гимны в честь стали обозначать этим выражением. Сегодня ФЕ означает превозносить, чересчур восхвалять кого-либо [3].

Традиция чествовать победителей олимпийских игр послужила основой для возникновения ФЕ рус. *пальма первенства* – бел. *пальма першыинства* – англ. *the palm of supremacy*. На олимпийских играх и других народных состязаниях греки не только увенчивали победителей лаврами, но еще и вручали им пальмовые ветви. Недаром сама богиня победы Ника изображалась с такой ветвью в руках. ФЕ означает выход на первое место, бесспорное преимущество или приоритет [3].

В основе ФЕ рус. *огнем и мечом* – бел. *агнём і мячом* – англ. *with fire and sword* лежит древний способ врачевать раны с помощью хи-

ругического вмешательства («железо») и прижиганий («огонь») – для обеззараживания. Этот способ лечения вошел в историю благодаря легендарному врачу Древней Греции Гиппократу (ок. 460–370 до н. э.), который сказал: «Что не исцеляет лекарство, то лечит железо, что не лечит железо, то лечит огонь» [3].

С обычаем платить налоги связана ФЕ рус. *до греческих календ* – бел. *да грэчаскіх календаў (каляд)* – англ. *till (until) the Greek calends*. Римский император Августа (63 до н. э. – 14 н. э.) говорил так, когда речь заходила о неплательщиках налогов и неисправных должниках. Дело в том, что у римлян календами назывался первый день каждого месяца. И в этот день принято было платить все налоги, а также делать все платежи по финансовым обязательствам. У греков понятия календ не было, и поэтому выражение «отложить платеж до греческих календ» значило только одно – то, что должник вовсе не собирается возвращать деньги [3].

Кроме вышеперечисленных можно также обнаружить ФЕ, которые не имеют прямой связи с античной мифологией, однако включают в свой состав компонент, связанный с античной культурой. Например, русская ФЕ *Геракл сушеный (засушенный)* имеет значения ‘человек слабый, физически неспособный’; ‘обращение к человеку, который необоснованно считает себя физически сильным’ [4]. Исходный образ Геракла в ФЕ *сильный как Геракл* говорит о сильном человеке. Следовательно, значения ФЕ противопоставлены и отрицают друг друга, а значит, происходит развитие образа и фразеологизма.

Та же параллель проводится и при сравнении исходного образа Геракла в такой русской ФЕ, как: *Геракл на распутье* ‘о чьих-либо сомнениях, колебаниях и прочем в условиях, когда выбор очевиден или непринципиален’ [3, с. 175].

Еще одним примером могут послужить ФЕ с исходным образом Сирены. Исходный образ – в древнегреческой мифологии демонические существа, верхняя часть тела которых была женской, а нижняя – птичьей. Чарующим пением они завлекали мореплавателей на опасные рифы и стремнины. На основе данной легенды сформировалась ФЕ: рус. *пение сирен* – бел. *спеў сірэн* – англ. *siren's song*. Пением сирены называют ‘сладкогласные речи, которыми кто-либо старается обольстить легковверного, вовлечь его в опасное предприятие’ [4]. В русском языке есть ФЕ, имеющие косвенную связь с исходным образом Сирен, например, такие русские выражения: *как сирена* ‘соблазнительная женщина’; *обольщать как сирена кого* ‘женщина, ухищренно соблазняющая какого-л. мужчину’; *опасен как сирена* ‘опасный своими речами и писаниями человек’; *сладострастен как сирена* ‘наделённый даром красноречия оратор’ [5, с. 388].

Исходя из вышесказанного, следует заключить, что интернациональными являются ФЕ античного происхождения в тех случаях, когда они:

- 1) присутствуют хотя бы в трех языках;
- 2) отражают самые известные античные сюжеты:
 - а) центральные моменты из античных мифов и легенд;
 - б) самые характерные черты античных героев;
 - в) реалии, детали быта, обычаи древности.

Античные фразеологизмы, переосмысленные и дополненные авторами или народом, обозначающие качества, прямо противоположные исходному образу, как в примере с «засушенным Гераклом», не будут относиться к интернациональной фразеологии, т. к. едва ли более чем в двух, скорее всего, родственных языках может произойти идентичное перестроение фразеологизма с противоположным прототипу качеством. К примеру, данная ФЕ обнаруживается только в русском языке, и даже в родственных белорусском и украинском языках ее нет.

С другой стороны, к группе национальных фразеологизмов такого типа выражения относить нелогично, т. к. в них содержатся преимущественно компоненты культуры, а именно: мифы Древней Греции и Рима, а не страны, в которой данная ФЕ была переосмыслена.

Вероятнее, следует принять точку зрения о принадлежности такой группы фразеологизмов к возникшим самостоятельно в языке. А при наличии эквивалента хотя бы в трех языках считать ФЕ заимствованиями либо кальками, а значит, интернациональными.

Таким образом, интернациональные фразеологизмы античного происхождения могут быть разделены на две группы – интернациональные ФЕ, имеющие прямую непосредственную связь с исходным образом, и ФЕ не античного происхождения, имеющие косвенную связь с исходным образом. Первая подгруппа является значительно большей, т. к. далеко не все интернациональные ФЕ переосмысливаются, а многие из них при современной тенденции развития языка выходят из употребления.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 22.09.2018.
2. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bnkorporus.info/> – Дата доступа : 22.09.2018.
3. Серов, В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 852 с.

4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп. – 2008. – 800 с.
5. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.
6. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. – Том 1 / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2008. – 672 с.
7. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. – Т. 2. Выданне 2-ое, дапоўн. і выпр. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Бел Эн, 2008. – 704 с.
8. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
9. McCarthy, M. Cambridge International Dictionary of Idioms / M. McCarthy. – Cambridge: University Press, 2002. – 608 p.

УДК 811.161.1'42:398.2

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТРОП

О. И. Ревуцкий

Рассматриваются тропы, образованные на основе фразеологизмов. Определяется место фразеологических оборотов в современной тропеической классификации. Исследуются приемы образно-тропеического использования фразеологизмов в поэтических текстах.

Ключевые слова: фразеологизм, троп, столкновение значений, каламбур, метафора, поэтический текст.

The article contains an analysis of tropes produced on the basis of phraseologisms. The place of a phraseological unit in the modern trope classification is defined. Techniques of figurative-trope usage of phraseologisms in poetic texts are studied.

Key words: a phraseologism, a trope, meaning fusion, pun, a metaphor, a poetic text.

В системе образно-тропеических средств современной русской поэзии большое место занимают фразеологизмы. Многие из них образны и сами по себе, однако тропом в полном смысле этого слова

фразеологизм становится тогда, когда становится средством двойного кодирования реальности.

Прежде чем перейти к основной теме статьи, кратко остановимся на некоторых вопросах теории тропа и троповости. Изучаемый современной лингвистикой состав тропов достаточно широк и разнообразен. Это затрудняет возможность представления всего инвентаря тропов как системы. Согласно нашей точке зрения, внести ясность в эту проблему поможет установление интегральных признаков троповости. Предпринятый нами анализ большого количества примеров позволяет прийти к выводам, что к базовым признакам троповости относятся такие, как пересечение несоотносимых понятий, тенденция к преувеличению и преуменьшению отображаемого, представление реальности «наоборот», тенденция к фантастичности. Одно из оснований для подобных выводов видится в фактах совмещения разных названных признаков в одних и тех же тропеических выражениях и в возможности разной трактовки последних с точки зрения тропеической классификации. В качестве примера рассмотрим следующий фрагмент: *Хочешь завтра тебе озорную зарю посвящу. / Напишу на заре: «Это ей посвящается, ей!»* (Р. Рождественский). В данном фрагменте совмещаются два из приведенных признаков троповости: фантастичность и факт крайнего преувеличения (гиперболизация). С одной стороны, описанная ситуация невозможна и, стало быть, фантастична, а с другой – такая фантастичность характеризует величайшую силу чувства лирического героя, готового сделать невозможное.

Из отмеченных признаков троповости тропам, созданным на базе фразеологизмов, свойственен, главным образом, первый из признаков, то есть пересечение разных понятий и понятийных областей, что, однако, не исключает возможности выражать и другие признаки. С точки зрения современной классификации, тропы с фразеологизмами распределяются по двум типам: каламбур и сталкивание значений [подробнее об этом см. 1, с. 51–56]. Под сталкиванием значений часто понимают прием, основывающийся на одновременной реализации значений омонимов или полисемантов. В отношении к фразеологизмам он означает одновременную реализацию значения фразеологического оборота и омонимичного ему свободного словосочетания. Сталкиваться могут и значения отдельных фразеологических компонентов с их общеязыковыми омонимами. Например: *В голове от имен такая каша, / как общий котел пехотного полка...* (В. Маяковский). Фразеологическое значение словосочетания *каша в голове* в значении

‘сумбур, неразбериха’ сталкивается здесь с нефразеологическим – ‘продукт питания’.

Имея общие признаки, каламбур и сталкивание значений обнаруживают и ряд различий. В текстах-каламбурах первостепенную роль приобретает непосредственно сам прием, поэтому знаковая (сигнификативная) ориентация каламбура особенно заметна. Авторы подобных текстов стремятся показать оригинальность и парадоксальность соединения семантически несходного в одном и том же звуковом обличье. Гипертрофированная знаковость каламбура выражается и в концентрации его средств в текстах относительно малого объема (от четырех до восьми строк). При этом семантически разнородные созвучные элементы, как правило, акцентируются в результате расположения в конце стихотворных строк и рифмовки.

В текстах некаламбурного характера сталкивание значений имеет иную направленность. Здесь этот прием не самоцель, а инструмент тропеически выраженных образов, которые могут быть и достаточно развернутыми. Способы организации тропа сталкивание значений могут быть весьма разнообразными, например, объединение в одном контексте фразеологизма и его нефразеологического омонима или одного из словесных компонентов последнего. Возможно также употребление в тексте двух и более таких компонентов с разными значениями. Значения словесных коррелятов фразеологизмов могут быть не прямыми, а метафорическими. Встречается также употребление разных фразеологизмов с одним и тем же словесным компонентом. В составе поэтических текстов сталкивание значений фразеологического характера часто служит для выражения весьма сложного образно-тропеического содержания. В нем всегда проглядывают два смысловых плана, один из которых связан с зоной отправления тропа, а другой – с зоной прибытия. При этом в зоне отправления в большинстве случаев оказываются фразеологизмы, а в зоне прибытия – омонимичные им элементы.

В подтверждение сказанного обратимся к анализу трех поэтических текстов, где в качестве предметов исследования избраны тропеические комплексы с фразеологизмами, выполняющие текстоорганизующие функции и подчиняющиеся общей логике развертывания образного содержания текста.

Вначале рассмотрим текст Р. Рождественского «Часы», в основу которого положена мысль о неотвратимости времени, невозможности выйти за его пределы и отодвинуть свой последний час. Образно-тропеический ряд текста составляют устойчивые выражения, связанные с семантическим полем «время» и созвучные им образные корреляты, в которых переосмыслены оба словесных элемента. Понятию о часах как

хронометре соответствует понятие о часах как об отрезке времени, которые выступают в тексте как одушевленные. Коррелят глагола *идти* (о хронометре) получает смысл движения (о времени). Новый смысл получает и следующее выражение: *Наступит час / на сердце и на горло... <...> Услышишь: / бьют часы! / И всед за этим / почувствуешь: / наотмашь / бьют / часы!*

Текст С. Острового «Синяя сказка» основан на обыгрывании значений фразеологизма *птичий базар* (о большом скоплении птиц) и слова *базар* как места торговли. Реализуется здесь и еще одно значение этого слова: ‘шум множества голосов’. Сталкивание значений в тексте осложняется метафорой – птицам приписывается человеческая способность торговать. В соответствии с этим обыгрывается и значение фразеологизма *птичье молоко*: *Здесь торгуют и молоком, не обычным, а птичьим*. В качестве предметов торговли выступают и реалии природы: синий ветер, небо и т. д., что дает основание рассматривать данную ситуацию как фантастическую.

Сквозной тропеический ряд с фразеологизмами может отличаться и более сложной организацией. Примером может служить текст Е. Евтушенко «Проходной двор», в котором троп сталкивание значений сложным образом переплетается с метафоричностью при доминировании последней. Первое звено тропа – фразеологизм *проходной двор* помимо прямого значения получает смыслы ‘место, где прошло детство поэта’; ‘место, где каждый был у всех на виду’; ‘двор как малая часть страны’ и др. Следующее звено ряда – прилагательное *проходной* в ином значении: *Я ушел со двора, / и стихов проходных наступила пора*. Далее следует метафора *стихи я сделал проходным двором*, где основанием сближения является представление о стихах как о честных, чуждых всяких условностей, неотделимых от судьбы страны и др. Завершает тропеический ряд выражение *придворный поэт проходного двора*, где семантически двуплановы слова *придворный* и *двор*. *Придворный* относится к проходному двору и одновременно имеет отношение к королевскому или царскому двору. В слове *двор* совмещаются значения ‘двор проходной’ и ‘двор королевский или царский’.

Анализ тропеических комплексов с фразеологизмами показывает, что наиболее частыми приемами их распространения являются такие, как сталкивание значений и метафоричность. В подобных тропеических фрагментах нередко обнаруживаются и другие основополагающие признаками троповости, в частности, фантастичность и гиперболизация.

Список использованных источников

1. Ревуцкий, О. И. Метафора, сталкивание значений и каламбур (общность и различие) / О. И. Ревуцкий // Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2007. – № 3. – С. 51–56.

УДК 81'373.2-115:008(=1/=2)(045)

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА В РАЗЛИЧНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРАХ

Л. И. Ромащенко

В статье рассматривается паремиологическая ономастика в контексте различных этнокультур. Анализ охватывает паремии многих этносов, прежде всего славянских (русский, украинский, белорусский, чешский, польский), а также английского, испанского, португальского, финского, азербайджанского языков. Объект исследования – различные классы онимов: антропонимы, теонимы, топонимы, гидронимы и т. п.

Ключевые слова: паремия, ономастика, этнический, антропоним, теоним, топоним, гидроним.

In the article paroemia onomastics as representative of national character is analysed. The analysis embraces phraseology of many ethnoses first of all Slavic (Russian, Ukrainian, Byelorussian, Czech, Polish) as well as English, Spanish, Portuguese, Finnish paroemiography. The object of investigation are different onim classes: anthroponyms, toponyms, teonyms and the like.

Key words: paroemia, onomastics, ethnic, anthroponym, toponym, teonym.

Общечеловеческий феномен – паремии, кроме интернациональных, имеют отличительные, национальные черты.

В широком смысле в состав паремий входят пословицы, поговорки, прибаутки, загадки, приметы, поверья, вещие сны, головоломки, скороговорки, заговоры, небылицы, сказочные формулы, а также формулы речевого этикета и др. Объектом же исследования данной статьи стали пословицы, поговорки народов мира, крылатые выраже-

ния выдающихся представителей разных этносов. Источником фактажа послужила серия «Мудрость народная», издаваемая на протяжении 1973–1987 гг.

Как элемент универсального культурно-ценностного наследия паремии являются репрезентантом ментально-мировоззренческих кодов той или иной этнокультуры; как сокровищница глубинных ментальных архетипов, они особым образом раскрывают языковую картину мира в ее национально-культурной специфике, поскольку разграничивают универсальное и национальное [см.: 4, с. 128].

Среди исторических, культурных, этнографических и других маркеров, придающих паремиям национальный оттенок, прежде всего – языковые. Национальное своеобразие отчетливо проявляется путем вербализации базовых концептов культуры, этносимволов. Первое, на что надо обращать внимание, анализируя особенности реализации универсального и национального в паремийных фондах разных языков, – это «фактор этнокультурной маркированности ключевого слова паремии» [3, с. 46]. Одним из важнейших факторов национально-специфической окрашенности пословиц и поговорок считаем проприальную лексику. Репертуар имен, частотность использования того или иного из них в этнокультуре, а также особенности истории народа, специфика социально-экономических условий, быт, географическая среда – вот факторы, которые, наряду с другими, придают фразеологизму национальный колорит. Оним вместе с апеллятивом входит во фразеологическую систему любого языка на правах компонента паремийной единицы. Именно проприативы как средство формирования этнического и репрезентант его в пословицах и поговорках стали предметом нашего исследования. Известные лингвисты (А. Потебня, А. Шахматов, П. Житецкий, И. Франко и др.), а также современные исследователи (Ю. Авалиани, Л. Авксентьев, Н. Алефиренко, Н. Амосова, В. Белоноженко, В. Ващенко, М. Демский, А. Кравчук, А. Кунин и др.) неоднократно отмечали, что важнейшим структурным элементом фразеологической единицы нередко является оним, придающий устойчивому обороту национальную окраску. Хотя собственные имена в составе паремий и привлекали внимание лингвистов, однако вопрос о роли онимов как репрезентантов этнического требует дальнейших изысканий. Тем более что объектом компаративного анализа становилась, как правило, фразеология двух языков. Рамки нашего исследования значительно шире: сравнению подвергаются паремии многих этносов (для большей наглядности почти все фразеологизмы поданы в построчечном переводе или в литературной обработке). В ракурсе усиливающегося сегодня внимания к различным этнокультурным явлениям

обращение к ономастической лексике как носителю идиоэтнического представляется нам особенно актуальным.

Если универсальное в паремиях с ономастическим компонентом обуславливается главным образом категориальными признаками фразеологии и проприативной лексики, если категория общего базируется на какой-либо смежности (генетической, территориальной и др.), то национальное в них – следствие многих интра- и экстралингвальных факторов. А именно оним – наглядный пример соединения внутри- и внешнеязыкового.

В пословицах и поговорках встречаются в сущности все семантические группы проприативов, но чаще других – антропонимы, теонимы, топонимы, мифонимы, зоонимы. Преобладание в паремиях определенного тематического класса онимов – это уже проявление ментальности. Так, богатая мифология древних латинян и греков обусловила доминирование в их фольклоре имен богов и других героев мифов, а также связанных с ними собственных географических названий. А, к примеру, на мировоззрение и культурное развитие жителей северной Европы большое влияние имел эпос «Калевала» – общее творение карельского и финского народов. Это определило высокую частотность в их паремийном наследии антропонимов, прежде всего имени главного героя этого эпоса – *Вяйнямейнена*. Героем болгарского устного народного творчества является хитрый *Петр*. Высокая степень религиозности народов мусульманского мира отобразилась в ономастике паремий широким использованием теонима *Аллах*. И все же в большинстве паремиологических видов и жанров среди других классов онимов превалируют имена как универсальное средство идентификации личности. Каждый этнос имеет свой реестр имен. И хотя многие народы используют имена греческого и латинского происхождения, ментальность оставляет на именнике свой отпечаток. Антропонимикон в значительной степени регулируется хронотопом – отбором тех или иных имен в конкретную историческую эпоху (более того – в конкретных социальных и др. условиях) на определенной территории. Кроме того, имена подвергаются коннотации, символизируются соответственно менталитету. Так, паремиологическая универсалия, выражающаяся в процессах деономизации, прономинализации, типизации имени собственного, также имеет национальный характер. Например, своеобразная паремийная синекдоха – замена апеллятива *человек*, *простолюдин*, *мужчина* и т. п. личным именем или фамилией – прослеживается в межнациональных соответствиях, где каждый оним этнически маркирован: *Саша и Паша* (рус.) – как «неразлучные друзья» – *David and Jonathan* (анг.); *Иван Иванович* или

Ван Ваньч (рус.) – «надменная, важная персона» – *Jack Horner* (анг.). Понятие «девушка» в паремиях чаще всего выражается популярными в этносе именами: *Маша* (рус.) – *Галя, Маруся* (укр.) – *Zosia* (пол.) – *Miss Nansy* (анг.).

На вхождение имени собственного во фразеологизм, на возникновение коннотации влияют, кроме специфических жанровых признаков, факторы лингвистического и экстралингвистического характера – важные носители этнического: социально-исторический, географический, степень известности денотата, традиции, фольклор. Действенными факторами являются беллетристика, кинематография. Имеет значение также позитивное или негативное отношение к носителю имени. В связи с вышеизложенным, например, в греческой паремиологии «первенство» среди личных имен принадлежит онимам *Яннис* и *Манольес*: *Боялся Яннис зверя, а тот Янниса; Это – конь зеленый, а это – Яннис разумный; Манольес наш приоделся – в те же отрепья оделся; Манольес языком работал, им и дом себе сработал.* У немцев превалируют имена *Фриц, Ганс, Франц*: *Ганс соскучился по пиву, а пиво – по Гансу; Часы могут отстать, но Ганс никогда не опоздает; Расправился, как Франц с сосиской* и др. У португальцев главный герой паремий – *Педро*: *Такой добрый Педро, как и его хозяин; Кто всегда виноват? – Педро.* В английских устойчивых оборотах чаще других встречаются имена *Джон, Мери*, которые отвечают понятиям «англичанин», «англичанка»: *Mary took John's shirts to the cleaners; The bucket was kicked by John* и т. п. У азербайджанцев – *Ашуг* (*Ашуга счастье, когда свадьба, муллы – когда несчастье; Ашуга в дом пустили, а он спрашивает: «Куда положить саз»*).

Наиболее типичные имена выходят за рамки функционирования в определенном языке, превращаясь в маркеры данной нации в представлении других народов. Так, для нас *Фриц, Ганс* тождественны понятию «немец», что прослеживается в паремиологии: *Минулася Фріцю дурниця: наше сало, яйця й паляниця; Показали двері Фріцю зажері.*

В составе фразеологизма онимные компоненты получают способность выражать интерпретированное в языковом сознании ассоциативно-образное значение [см.: 1, с. 6]. Как смысло-структурный элемент паремии имя приобретает коннотативный оттенок, возникающий из многочисленных ассоциативных связей, присущих ониму.

Стилистически окрашенный проприатив – это также продукт определенного общества. Коннотативность, присущая паремийным онимам различных языков, в каждом из них наполняется конкретным национальным смыслом. Особенности денотата, характер связанных с ним ассоциаций, с одной стороны, и своеобразие психики, неповто-

римось менталитета суб'єкта (народа-творця или личности), с другой, порождают специфику эмоционально-оценочного восприятия имени собственного [5, с. 23]. Именно поэтому во фразеологию попадают наиболее типичные для конкретного этноса, наиболее употребляемые в определенной местности антропонимы и другие проприативы, превращаясь в своеобразные ономастические архетипы, в которых концентрируется понятие «типичного представителя нации», носителя тех или иных черт. Так, в паремиологическом фонде восточнославянских языков среди личных имен доминирует *Иван*, коннотативная насыщенность которого разнообразная и сформированная в основном под влиянием народных сказок (*Иван Царевич, Иван-бедняк, Иван-силач, Иванушка-дурачок (Иван-хитрец)* и др.): *Не перший раз Іван бідний; Знайся пан з паном, а Іван з Іваном* (укр.); *Богат Іван – богат и пан* (рус.); *Янка вырас, ды розуму не вынес* (бел.). О популярности имени свидетельствуют, например, пословицы: *На собаку кинь – попадешь в Івана; Ищешь Степана – найдешь Івана, ищешь Демьяна, опять – на Івана* (рус.). Среди других имен, популярных в украинских, русских и белорусских паремиях, – *Савва, Фома, Гришка, Филипп, Макар: Який Сава – така й слава; Їхав до Хоми, а заїхав до куми; Не для Гриця паляниця; Вискочив, як Пилип з конопель* (укр.); *Куда Макар телят не гонял* (рус., укр.); *Паехаць да Абрама на піва* (бел.).

Героини пармий чаще всего именуется *Варварами, Мариями (Машами, Марусями), Феклами, Аннами, Агафьями, Прасковьями* и др.: *Любопытной Варваре нос оторвали; Хороша Маша, да не наша* (рус.); *Ганна така спритна: доки дійде, молоко скисне* (укр.); *Да свайей Параскі скачу цераз пералазкі* (бел.). Многие антропонимы приобрели в пословицах и поговорках обобщенное значение ('неудачник', 'дурак', 'болтун'): *Дурного Кирила і Химка побила; На безлюдді й Хома – чоловік, а Ганка – ще й люди* (укр.); *Pleść jak Piekarski na tękach* (пол.). Поскольку большинство паремий являются достаточно древними, многие имена в их структуре сегодня воспринимаются представителями определенного этноса как раритетные: *Агафон, Пахом, Макар, Панько, Мартын: Наш Агафон доволен и на том; На бедного Макара все шишки валяться* (рус.); *За царя Панька, як земля була тонка; Мартин бабі сестра перша* (укр.).

Выразительными репрезентантами национального являются антропонимы пословиц и поговорок, тождественных или близких по содержанию у многих народов: *По Сеньке и шапка, по Ивашке – рубашка* (рус.) – *По Савці свитка* (укр.); *При царе Горохе* (рус.) – *За царя Хмеля* (укр.); *Za času krále Holce byla groš ovce; Za Marie Teremtete*

(чеш.); *Иване, до роботи! – Ноги болять. – Иване, ходи їсти! – Йду, йду!* (укр.) – *Помоги, Петко, копать. – Спина болит. – Пойдем, Петко, танцевать. – Бегу* (болг.); *Семен, муки, Семен, дров, Семен, туди, звідки знов* (укр., рус.) – *Фигаро здесь, Фигаро – там* (итал.); *Від Івана до Степана* (укр.) – *Chodźić od Annasza do Kajfasza* (пол.). Поскольку в антропонимиконах разных народов обширный интернациональный фонд (например, греческие, латинские имена), то в таких случаях маркером этнического становится фонетическое оформление имени, соответствующее нормам и законам звуковых систем каждого языка: *Иван – Йван – Янка – Ян – Гуан – Хуан – Ованес – Йоганн – Джон – Джованни; Мария – Мери – Мара* и т. п. Античные имена также нередко приобретают национальную окраску. К примеру, *Прометей* в украинцев ассоциируется с личностями Тараса Шевченко, Ивана Франко, дочерью *Прометей* называют Лесю Украинку. Тем более этнически маркированными являются антропонимы-реалионимы (имена известных людей): *Про це не раз казав Тарас* (укр.); *Показав Богун панам дорогу – ледве унесли вони ноги* (укр.); *Висипався Хміль із міха, та й наробив ляхам лиха* (игра слов: *хміль* – «хмель», «растение», здесь – в значении «Богдан Хмельницкий»); *Ад Янкы Купалы паны захищали* (бел.). Национальную окраску имени придают также суффиксы субъективной оценки, творящие деминутивные или другие неофициальные формы онима, что особенно присуще антропонимам славянских языков: *Як у поле – Анцю в боці коле, як до танцю – вже не коле Анцю; Чого Івась не навчився, то й Іван не знатиме* (укр.); *Богат Мирошка, а животов – собака да кошка; Танюшка Аннушке на ушко – все знают* (рус.); *Што будзе, то будзе, а Савка (Грышка) на куце не будзе; Яка Агатка – така й хатка* (бел.); *Еще Петко не родился, а ему уже шапку шьют* (болг.). Популярное в мировой паремии библейское имя *Мария* варьируется в том или ином этносе: *Какова Маша, такова и каша* (рус.); *Казала Маруся: не забарюся* (укр.); *Почему, Мара, прихрамываешь? – Зуб болит* (болг.).

Ритмической организацией каждого языка, а также ее лексиконом определяется отбор личных имен в паремии с целью создания рифмы: *Без Гриця й вода не освятиться; На Миколи, та й ніколи* (укр.); *Każda Maryna może mieć syna; Małgosia dobra gosposia* (пол.).

Как известно, выразительной этнической маркированностью характеризуются прозвища, многие из которых образуют фразеологизмы: *На людях Мурко, а вдома – Мурло* (укр.); *Як нема чого їсти Лінькові, то починає працювати; Доброе утро, Беситанко! – Здравствуй, Голодранко* (болг.).

Имена литературных героев, став во многих случаях нарицательными, также сохраняют свой национальный колорит: *Правдив, как*

барон Мюнхаузен; Где Скотленд-Ярд не сможет, Шерлок Холмс поможет (анг.); *Стецько з печі, Стецько на піч* (укр.).

Действенным фактором, обуславливающим национальный характер фразеологизмов, являются топонимы. Как маркер индивидуальных реалий, собственное географическое название словно «привязывает» паремию к конкретной территории: *Нет города лучше, чем Багдад, нет подруги вернее, чем мать* (тур.); *Из любого села дорога в Турку приведет* (фин.). Топонимы входят во фразеологизм как некий символ. Характер символа формируется под влиянием этнических факторов – событий, связанных с географическим объектом, историей его появления, месторасположением, архитектурными особенностями, нравами жителей. Многие этносимволы стали знаками национальной культуры: *В Одессе и кефаль смеется; Москва слезам не верит* (рус.); *Родственники из Житомира* (рус., укр., бел.); *По Поділля хліб докілья, а ковбасами хлів городять* (укр.); *Щедрий, как житель Габрова* (болг.); *Хаджи с хаджи знакомятся в Мекке* (тур.). У каждого народа есть «главный» город – столица, культурный центр, объект паломничества или место важнейших исторических событий в жизни этноса: *Все дороги ведут в Рим* (лат.); *Правда позволит и из Багдада вернуться* (тур.). Названия именно таких «своих» топонимов формируют идентичное содержание паремий: *Москва не сразу строилась* (рус., укр., бел.) – *Испанцы не скоро возвели Самору* (исп.) – *Не за один час Турку построили* (фин.). В топонимии фразеологизмов увековечены героические страницы истории народов, эпизоды борьбы с завоевателями: *Погиб, как швед под Полтавой* (рус., укр., бел.); *Отступать некуда: за нами Москва* (рус.); *Пока есть Старая Планина, пред турком главу не нагну* (болг.).

Хоронимы, связываясь в составе паремий с другими репрезентантами этноса, дают краткую, но исчерпывающую характеристику стране: *В России что ни дерево, то береза* (рус.); *Без калини нема України* (укр.); *В Финляндии царица – сосна, а княжна – елка* (фин.); *В Египте пирамиды небо держат* (араб.). Имя державы придает фразеологизму патриотическое звучание: *За рідну Вкраїну б'ємось до загину* (укр.); *Хотя Швеция богата, но Финляндия милей* (фин.).

Центром фразеологического оборота нередко выступает гидроним. Однако у каждого народа это не только название водного объекта, но и составная менталитета, часто – символ страны: *Волга-матушка, Днепр-батюшка* (рус., укр.); *Не той тепер Миргород, Хорол-річка не та* (укр.). Многие народы объединяет река Дунай. Название реки – одно из наиболее употребляемых в славянских паремиях. Существуют идентичные по смыслу паремии с этим гидрони-

мом, однако у каждого народа *Дунай* имеет и свою символику. Например, в истории украинского этноса река была своеобразной «границей» между топосом неволи и свободы: *Птах – у вирій, козак – за Дунай; За Дунай, як у рай; За Дунаєм волю маєм* (укр.). Для других придунайских народов – это река жизни, благополучия, достатка, большая и сильная вода: *Дунай дал, Дунай взяв* (венг.); *Свинья из Дуная воду пила, но реку не испоганила* (болг.).

Роль топонимов как фактора, формирующего этнические черты фразеологизма, настолько велика, что дает возможность некоторым исследователям рассматривать пословицы и поговорки с топонимами в их структуре как сугубо национальные [см. 2, с.109–110].

Таким образом, следует подытожить, что среди вербальных средств, создающих идиоэтническое в паремиях, важное место принадлежит ономастике. Резюмируем, что на превращение паремийного проприатива в этнознак влияют популярность антропонима, способность онима превращаться в нарицательное имя, разнообразие деминутивных форм имени, степень социально-культурной информативности топонима и др.

Список использованных источников

1. Алефиренко, Н. Ф. Имена собственные в составе фразеологических оборотов русского и украинского языков / Н. Ф. Алефиренко // VI Республіканська ономастична конференція. Тези доповідей і повідомлень. – Одеса, 1990. – С. 5–7.

2. Дуденко, О. Загальнолюдські та етнічні образи в українських пареміях / О. Дуденко // Мова у слов'янському культурному просторі. – Умань, 2002. – С. 109–110.

3. Коцюба, З. Г. До питання про пареміологічний парадокс / З. Г. Коцюба // Мовознавство. – 2006. – № 4. – С. 41–53.

4. Марчук, У. Асоціативні характеристики концепту „жінка” в українській та польській лінгвокультурах (на матеріалі прислів'їв та приказок) / У. Марчук // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. – Вінниця, 2008. – Вип. 10. – Т. 2. – С. 128–132.

5. Пасік, Н. М. Роль ономастичних компонентів у формуванні фразеологічного та пареміологічного значень / Н. М. Пасік // Мовознавство. – 1999. – № 2–3. – С. 21–30.

6. Скопненко, О. І. Мала філологічна енциклопедія / О. І. Скопненко, Т. В. Цимбалюк. – Київ : Довіра, 2007. – 478 с.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОСЛОВИЦЫ *НА НЕТ И СУДА НЕТ* В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ

И. В. Серикова

В статье рассматривается употребление пословицы “На нет и суда нет” в вербальной части креолизованных единиц, к которым относятся интернет-мемы. Анализируются формальные и семантические изменения, которым подвергается данная пословица в поликодовых единицах.

Ключевые слова: пословица, интернет-мем, креолизованный текст, котоматрица, вербальная часть, иконическая часть, слоган, таглайн.

The article deals with the use of the proverb «What cannot be cured must be endured» in the verbal part of creolised units to which Internet memes belong. Formal and semantic changes of this proverb in polycode units are analyzed.

Key words: proverb, Internet meme, creolised text, kotomatrix, verbal part, iconic part, slogan, tagline.

1. Пословица *На нет [u] суда нет* (‘не может быть претензий, недовольства у кого-либо, если желание не может быть удовлетворено в связи с отсутствием возможности’ [1, с. 677; 2, т. 2, с. 464; 3, с. 1287; 4, т. 4, с. 579]) активно употребляется в интернет-мемах – специфических единицах, функционирующих только в интернет-языке.

В статье употребление пословицы *На нет [u] суда нет* рассматривается на примере креолизованных (синтетических, поликодовых) интернет-мемов, к которым относятся собственно интернет-мемы, комиксы, котоматрицы и интернет-открытки. Креолизованные интернет-мемы – разновидность креолизованных текстов, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык))» [5, с. 180–181].

2. Пословица *На нет [u] суда нет* активно используется в вербальной части мема-комикса «Полностью оправдан (Судья с молотком)» [6]. Мем употребляется с иронией и имеет два значения: 1. Шуточное, доходящее до абсурда, когда подсудимый говорит что-то кэпское, и за это его оправдывают. 2. Обвиняемый с сарказмом объясняет

причину своего поступка, ответ вызывает у судьи сочувствие, и он оправдывает подсудимого.

Форма мема имеет вид трехпанельного комикса с изображением судьи Валерия Степанова и других участников телевизионной передачи «Суд присяжных», которая демонстрировалась на канале НТВ с 2008 года. Однако в Рунете мем стал популярным в мае–июне 2017 года. Комикс строится по однотипному шаблону: судья просит подсудимого сказать последнее слово, обвиняемый говорит что-то, и на последней картинке судья взмахивает молотком со словами «*На нет и суда нет*».

Рисунок 1 – Мем-комикс 1 [7]

Рисунок 2 – Мем-комикс 2 [8].

Выход на экраны телепередач, подобных «Суду присяжных» (в Украине на канале ИНТЕР транслировалось судебное шоу «Судеб-

ные дела» [9] и другие), способствовал появлению серии мемов-комиксов, построенных по образцу мема «Полностью оправдан».

Рисунок 3 – Мем-комикс 3 [10]

Рисунок 4 – Мем-комикс 4 [11]

Рисунок 5 – Мем-комикс 5 [12]

Рисунок 6 – Мем-комикс 6 [13]

В вербальной части таких креолизованных единиц пословица *На нет и суда нет* – это часть диалога или трилога. Эти слова произносит судья после того, как он услышал отрицательный ответ подсудимого. Подсудимыми могут быть участники судебных шоу (см. мем-комикс 3), известные политические деятели – Кадыров Рамзан Ахматович (см. мем-комикс 6) и Янукович Виктор Фёдорович (см. мем-комикс 4), персонажи яростных комиксов – «Me gusta» (мем-комикс 5) [14], название которого переводится с испанского как «Мне нравится».

Иногда в графической части с изображением подсудимого (см. мем-комикс 6) отсутствует, но подразумевается вербальный компонент *нет*, выраженный отрицательной частицей.

Если отрицательный ответ даёт персонаж комикса «Me gusta», который находится за стилизованной решёткой, то лицо судьи заме-

няется ещё одним персонажем яростных комиксов – I see what you did there (ISWYDT; Я знаю, что ты сделал) [15]: фейс с загадочным прищуром, который показывает, что понял тонкую шутку или скрытый смысл происходящего (см. мем-комикс 5). Такая же замена лица судьи происходит в мем-комиксе, в котором подсудимым является Р. А. Кадыров (см. мем-комикс 6).

В речи судьи лексема *нет* (иногда берётся в кавычки) «совмещает» значение ‘неимение, отсутствие’ [3, с. 643], которое реализуется в пословице, и значение *нет* в ответе подсудимого. Изменяется также значение слова *суд* – ‘мнение, суждение’ (в пословице) [1, с. 677] → ‘государственный орган, разбирающий гражданские споры и уголовные дела’ (в мемах) [3, с. 1286].

В некоторых случаях пословица распространяется частицей *ну* и предложением *вы свободны*: простое безличное предложение *На нет и суда нет* трансформируется в сложное бессоюзное.

3. Пословица *На нет и суда нет* является вербальным компонентом в формообразовательной структуре собственно интернет-мемов.

Композиция данных поликодовых образований состоит из двух частей: иконической части – изображения, расположенного на определённом фоне или представленного фотографией, или кадром телепередачи, вербальной части – слогана, обычно набранного крупным шрифтом и расположенного над изображением, и таглайна – пояснительной надписи к слогану, комментирующей или в редких случаях дублирующей слоган.

В таблице пословица представлена в вербальной составляющей «персональных» интернет-мемов из серии «Полностью оправдан» [6], «Сталин» [16], «Я твой дом труба шатал» [17].

			Слоган
Рисунок 7 – Интернет-мем 1 «Полностью оправдан» [18]	Рисунок 8 – Интернет-мем 2 «Сталин» [19]	Рисунок 9 – Интернет-мем 3 «Я твой дом труба шатал» [20]	Изображение
			Таглайн
			Название мемкомплекса

Слова *на нет* анализируемой пословицы выступают в качестве слогана, а *и суда нет* располагаются на месте таглайна. Форма назидательного выражения не трансформируется, изменяются, как и в мемах-комиксах, значения слов *нет* и *суд*.

Модификация значений компонентов пословицы *нет* и *суд* при сохранении формы выражения (см. интернет-мем 4) и её трансформации (см. интернет-мем 5) наблюдается в таглайне мемов с изображением Сердюкова Анатолия Михайловича, бывшего министра обороны Российской Федерации, в отношении которого было возбуждено, а затем закрыто уголовное дело [21]. Вербальная часть в интернет-меме № 5 напоминает диалог между судьёй и подсудимым.

Рисунок 10 – Интернет-мем 4 [22] Рисунок 11 – Интернет-мем 5 [23]

4. Паремия *На нет и суда нет* употребляется в вербальной части интернет-открыток, которая построена в виде диалога между судьёй и подсудимым. Иконическая часть визуализирует разговор полностью (изображены два участника диалога) или частично (нарисован только судья).

В речи судьи пословица, как и в других креолизированных текстах, расширяется за счёт частицы *ну*, трансформируется в восклицательную конструкцию или выражает недосказанность (в конце предложения стоит многоточие). В паремии изменяется значение слов *нет* и *суд*.

Рисунок 12 –
Открытка 1 [24]

Рисунок 13 –
Открытка 2 [25]

Рисунок 14 –
Открытка 2 [26]

5. Отмечены случаи употребления пословицы *На нет и суда нет* в котоматрицах. Эти поликодовые единицы представлены различными фотографиями животных.

Изобразительная часть данной котоматрицы [27] срежиссирована (кот выглядывает из-за дерева и держит в лапе нож), а вербальная часть представлена пословицей, которую «произносит» персонаж. Котоматрица напоминает слова из песни, прозвучавшей в фильме «Приключения Буратино»: «Какое небо голубое, / Мы не сторонники разбоя: / На хвастуна не нужен нож, / Ему немножко подпоёшь / И делай с ним, что хошь» [28].

Рисунок 15 – Котоматрица [27].

Раскодировать котоматрицу можно следующим образом: если кто-то не отдаст по первому требованию то, что является его собственностью, то справедливого суда не будет.

Список использованных источников

1. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ, Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. / А. К. Бирих. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.

2. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А. Н. Тихонова; сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Корольков. Справочное издание : в 2 т. – Т. 2. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 832 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / сост и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 1998. – 1536 с.
4. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. В 4 т. – Т. 4. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. – 1500 с.
5. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 180–181.
6. Полностью оправдан – memepedia.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://memepedia.ru/polnostyu-opravdan/> – Дата доступа : 30.09.2018.
7. Невиновна – zasmeshi.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zasmeshi.ru/cartoon/view/criminals/nevinovna.html>. – Дата доступа : 30.09.2018.
8. Идеальное правосудие – pikabu.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pikabu.ru/story/idealnoe_pravosudie_3580502. – Дата доступа : 30.09.2018.
9. «Судебные дела» – новое шоу на телеканале «Интер» – inter.ua [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://inter.ua/ru/news/2009/01/08/3577>. – Дата доступа : 30.09.2018.
10. На нет и суда нет – ucrazy.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ucrazy.ru/pictures/1477898028-prikoly-na-lyubitelya.html>. – Дата доступа : 30.09.2018.
11. На нет и суда нет – pikabu.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pikabu.ru/story/vsya_sut_sudebnoy_sistemyi_328707. – Дата доступа : 30.09.2018.
12. На нет и суда нет – pikabu.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pikabu.ru/story/chast_25_3825361. – Дата доступа : 30.09.2018.
13. Кадыров, комиксы – Поиск в Google [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.google.ru/search?newwindow=1&biw=1093&bih>. – Дата доступа : 30.09.2018.
14. Me Gusta Guy – memepedia.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://memepedia.ru/me-gusta-guy/> – Дата доступа : 30.09.2018.
15. Я знаю, что ты сделал – memepedia.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://memepedia.ru/iswydt/> – Дата доступа : 30.09.2018.

16. Мемы со Сталиным – memepedia.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://memepedia.ru/memy-so-stalinym/> – Дата доступа : 30.09.2018.
17. Я твой дом труба шатал – memepedia.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://memepedia.ru/ya-tvoj-dom-truba-shatal/> – Дата доступа : 30.09.2018.
18. На нет и суда нет – Поиск в Google [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.google.ru/search>. – Дата доступа : 30.09.2018.
19. Мемы со Сталиным – Поиск в Google [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.google.ru/search>. – Дата доступа : 30.09.2018.
20. На нет и суда нет – Поиск в Google [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.google.ru/search>. – Дата доступа : 30.09.2018.
21. Сердюков Анатолий Эдуардович – wikipedia.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа : 30.09.2018.
22. На нет и суда нет – Поиск в Google [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.google.ru/search>. – Дата доступа : 30.09.2018.
23. Иванов о назначении Сердюкова – Я плакаль [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.yaplakal.com/forum1/st/100/topic1239357.html>. – Дата доступа : 30.09.2018.
24. На нет и суда нет – atkritka.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://atkritka.com/3787/> – Дата доступа : 30.09.2018.
25. На нет и суда нет – atkritka.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://atkritka.com/153718/> – Дата доступа : 30.09.2018.
26. Лучшие цитаты и афоризмы в картинках – newstheme.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.newstheme.ru/?page_id=1723. – Дата доступа : 30.09.2018.
27. На нет и суда нет – kotomatrix.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kotomatrix.ru/>. – Дата доступа : 30.09.2018.
28. Песня кота и лисы – karaoke.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.karaoke.ru/song/5431.htm>. – Дата доступа : 30.09.2018.

ИГРА С НЕОФРАЗЕМАМИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ УКРАИНЫ

Н. С. Собченко

В статье исследуется явление задеирования неофразем в русскоязычном рекламном дискурсе Украины. Представлена классификация неофразем в рекламном дискурсе, а также отдельно выделены и проанализированы рекламные тексты, в которых происходит игра с трансформированными прецедентными феноменами.

Ключевые слова: языковая игра, рекламный дискурс, неофразема, реклама, фразеология.

The article explores the phenomenon of engaging neo-fraz in the Russian-language advertising discourse of Ukraine. The classification of neo-fraz in the advertising discourse is presented, and also the advertising texts in which the game takes place with the transformed precedent phenomena are separately identified and analyzed.

Key words: language game, advertising discourse, neo-phrase, advertising, idioms.

Одним из важнейших условий успешности рекламирования является способность сообщения заинтриговать адресата. Поскольку языковая игра основана на нарушении общепринятых языковых и речевых норм, а необычное люди замечают быстрее и охотнее, чем обычное, вот почему игровые приёмы призваны заинтересовать.

Игровые приёмы, задеированные в рекламном дискурсе, учёными-лингвистами классифицируются по-разному. Чаще всего их классифицируют при помощи уровней языка, так как в современном рекламном дискурсе языковая игра встречается на всех уровнях языка. Особый интерес представляют новые слова, созданные в рекламе при помощи языковой игры. Важно отметить, что в рекламе появляются именно окказионализмы, так как данные слова создаются по случаю и являются единичными, не теряя своей новизны с течением времени.

На основе теории ассоциативного потенциала слова Т. А. Гридина рассматривает операциональные приёмы и механизмы языковой игры и предлагает, вслед за Е. А. Земской, классификацию «игрем», своеобразных: а) по форме; б) по содержанию; в) по форме и содержанию. Основой этой классификации являются окказиональные

образования, представляющие собой неузуальные, не соответствующие общепринятому употреблению лексические единицы [2, с. 7].

Языковая игра строится по принципу намеренного использования отклоняющихся от нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы явлений: «Языковая игра порождает иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания или объективирует новое содержание при сохранении или изменении старой формы» [2, с. 9]. Языковая игра, таким образом, размывает границу между «языком» и «речью», точнее между кодифицированным литературным языком и разговорной речью. Языковая игра «двунаправлена по отношению к языку и речи» [2, с. 9]. Она вскрывает пограничные, парадоксальные случаи бытования (функционирования) языкового знака. При описании формы слова Л. В. Щерба, в частности, писал: «Здесь, как и везде в языке (в фонетике, в “грамматике” и в словаре), надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста, так как здесь именно и подготавливаются те факты, которые потом фигурируют в исторических грамматиках, иначе говоря, так как здесь мы присутствуем при эволюции языка» [11, с. 64].

Т. С. Пристайко в статье «О некоторых терминологических проблемах современной неологии» пишет о том, что по форме слова выделяются три вида неологизмов (равно как и окказионализмов): лексические, семантические, фразеологические, или же неолексемы, неосемемы, неофраземы. Наиболее разветвлённый синонимический ряд сложился для семантических неологизмов (слов с новым значением, сравн.: *память компьютера, прессинг обстоятельств*): неосемы, неосемантизмы, семантические инновации, семантические окказионализмы, лексико-семантические неологизмы, семантические новообразования, переосмысления, неологизмы по значению, неологизмы-значения, неологизмы значения [4]. Мы считаем целесообразным именовать единицы, использованные на фразеологическом уровне, с целью создания языковой игры – неофраземами (вслед за Т. С. Пристайко), так как данный термин лаконично выражает идею и особенность данного явления.

Использование языковой игры на фразеологическом подуровне языковой системы активно представлено, так как моделирование фразеологизмов даёт возможность обратить внимание и наполнить всем известные фразы новыми смыслами. Использование фразеологизмов имеет функцию развлекательности и оригинальности. Однако в сов-

ременной русской лингвистике существует немного работ, которые посвящены этой теме. Благодаря употреблению фразеологизмов рекламный текст лучше воспринимается и воздействует на покупателя.

Каждой паре по паре (реклама магазина «Алло» к 14 февраля – Galaxy Note).

Происходит трансформация выражения *Всякой твари по паре*. Как отмечают авторы книги «Крылатые слова», «так шутливо говорят о смешанном, пёстром составе людской группы, толпы, общества. Выражение это возникло на основе библейского мифа о всемирном потопе, от которого спасся только благочестивый Ной со своей семьёй, так как Бог научил его построить ковчег. Ной, по повелению Бога, взял с собой по семь пар «чистых» и по две пары «нечистых» всех пород животных, птиц и пресмыкающихся для сохранения жизни на земле после потопа (Бытие, 6, 19–20, 1–8)» [1, с. 67].

Спортсменом можешь ты не быть, но «Адидас» носить обязан! (реклама спортивной одежды «Адидас»).

Водить ты можешь не уметь, но застрахован быть обязан (реклама страховой компании «Vdt»).

Строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин» *Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан* часто используется как шутливо-ироническая форма напоминания об общественном долге.

Ночной клуб «H2O» – красиво отдыхать не запретишь (реклама ночного клуба).

Трансформация выражения *Красиво жить не запретишь*, получившего особую популярность после выхода в свет фильма А. Васильева в 1983 году.

Куйте скидки, не отходя от кассы (реклама Строймаркета)

Данный пример является интересным для анализа, так как происходит несколько трансформаций одновременно. Во-первых, на лицо явная трансформация фразы из знаменитого советского фильма «Бриллиантовая рука» *Куй железо, не отходя от кассы*. Сама же эта фраза объединяет в себе русскую поговорку *Куй железо, пока горячо* и девиз торговли в советский период *Считайте деньги, не отходя от кассы*. Говоря же о цитировании фразы из фильма, мы обращаемся к понятию прецедентности и прецедентного текста.

Понятие прецедентности в современной лингвистике исследуется в нескольких аспектах:

1) когнитивный аспект, который связан «с поисками ответов на вопросы о механизмах их хранения в вербальной памяти индивида и актуализации в том или ином дискурсе» [9, с. 406];

2) прагматический аспект, который связан с использованием прецедентных текстов в качестве оценки мотиваций и поступков людей, а также средства воздействия и самооценки;

3) лингвокультурологический аспект, который направлен на изучение прецедентных текстов как «культурнознаковых» высказываний, «опирающихся на общность универсальных – социальных, культурных или языковых – фоновых знаний автора и читателя» [8, с. 47].

Прецедентный текст так и не нашёл однозначного понимания в современной лингвистике на сегодняшний день. Данное понятие было введено ещё в 1986 году Ю. Н. Карауловым, который прецедентными называл «тексты, значимые для той или иной личности в познавательных и эмоциональных отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5, с. 216].

По мнению Г. Ф. Ковалева, «всё чаще данный термин посещает сферы языка и культуры, где он понимается как феномен первичного образца, поставленного для оценки или сопоставления, чтобы какое-либо явление было вторично создано благодаря опоре на тот образец, который уже был» [6, с. 158].

Использование прецедентных текстов апеллирует к культурологическим, историческим, литературным и другим познаниям реципиента. В. Г. Костомаров отмечает это, подчёркивая, что «достаточно не скрупулёзно обозначать расчленённые предметы и понятия, но лишь намекать на них, называть целые сферы, явления и акции» [7, с. 67]. Это касается задействования аллюзий и ременисценций. Аллюзия означает «намёк» и по своей сути реализуется в, так сказать, подсказке, которую получает читатель в процессе толкования текста. Объяснить это можно феноменом цитатности сознания, заключающимся в невозможности создать текст, который не обладал бы аллюзией по отношению к другим, уже существующим дискурсам. На этой теории базируется идея постмодернизма.

Спорным вопросом является и вопрос о классификации прецедентных текстов. С. В. Ильясова, Л. П. Амири, рассматривая прецедентные феномены в языке СМИ, подразделяют все тексты на ядро и периферию. К ядру относят художественные тексты. Е. А. Земская прецедентные тексты подразделяет в зависимости от источника цитирования на стихотворные цитаты, прозаические цитаты, строки из известных песен, названия художественных и публицистических произведений, названия кинофильмов, пословицы, поговорки, крылатые

выражения. Существует подобная классификации и обыгрывание прецедентности в рекламных текстах, при этом выделяются следующие типы: 1) поэзия и художественная литература, включая библейские тексты, мифологию, фольклор; 2) фразеологизмы; 3) художественные фильмы и мультфильмы; 4) фоновые знания из области культуры, науки и истории: музыкальные произведения, живопись, исторические события и т. п.

Говоря о трансформированных прецедентных феноменах в рекламном дискурсе, на наш взгляд, необходимо выделить следующие группы, опираясь на источник цитирования:

1) цитирование строчек из песен:

С чего начинается ТУРция? (реклама турфирмы «7 дней»). Сравн.: *С чего начинается Родина?* Из к/ф «Щит и меч», автор слов М. Матусовский.

2) цитирование фраз героев художественных произведений:

Достаточно одной «Секунды» (реклама моментального клея «Секунда») Сравн. фразу из фильма «Бриллиантовая рука» *Достаточно одной таблетки.*

Это говорю Вам я. Спрей. Нокс Спрей (реклама лекарственного препарата «Нокс Спрей»). Интересно, что аллюзия с известной фразой возникает только за счёт параллельности структуры предложения. Не повторяется ни одно слово, но мы легко угадываем знаменитую фразу из фильма о Джеймсе Бонде, причём как при письменном восприятии, так и при аудиальном. Аудиальную рекламу ещё сопровождает интонационное подражание.

3) цитирование названий художественных произведений:

Десять дней, которые не потрясут ваши кошельки (реклама турфирмы «7 дней»). Трансформация названия книги Д. Рида «10 дней, которые потрясли мир».

Тысяча и одна бутылка (реклама сети магазинов).

4) цитирование мультфильмов:

Хоть всю землю обойдёшь – лучше цен ты не найдёшь! (реклама горящих путёвок фирмы «Туризм и спорт»). Сравн.: *Хоть полсвета обойдёшь – лучше дома не найдёшь!* из м/ф «Три поросёнка».

5) фразы известных исторических лиц:

Пришёл, Увидел, Отдохнул (реклама туристической фирмы «Форсаж+»). Трансформация слов Юлия Цезаря *Veni, vidi, vici*. Данная фраза очень полюбилась рекламодателям, её трансформируют разные компании:

Пришёл, Увидел и Унёс (реклама ноутбуков в магазине «Jysk»).

Мы считаем, что причина такой популярности данного высказывания в лаконичности и возможности лёгкой трансформации. В силу того, что два первых компонента остаются неизменными, реципиент, при чтении, сразу узнаёт аллюзию, а трансформированный третий глагол направляет читателя на активное действие, направленное на покупку товара или приобретение конкретной услуги.

Подводя итоги, хочется отметить, что в целом фразеологизмы являются миниатюрными художественными произведениями, что позволяет легко их задействовать в разных стилистических целях. По своей природе фразеологизмы обладают яркой образностью, стилистической окраской, что даёт предпосылки для их использования в экспрессивной, и, прежде всего, в художественной и публицистической речи. Эстетическая роль фразеологических средств определяется умением автора отобрать нужный материал и ввести его в текст. Такое употребление фразеологизмов обогащает речь, служит «противоядием» против речевых штампов.

В целом же исследование использования фразеологизмов в рекламном дискурсе показывает, что фразеологизмы активно представлены в русскоязычной рекламе. Причина заключается в некоторых свойствах фразеологизмов. Во-первых, фразеологизмы известны большому количеству людей, поэтому такой рекламный текст легко запоминается и воспринимается. Во-вторых, трансформация фразеологизмов всегда привлекает внимание покупателя к такому рекламному тексту благодаря своей оригинальности и неповторимости. И, в-третьих, неофраземы обладают образностью, вследствие чего происходит сильное эмоциональное воздействие на реципиентов. Кроме того, как известно, сама фразеология является отражением духовного мира народа, показателем истории его становления, ментальной базой, задействование которой не может не отразиться на положительной оценке реципиентов.

Список использованных источников

1. Ашукин, Н. С. Крылатые слова / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – 4-е изд., доп. – М. : Художественная литература, 1988. – 526 с.
2. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. ГПИ, 1996. – 215 с.
3. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д. Б. Гудков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. – С. 146–159.

4. Земская, Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1983. – С. 172–214.

5. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные направления и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Шестой международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. – М., 1986. – С. 215–220.

6. Ковалев, Г. Ф. Имя собственное как прецедент в рекламе / Г. Ф. Ковалев // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». – Воронеж, 2004. – № 1. – С. 158–164.

7. Костомаров, В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвилова. – М.: Моск. ун-т, 2001. – 72 с.

8. Лисоченко, О. В. Культурный компонент газетных заголовков / О. В. Лисоченко // Проблемы лингвистики текста в культурологическом аспекте: межвузовский сборник научных трудов. – Таганрог, 2001. – С. 47–48.

9. Наумова, Е. О. Прецедентные тексты: аспекты изучения и функционирования в публицистическом дискурсе / Е. О. Наумова // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – М., 2004. – С. 406–407.

10. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык. Лексика: учебное пособие / Д. Н. Шмелёв. – 5-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2003. – 336 с.

11. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М.: Азбука, 1975. – С. 321–346.

УДК 811.161.1'42:398.92

«РУССКАЯ ИДЕЯ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С. Н. Стародубец

В статье рассматривается специфика репрезентации составного наименования “русская идея” в современном русском языке на материале Национального корпуса русского языка. Установлено, что план выражения составного наименования представлен пятью ос-

новными и пятью маргинальными вариантами. План содержания составного наименования определён, с одной стороны, концептуальным содержанием, спроецированным историко-культурной составляющей смыслового поля, с другой стороны, содержанием, актуализированным в период второй половины XX – начала XXI века.

Ключевые слова: составное наименование, концепт, идеологема, Национальный корпус русского языка, вторичная номинация, амбивалентность.

The article deals with the specifics of the representation of the compound name of “the Russian idea” in the modern Russian language by the material of The national corpus of the Russian language. It is established that the plan of expression of the compound name is represented by five basic and five marginal variants. The plan of the content of the compound name is determined, on the one hand, by the conceptual content projected by the historical and cultural component of the semantic field, on the other hand, by the content actualized during the second half of the XX-beginning of the XXI century.

Key words: compound name, concept, Russian National Corpus, secondary nomination, ideology, ambivalence.

Концепция воспроизводимости, как известно, обуславливает широкое понимание фразеологизмов, при котором и фразеологические единицы, и составные наименования (СН) относятся к одной категории (В. Л. Архангельский, Н. М. Шанский, А. В. Кунин и др.), семантическая концепция основана на критериях целостности, образности, экспрессивности, определяющих статус устойчивой языковой единицы (Ю. П. Солодуб, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия и др.), предполагает невключение СН в группу фразеологических единиц языка.

«Различие в характере и степени образности СН и фразеологизмов обусловлено теми функциями, которые они выполняют в языке. Для СН, как и для слов, в качестве основной выступает номинативная функция: СН являются средством называния, выделения и классификации обозначаемого. Коннотативный компонент, играющий существенную роль в семантической структуре фразеологизма, представляется факультативным для СН с точки зрения структурно-системных отношений, хотя и способствует устойчивости СН, а также придаёт ему стилистическое единство» [1, с. 165]. Мы разделяем семантическую концепцию фразеологизма.

Составными наименованиями, как известно, называются сочетания слов, которые обозначают явления действительности и представ-

ляют собой объединение, обладающее смысловым и структурно-грамматическим единством, которое приравнивается к одному слову. Они выступают как общее понятие о каком-либо классе предметов реального мира. Своими структурно-семантическими свойствами они похожи на переменные словосочетания, а употреблением – на фразеологизмы. Тем не менее составные наименования представляют собой устойчивые словосочетания иного рода. Для них характерна лексическая делимость слов-компонентов. А. Н. Кожин считает, что они обладают «целостным, но лексически делимым смыслом, мотивируемым значением объединенных слов» [2, с. 40]. Соответственно, с семантической точки зрения данные языковые единицы фразеологизмами не являются.

Компоненты составных наименований выступают в качестве указателей отличительных свойств обозначаемого, в связи с этим каждый из них несет частицу общего смысла. Главным свойством их семантики является возможность разложения общего значения на составляющие. По мнению А. Н. Кожина, смысл «составного наименования обусловлен лексическим значением непосредственно составляющих» [Там же, с. 37]. Устойчивая лексическая сочетаемость составляющих частей способствует созданию нового значения, заключающего в себе реалии внеязыковой действительности. Полученное в результате значение является органически целым, качественно новым единством, доминирующим над значениями его составляющими и при этом сохраняющим ясность семантики компонентов.

Считаем возможным согласиться с позицией профессора А. В. Бурова, включающего СН в зону номинационного аналитизма [3] (или контаминированного способа номинации [1]).

Составное наименование *русская идея*, на наш взгляд, представляет собой двухкомпонентное образование, возникшее путем распространения имени существительного именем прилагательным, характеризуется контекстуальным контаминированным (философским, политическим, религиозным и эстетическим) планом содержания (в результате вторичной номинации, когда атрибут маркирует контекстуальное «приращение» плана содержания [4, с. 225]).

Как было отмечено нами ранее, концепт «*русская идея*», идеология, является ядром, вокруг которого иерархически концентрируется доминирующая система понятий, репрезентирующих религиозно-философскую картину мира русского зарубежья первой половины XX века. Типология вариантных составляющих концепта «*русская идея*» в русской лингвокультуре может быть представлена через концепт-образ, концепт-образ – концепт-фрейм, концепт-фрейм, концепт-

прототип [4, с. 1–46]. Что касается дискурса произведений И. А. Ильина, то здесь необходимо говорить о концепте «*русская идея*» как о целостной совокупности образов («гештальтов»), ассоциирующихся с именем определенной абстрактной сущности, сама же совокупность образов, привлекаемых для дефинирования плана содержания концепта «*русская идея*», признана нами прототипической, аппелирующей к концептам «*свобода*», «*любовь*», «*сердце*», насыщенным этнокультурным содержанием. Соответственно, концепт «*русская идея*» в дискурсе И. А. Ильина репрезентирован как концепт-прототип.

Обратимся к Национальному корпусу русского языка [6]. По запросу было выявлено 140 употреблений составного наименования «*русская идея*» в Основном корпусе и 68 в Газетном. Проанализируем план выражения составного наименования на основе выбранных из НКРЯ контекстов и план содержания атрибутивного составного наименования с учетом синтагматики микроконтекста.

В контекстах, представленных в НКРЯ, анализируемое составное наименование с наибольшей частотностью встречается в пяти вариантах: *Русская Идея*, «*Русская идея*», *Русская идея*, *русская идея*, «*русская идея*».

Вариант 1: *Русская Идея*.

Составное наименование *Русская Идея* в Основном корпусе НКРЯ употребляется в 9% от общего числа контекстов, а в Газетном – в 8%.

1. Основной корпус: *Спасение Русской Идеи (и русской культуры в целом) я вижу в том, что она всегда располагалась на путях открытий законов природы и законов действительного общежития* (Георгий Бурков. Хроника сердца (1953–1990); *Если и существует Русская Идея, то в «Русском фашизме» она нашла своё современное отражение* (Егор Холмогоров. Русский горизонт // «Спецназ России», 2003.03.15); *Ряд высказываемых далее мыслей с большей полнотой развиты мною в брошюре «Восток, Запад и Русская Идея», Петерб.* (Л. П. Карсавин. О сущности православия (1922)).

2. Газетный корпус: *Он, может быть, и до сих пор не знает, в чём состоит та самая Великая Национальная Русская Идея* (Александр Гамов. Успеет ли Путин спасти Россию? // Комсомольская правда, 2001.03.27).

Употребление двух прописных букв в написании СН определяет его особый символический смысл – персонификацию Божественного, Света как факт великой миссии России и её интеллигенции (*Иногда эти светлые умы даже не догадываются, что их ведёт Русская Идея; Чтобы сбить свет Русской Идеи, необходимо было истребить*

цвет русской интеллигенции (Георгий Бурков Хроника сердца (1953–1990)).

Вариант 2: «Русская идея».

«Русская идея» в Основном корпусе НКРЯ употребляется в 8% от общего числа контекстов, а в Газетном – в 6%.

1. Основной корпус: *Об А. Янове он отзывается несколько свысока, убежденный, будто бы автору книги «Русская идея и 2000-й год» («как и Д. Данлопу» – американскому исследователю «русской правой»)* «свойственно некоторое преувеличение в описании возможностей “победы” в России русского национализма» (Е. А. Вагин. О «русском национализме» в постсоветском пространстве (2006.02.18) // «Наша страна» (Аргентина)); *Серия «Русская идея» предлагает произведения отечественных мыслителей-патриотов разных эпох, голосами которых перед читателем предстанет основополагающая идея национального самосознания нашего народа в ее историческом становлении* (Священник Виктор Пантин. Предисловие (2002)); *В Москве прошла презентация книги бывшего президента Финляндии Мауно Койвисто «Русская идея» – курс русской истории от варягов до Путина на 241 странице* (Новости // «Витрина читающей России», 2002.09.13.).

2. Газетный корпус: *Монография «Русская идея В. М. Шукина» М., 1999 г.* (Владимир Сигов: «Русский язык как второй государственный – полезен Украине» // Новый регион 2, 2007.11.13); *В одной из его книг есть глава «Русская идея»* (Гусейнов Рафаэль. Смерть журналиста // Труд-7, 2004.07.13.)

«Русская идея», исходя из представленных контекстов, – это наименование, используемое для обозначения названий книг, серий книг, телепрограмм.

Вариант 3: Русская идея.

В Основном корпусе встречается в 5% случаев, в Газетном корпусе – в 3%.

1. Основной корпус: *Порожденная православным сознанием Русская идея постоянно вбирала в себя духовные свойства народа, одновременно выражая и его «особенную физиономию», как говорил Пушкин, видя ее «в образе мыслей и чувствований, тьме обычаев, поверий и привычек. <...> мы могли бы рассматривать «Снегурочку» как своеобразное формулирование на языке изобразительного искусства Русской идеи* (Марина Петрова. В. М. Васнецов. «Снегурочка». Нетрадиционный анализ в традиционном историческом контексте // «Наш современник», 2004.07.15); *В развёрнутом изложении содержания Русской идеи она предстаёт как выражение сущности рус-*

ской (русско-славянской) цивилизации, русского образа жизни, для которого, по его словам (Е. С. Троицкого – пояснение наше: С.С.), «были характерны понимание трудолюбия как добродетели, взаимопомощь, коллективизм в рамках общины и артели, вместе с тем подвижничество, предприимчивость, предпринимательство, инициатива, преклонение перед мужеством и удачью, следование высоким морально-этическим принципам честности и порядочности» (Актуальность русской этнополитологии // «Жизнь национальностей», 2001.11.23); *Опонское царство и Русская мечта, Беловодье и Святая Русь, Вся Правда и Коммунизм, Русская идея и Духовность – все это лики должного* (Н. Л. Захаров. Система регуляторов социального действия российских государственных служащих (теоретико-социологический анализ) (2002));

2. Газетный корпус: *Существует ли Русская идея? <...> Русская идея для меня – воображение, понимание гармонии и красоты, эстетическое и нравственное осознание мира. <...> Русская идея – дети, не нюхающие клей в подвалах, а читающие Пушкина в школах. <...> Русская идея – люди разумные, а не люди прямоходящие, спиливающие мешающую им сосну и плюющие в ручей. <...> Русская идея – человек Ной, а не человек Потоп* (Андрей Седов, Лариса Кафтан, Александр Гамов, Александр Ермаков и Алексей Енисенков («КП» – Калининград), Эмма Кинас («КП» – Петропавловск-Камчатский)). Ищем Национальную идею России // Комсомольская правда, 2005.04.21).

Данный вариант фиксирует «выражение сущности русской цивилизации», многоликость её духовного смысла как ценностной составляющей русской культуры наряду с «Русской мечтой», «Правдой», «Святой Русью».

Вариант 4: русская идея.

Это наиболее распространенный вариант употребления данного составного наименования. В Основном корпусе такое употребление встречается в 69%, в Газетном – в 62%.

Рассмотрим составляющие смыслового поля СН с применением методики фреймовой репрезентации знаний, относящихся к определенной предметной области.

1. Основной корпус НКРЯ.

Тематическая область «национальная, духовно-национальная».

• *Национальная русская идея возникла при великом князе московском Дмитрие Донском (1350–1389)* (А. В. Суперанская. Человек – фамилия – национальность // «Наука и жизнь», 2009);

• *Исторически сложившееся наименование его национальной идеологии – русская идея* (Национальная идея современной России // «Жизнь национальностей», 2002.10.14);

• *Русская идея не только глубоко народная вера, порождение национальной цивилизации, но и научная теория успешного развития, возрождения народа, разработка которой шла со времени его выхода на историческую арену* (Русская идея: национальное и общероссийское // «Жизнь национальностей», 2002.06.05);

• *Таким образом, русская идея – это феномен национального самосознания* (Русская идея: национальное и общероссийское (2002) // «Жизнь национальностей», 2002.06.05);

• *Русская идея есть теоретическая и духовная доктрина обеспечения независимости святой Руси, возрождения нации, ее превращения прежде всего в народ для себя, это ядро воссоздаваемой общественно-государственной идеологии великой России, осознание себя нацией, осмысленное стремление народа к утверждению национального государства, лучшей действительности, совершенствованию своей цивилизации и образа жизни, концентрированное и возвышенное проявление сущности Отечества, национальной психологии, мужества и жертвенности, воинской доблести, духовности нашего народа, его нужд и потребностей в экономике, политической, социальной, культурной, международной жизни* (Русская идея: национальное и общероссийское // «Жизнь национальностей», 2002.06.05).

Тематическая область «православие, соборность».

• *А посему и главной проблематикой ее было вопрошание о том, что есть русская идея, соборность, православие...* (Сергей Смирнов. Русский Гамлет // «Знание–сила», 2006);

• *Служение «Святой Руси» как Божьему замыслу о России – и через нее самому Богу – и есть та русская идея, которую весь XX век разыскивала наша безбожная интеллигенция* (Валерий Андреев. Национальные модели экономики // «Наш современник», 2004.07.15);

• *Русская идея была сформулирована как идея Соборности* (Георгий Киреев. От национальной утопии к национальной идее // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.16);

• *Стало быть, русская идея – это во многом феномен религиозного сознания* (Русская идея: национальное и общероссийское // «Жизнь национальностей», 2002.06.05).

Следует подчеркнуть, что расположение СН в начале высказывания предполагает контаминацию двух способов выражения – *русская*

идея и Русская идея: **Русская идея** сегодня – это осознание русскими людьми, народом в целом своей идентичности, общего пути, общих задач, общей ответственности и обязанности строить лучшее, гуманное и справедливое общество (О пользе общегосударственной идеи и попытках её определения // «Жизнь национальностей», 2004.06.16).

2. Газетный корпус НКРЯ.

Тематическая область «характеристики идеи».

- *Её определений в текстах Бердяева много, но большей частью они представлены в манере «от противоположного»: **русская идея** – не буржуазная, не националистическая, не западная и не восточная, не похожа на идею германскую или немецкую и прочие негации и дихотомии, так любимые им.* (Василий Ванчугов. Духовная глубина консерватизма» // Известия, 2014.03.19);

- *Но повесть, начинающаяся как воспевание кастовой системы и оборачивающаяся обличением ее же, неожиданно заканчивается как гимн Дому – с большой буквы «Д»: «Дом – вот и вся **русская идея**»* (Михаил Визель. Книга недели. Юрий Буйда. Яд и мед // РБК Дейли, 2014.02.27];

- *Федор Михайлович Достоевский писал, что **русская идея** – это всечеловечность и восприятие всей культуры мира* (Елена Лаптева, Фото из семейного архива и Алекса Федечко-Мацкевича) (Юрий Шевчук: Моя женщина должна есть и выпивать не меньше меня // Комсомольская правда, 2007.05.16);

- *Если **русская идея** – православие, собирание земель и общинный коллективизм, то возрожденная и реформированная российская идея, в кратком изложении, включает 4 принципа* (Игорь Чубайс, д.ф.н., директор Центра по изучению России РУДН. Как нам выйти из идейного кризиса? // Известия, 2006.04.11);

- *Национальная **русская идея** в отличие от украинской носит скорее не прозападный, а антизападный характер* (Евгений Анисимов. Украинские уроки для Путина // Комсомольская правда, 2004.12.08);

- *Вся **русская идея** при этом свелась к традиционному рыганию и производству больших куч продуктов переваривания* (Валерий Лебедев. Новая элита – спасение России (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.26).

Тематическая область «лица / символы (антисимволы), олицетворяющие русскую идею в первоизданном либо трансформированном виде».

• *Поддерживая Партию Регионов – силу, пытающуюся удерживать на плаву антироссийское государство, Затулин – автоматически враг русского народа и русской идеи* (Оборотень в Госдуме: «ястреб Затулин подарил Крым Украине // Новый регион 2, 2006.04.25);

• *Но если бы эти люди не сочувствовали русской идее, они бы не включались в списки. <...> И так будет до тех пор, пока там будет Свистунов, извращенец от русской идеи* (Самая русская партия Украины вляпалась в «кассетный скандал» // Новый регион 2, 2007.03.17);

• *Нам нужна русская идея, а не американская мечта* (Андрей Седов, Александр Гамов. Писатель и историк Александр Горянин: Мы – самый везучий народ! // Комсомольская правда, 2005.08.01);

• *Кто знает, может, со временем мечта Андрея осуществится и февронька станет частью национальной русской идеи, перебив по популярности пришедшую к нам с запада валентинку* (Ольга Постнова. Валентинки на православный лад // Известия. 2011.02.07).

Идеологическая составляющая представленного наименования *русская идея* реализуется посредством таких дифференциальных сем, как «национальная», «государственная», «духовная», «православная», «соборная».

В рассмотренных нами вариантах, представленных в Газетном корпусе, эксплицированы амбивалентные символы и антисимволы *русской идеи*.

Названный вариант репрезентирует, с одной стороны, ядерные составляющие смыслового поля, с другой стороны, ассоциативную часть семантики смыслового поля («дети, читающие Пушкина в школах», «февронька»).

Вариант 5: «русская идея».

В Основном корпусе такое употребление встречается в 12%, в Газетном – в 18%.

1. Основной корпус: *Впервые же сам термин «русская идея» применил в 70-х годах XIX века наш великий мыслитель Ф. М. Достоевский* (Русская идея: национальное и общероссийское // «Жизнь национальностей», 2002.06.05); *Россия тоже колеблется между «западничеством» и «русской идеей» в конце концов создавая свою собственную модель общества* (Михаэль Дорфман. Дмитрий Верхотуров Об Израиле, войне в Ираке, Сталине и кое-чём другом... // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.30).

Приведённый вариант оформления СН является маркером плана выражения первичного концептуального содержания терминологического характера. Используется в контекстах типа: *обратиться к понятию «русская идея», книги о «русской идее», эссе о «русской идее»* и т. п.

2. Газетный корпус: *Такова «русская идея» в понимании Бердяева: преодолеть буржуазную идеологию, но не остановиться на социализме или коммунизме* (Василий Ванчугов. Духовная глубина консерватизма // Известия, 2014.03.19).

В Газетном корпусе данный вариант используется в значении «перспективная партийная линия»: *Партия с «русской идеей» сможет набрать в 2016 году до 10% голосов, предрекают эксперты* (Алёна Сивкова. Общественная палата: националисты пройдут в следующую Госдуму // Известия, 2013.03.27).

Контексты: *мысль из того же ряда, что и «русская идея»; книга, которая посвящена «русской идее»; слова «русская идея», «русский вопрос», «русская духовность»; автор исследует «русскую идею».*

Единичными являются варианты: **РУССКАЯ ИДЕЯ, РУССКАЯ ИДЕЯ, «русская» идея, русская «идея»** (2% в Основном и 3% в Газетном корпусе).

Использование прописных букв в приведённых СН предполагает доминирование воздействующей функции и зафиксировано в Газетном корпусе. Кавычки в первом или втором слове предполагают критический либо иронический подтекст: *Одни ваши коллекции строились на космической теме, другие – на прочих популярных на Западе «русских» идеях* (Татьяна Медовникова. «В нашем Доме 99 работников. Я – сотый // Известия, 2012.09.13); *Славянофилы, действительно, преклонялись больше перед русской «идеей», чем перед фактом и силой* (Н. А. Бердяев. О «вечно-бабьем» в русской душе (1915)).

Таким образом, смысловое поле составного наименования *русская идея* в ядерной части определено следующими составляющими:

- Национальная / национальная;
- феномен национального духовного бытия и самосознания;
- служение «Святой Руси» как Божьему замыслу о России;
- идея Соборности / соборности;
- научная либо общественная теория успешного развития, возрождения народа («Третий Рим», «славянофильство», «социализм», «коммунизм»);
- «ядро воссоздаваемой общественно-государственной идеологии великой России».

Кроме того, базовая часть смыслового поля СН определена амбивалентной оценочностью идеологемы, зафиксированной посредством дефинирования («новая русская идея: Что хорошо для бизнеса – хорошо для России; бей своих, чужие бояться будут; Пугачёвщина; погромные эмоции; националистический антисемитизм; русский фашизм; традиционное рыгание и производство больших куч продуктов переваривания).

Образная часть смыслового поля представлена широким спектром ассоциатов: *идея сердца; созерцающая любовь; божественный исторический замысел; дети, читающие Пушкина; февронька.*

Таким образом, план выражения СН *русская идея* представлен пятью основными и пятью периферийными вариантами, план содержания детерминирован, с одной стороны, собственно концептуальным содержанием, спроецированным историко-культурной составляющей смыслового поля, с другой стороны, концептуальным содержанием, актуализированным в период второй половины XX – начала XXI века.

Список использованных источников

1. Чепкова, Т. П. Лингвистический статус составных наименований русского языка / Т. П. Чепкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 162–168.

2. Кожин, А. Н. Составные наименования в русском языке (на материале военно-деловой лексики) / А. Н. Кожин // Мысли о современном русском языке : сб. статей. – М., 1969. – С. 31–46.

3. Буров, А. А. Синтаксические аспекты субстантивной номинации в современном русском языке : в 3 ч. / А. А. Буров. – Пятигорск, 1999.

4. Стародубец, С. Н. Функциональные особенности атрибута в религиозно-философских произведениях И. А. Ильина / С. Н. Стародубец // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2008. – № 3. – М. : МГОУ. – С. 77–82.

5. Стародубец, С. Н. «Русская идея» как базовый концепт религиозной философии русского зарубежья первой половины XX века / С. Н. Стародубец // Преподаватель. XXI век. – 2005. – № 4. – С. 41–46.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 02.10.2018.

**ХРУСТАЛЬНОЕ СТЕКЛО / ХРУСТАЛЬ:
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ
В ДЕСКРИПЦИЯХ СВОЙСТВ ОЗНАЧАЕМОГО
(на материале интернет-ресурсов)**

В. В. Степанова

Анализируются в сопоставлении дескрипции признаков означаемого разных языковых знаков: “хрустальное стекло” и “хрусталь”. Выявляется зависимость выбора признаков означаемого и способов их языковой репрезентации от сферы использования синонимичных знаковых единиц и коммуникативных задач.

Ключевые слова: *хрустальное стекло, хрусталь, термин, определение, признак.*

The author analyses the feature description of the designatum of two different language signs “khrustalnoye steklo” and “khrustal” in comparison. It has been found out how the choice of designatum features and the ways of their language representations depends on the field of application of synonymic sign units and communication aims.

Key words: *khrustalnoye steklo, khrustal, term, definition, feature.*

В лингвистическом понимании термин – это языковой знак, характеризующийся в соответствии с билатеральной концепцией знака наличием двух сторон, называемых «означающее» и «означаемое». Означаемое терминологического знака определяется лингвистами по-разному. О. С. Ахманова в означаемом терминологического знака видит понятие и предмет: «термин – слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [1, с. 474]. Существует и другое мнение, в соответствии с которым означаемым знака является понятие. Так, А. В. Суперанская считает, что «для термина именуемое понятие и есть именуемый объект <...> За термином всегда стоит предмет мысли, но не мысли вообще, а специальной, ограниченной определенным полем» [2, с. 34].

Нормативный документ ГОСТ Р ИСО 704 – 2010, в котором изложены принципы и методы терминографии, достаточно четко определяет означаемое терминологического знака: «термин является обо-

значением, состоящим из одного или более слов, представляющих общее понятие на специальном языке в специальной предметной области» [3]. В этом документе также говорится о том, что «в терминоведении понятия рассматриваются как мысленные отображения предметов в рамках специализированного контекста или профессиональной области» [3]. В свою очередь под предметами здесь понимаются как материальные, так и идеальные объекты. В данной статье мы придерживаемся определения термина, приведенного в ГОСТ Р ИСО 704 – 2010.

Как известно, термины используются не только специалистами какой-либо определенной области научного и технического знания, термины могут употребляться и в других сферах человеческой деятельности и общения. Зачастую употребление термина в речи сопровождается его определением либо более или менее развернутой дескрипцией свойств замещаемого понятием объекта. Изучение такого рода определений и дескрипций показывает, что границы терминологического понятия подвижны.

В русском языке есть как минимум два наименования хрустального стекла: полилексемное, строго терминологическое – *хрустальное стекло* и монолексемное – *хрусталь*. Оба наименования используются для обозначения одного и того же вида стекла. Слово *хрусталь*, в отличие от сочетания *хрустальное стекло*, в системе языка имеет, кроме терминологического значения, фиксируемое словарями нетерминологическое значение, основанное на метонимическом переносе – ‘изделия из хрусталя’ [4]. Сопоставим употребление названных языковых знаков, фокусируя исследовательское внимание на выборе признаков объектов обозначения. Проследим, в какой мере выбор наименования, выбор признаков замещаемого понятием объекта и способ их языковой репрезентации находятся в зависимости от типа дискурса, коммуникативных задач.

На запрос «*хрустальное стекло*» поисковая система Google отвечает значительным количеством найденных употреблений данного сочетания. Оно встречается в разных по сфере создания и, соответственно, назначению текстах: официально-деловых, научно-технических, энциклопедических, учебных, коммерческих.

Как известно, ГОСТ является официальным документом, который представляет собой «комплекс норм и правил (по отношению к объектам стандартизации)» [5].

В ГОСТе 24315-80 мы находим следующее определение хрустального стекла: «*Хрустальное стекло* – бесцветное стекло, со-

держащее в основном двуокись кремния (SiO_2), а количество окиси свинца (PbO), окиси бария (BaO), окиси калия (K_2O), окиси цинка (ZnO) в отдельности или в сочетании не менее 10%, с показателем преломления не менее 1,520 и плотностью не менее 2,4 г/см³» [6].

Приведенное в ГОСТе определение хрустального стекла – классическое определение понятия: в этом определении раскрыты существенные признаки замещаемого понятием объекта – химический состав и физические свойства хрустального стекла. Коммуникативная цель документа, содержащего данное определение, заключается в том, чтобы «узаконить» содержание используемого в производственной деятельности понятия. Определение, тем не менее, не характеризуется максимальной точностью. Так, содержание химических веществ определяется с оговоркой *в основном*, не характеризуется абсолютной точностью и процентное содержание окисей – *не менее 10%*, дана только нижняя грань показателей преломления и плотности. Таким образом, свойства хрустального стекла даже в самых строгих определениях допускают некоторую вариативность своих признаков, правда, эта вариативность ограничена рамками допустимого, что и выступает критерием дифференциации хрустального стекла и иного вида стекла.

Употребление терминологического сочетания *хрустальное стекло* зафиксировано нами в патентных документах, размещенных в свободном доступе в сети Интернет:

«...Задачей предлагаемого изобретения является снижение твердости, а также повышение химической устойчивости стекол при сохранении оптических характеристик, свойственных свинцовому хрусталу.

Поставленная задача достигается за счет того, что хрустальное стекло, включающее SiO_2 , BaO , ZnO , K_2O , Na_2O и CaO , отличается тем, что содержит указанные компоненты при следующем соотношении, мас. % <...>причем суммарное содержание CaO , ZnO и BaO составляет 25,5-28,5 мас.%, а суммарное содержание Na_2O и K_2O составляет 12-15 мас.%... » [7].

В данном фрагменте текста представлено неявное определение, а точнее, дескрипция свойств замещаемого понятием объекта, позиционируемого как новый продукт. По этой причине главное внимание уделяется описанию отличных от прежних продуктов характеристик хрустального стекла, а именно его химического состава с новым процентным соотношением компонентов.

Обратим внимание на то, что в патентном описании используется

и вариативное обозначение хрустального стекла – *свинцовый хрусталь*. Согласно ГОСТу 24315-80, свинцовый хрусталь – это «хрустальное стекло, содержащее от 24 до 30% окиси свинца...» [6]. Используя это сочетание, авторы текста акцентируют внимание на том, что в хрустальном стекле обычно есть свинец, как известно, вредный для человеческого организма химический элемент. Очевидно, что сочетание *свинцовый хрусталь* не воспринимается в свете фоновых знаний нейтрально, зато введение этого сочетания в текст позволяет подать в весьма выигрышном свете информацию о том, что новый материал не имеет в своем составе оксида свинца, однако характеризуется теми же оптическими свойствами, что и хрусталь с высоким содержанием свинца.

Положительную коннотацию в патентном описании получают сочетания, раскрывающие другие достоинства нового хрустального стекла: *повышение химической устойчивости, снижение его твердости*. В повышении химической устойчивости заинтересован, по видимому, в большей степени потребитель, а в снижении твердости хрустала при сохранении его оптических характеристик заинтересованы производители хрустальной посуды, занимающиеся трудоемкой огранкой хрустала.

Таким образом, несмотря на то что анализируемый текст обладает всеми признаками, свойственными научному стилю, слог его «небеспристрастен», описание не лишено оценочных смыслов. Патент адресован специалистам, имеющим опыт работы с соответствующими продуктами производства, и поэтому главная коммуникативная задача продуцентов такого текста состоит не только в том, чтобы удостоверить авторство продукта, но и в том, чтобы раскрыть его преимущество, выгодные свойства. Отсюда оценочные коннотации, приобретаемые языковыми средствами непосредственно в тексте.

В учебнике для будущих маркетологов и менеджеров термин *хрустальное стекло* тоже употребляется в контексте описания свойств замещаемого терминологическим понятием объекта:

«...*В хрустальном стекле содержится минимальное количество оксида свинца (согласно ГОСТу общее количество оксидов свинца и калия не должно быть менее 10%), поэтому оно занимает промежуточное положение между обычным стеклом и свинцовым хрусталем по показателям оптических свойств и себестоимости. Изделия из **хрустального стекла** обычно вырабатывают методом прессования, при этом нанося рисунок от формы, ручной декоративной обработке их не подвергают...*» [8].

Данное определение по своей структуре не является классическим, но в нем сразу указывается наличие в составе хрустального стекла оксида свинца, более того, со ссылкой на ГОСТ дается информация о процентном содержании оксидов свинца и калия в хрустале. Еще один признак, упоминаемый в определении, – *промежуточное положение между обычным стеклом и свинцовым хрусталем* – уже является специфическим в плане интерпретации, требующим дополнительных знаний о видах стекла. Это знание узкой группы специалистов, в данном случае оно является необходимым и для менеджеров и маркетологов, которые должны владеть информацией о потребительских свойствах и классификациях товаров.

В рекламных текстах преимущественным является употребление слова *хрусталь*. Это слово используется в качестве синонима сочетания *хрустальное стекло*, но, в отличие от этого сугубо терминологического сочетания, является совершенно привычным для носителей обыденного сознания. Недостаточная осведомленность обывателей о химическом составе хрустального стекла делает рекламодателей, «просвещенных» в тонкостях производства хрустального стекла, действительными знатоками, которым хочется верить, поддаваться силе их убеждающего слова. Если же рекламодатель не владеет таким знанием, то в этом случае он обращается к другому орудию воздействия на потенциального покупателя – обилию восторженных слов о качестве продукта. К такому выводу можно прийти, сопоставив два рекламных текста разных коммерческих сайтов:

*«...Основное отличие **хрусталя** от обычного стекла – это содержание оксида свинца (PbO). Добавление оксида свинца увеличивает преломление и дисперсию света в хрустале. Неманский **хрусталь** варится с содержанием оксида свинца строго равным 24% (мировой стандарт). Эта добавка обеспечивает, выражаясь языком ювелиров, «игру света», а также повышает пластичность материала – все это дает возможность подвергать **хрусталь** огранке и резьбе. Такие процедуры позволяют **хрустальному**, как и драгоценным камням, более полно проявить свою красоту...» [9].*

*«**Хрусталь** – это один из видов стекла, которое обладает сильным блеском и исключительной чистотой, что и обусловило его замечательные декоративные свойства. Тот блеск, за который ценятся хрустальные изделия, достигается в результате преломления света в гранях материала. В некотором смысле хрусталь похож на бриллиант – не только своим блеском, но и тем, как складывается цена на изделия из него.*

Как и бриллианты, он ценится, прежде всего, в зависимости от качества материала и совершенства обработки...» [10].

Как видим, в первом тексте больше специальной информации и даже приведено наименование химического соединения в виде принятого буквенного латинского обозначения (*PbO*), правда, тут же дано его словесное обозначение (*оксид свинца*). В этом тексте отмечается и метафорическая лексика, однако ее употребление очень сдержанно: сочетание *игра света* заключено в кавычки. Есть положительно коннотируемое указание и на строгое соблюдение мировых стандартов. Уместно сравнение хрусталя с драгоценными камнями, и даже оценочное слово *красота* не является навязчивым в общем контексте.

Во втором тексте обращает на себя внимание присутствие значительного количества оценочной лексики: прилагательных – *сильный, исключительный, замечательный*, существительных – *блеск, чистота, совершенство*. Привлекательность изделий из хрусталя подчеркивается употреблением глагольной словоформы *ценится*. Сильной позицией второго рекламного текста является сравнение хрусталя с бриллиантом; заметим, что слово *бриллиант* в восприятии обывателя гораздо «заманчивее», чем *драгоценный камень*. Определение понятия «хрусталь» в этом тексте является абсолютно нестрогим: вместо принятой в классических определениях строгой апелляции к родовому понятию, предлагается нечеткое видовое – *один из видов стекла*; содержащиеся в определении признаки являются несущественными в своей дифференцирующей функции, но существенными в плане формирования наглядного, выгодного для рекламодателя представления о замещаемом понятием объекте – *сильный блеск, исключительная чистота, замечательные декоративные свойства*.

Итак, наблюдения показывают, что в зависимости от коммуникативной цели продуцента терминосодержащего текста и адресата этого текста изменчиво содержание классической структуры определения терминологического понятия, явные определения понятий могут подменяться неявными, различны способы языковой репрезентации признаков обозначаемого термином объекта. Из всех существенных признаков, входящих в объем формируемого определением понятия, избираются только те, которые, по мнению авторов текста, являются существенными для данной целевой аудитории. В определении могут отражаться и несущественные характеристики понятия, если этого требует коммуникативная цель. Терминологическое сочетание *хрустальное стекло* встречается преимущественно в текстах, адресованных специалистам (нормативные и патентные документы, учебные тексты), в то время как слово

хрусталь, способное реализоваться как в терминологическом, так и в не-терминологическом значении, встречается в текстах, предназначенных и для неподготовленного читателя (рекламные тексты). В неспециальных определениях хрустального стекла отмечается использование слов с системно-заданным оценочным значением и слов с наведенными из контекста оценочными семами.

Список использованных источников

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 567 с.
2. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 248 с.
3. Нормативные базы ГОСТ/СП/СНиП [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://files.stroyinf.ru/Data/594/59444.pdf>. – Дата доступа : 08.10.2018.
4. Фундаментальная электронная библиотека : Словарь русского языка (МАС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/22/ma462821.htm?cmd=0&istext=1>. – Дата доступа : 08.10.2018.
5. Словари на Академике : Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/16523/ГОСТ>. – Дата доступа : 14.10.2018.
6. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/gost-24315-80>. – Дата доступа : 17.09.2018.
7. База патентов Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://byopatents.com/4-16602-hrustalnoe-steklo.html>. – Дата доступа : 17.09.2018.
8. Ляшко, А. А. Товароведение, экспертиза и стандартизация : учебник / А. А. Ляшко, А. П. Ходыкин, Н. И. Волошко, А. П. Снитко. – 2-е изд. – М. : Дашков и К, 2015. – 660 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://books.google.by/books?id=Cp7WDQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> – Дата доступа : 17.09.2018.
9. Стеклозавод «Неман» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.neman.by/glass/about-us/khrustal-modnaya-klassika/> – Дата доступа : 18.09.2018.

10. Салон Богемия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.salon-bogemia.ru/inform/hrustal/crystal-glass/> – Дата доступа : 3.09.2018.

УДК 811.161.3'373.7

О ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ СОЧЕТАНИЙ С КОМПОНЕНТОМ ЧОРНЫ (на материале интернет-сайта газеты «Звезда»)

А. Н. Столярова

В статье описывается важность публицистического стиля для фразеологизации новых устойчивых сочетаний. Выделяются тематические группы неофразем с компонентом “чорны”. Анализируется символическое значение колоратива как основы для возникновения ассоциативных связей, на базе которых образуются неофраземы.

Ключевые слова: фразеологизация, язык публицистики, неофразема, колоратив «чорны», символизм.

The article describes the importance of publicistic style for the phraseologization of new stable word-combinations. Thematic groups of neophrasemes with a component “black” are singled out. Symbolic meaning of the colourative as a foundation for the development of associative connections on the basis of which neophrasemes are formed is analyzed.

Keywords: phraseologization, language of publicism, neophraseme, colour naming “black”, symbolism.

«Фразеологизация – это процесс стабилизации и закрепления в речевой практике данного языкового коллектива в качестве готовых (т. е. таких, которые каждый раз не создаются заново, а лишь воссоздаются, извлекаются из памяти говорящих), относительно устойчивых определенных языковых комплексов. Формально-грамматически эти комплексы могут быть соотнесены со словосочетанием, сочетанием слов или предложением...» [1, с. 114]. Результатом фразеологизации становится появление новых фразем. Под неофразеологизмами (неофраземами) нами понимаются «новые фразеологизмы и устойчивые сочетания слов с формирующейся идиоматичной семантикой, или аналитические сочетания, по терминологии Н. З. Котеловой» [2, с. 30].

Основой для возникновения подобных сочетаний является образное переосмысление явлений действительности, устойчивые ассоциации людей с чем-либо, а в нашем случае – с символическим значением колоратива *чорны*.

«Словарь символов» Д. Тресиддера дает следующую трактовку символа «черный цвет»: «Черный почти повсеместно предстает как цвет негативных сил и печальных событий. Он символизирует тьму смерти, невежество, отчаяние, горе, желание, скорбь и зло (сатану называют князем тьмы), низшие уровни или ступени мироздания (загробный мир, первичный хаос в алхимии) и зловещие предсказания...» [3].

Мы попытаемся изучить значение данного символа во фраземах современной белорусской газеты, описать некоторые особенности их употребления.

Язык публицистики как источник материала для исследования выбран нами не случайно. Именно СМИ оперативно знакомят массовую публику с событиями, происходящими в мире, с новыми реалиями, крайне стремительно возникающими в наше время бурного развития новых технологий. Способ подачи материала коренным образом влияет на его восприятие читателями, формирует у них отношение к происходящему. Кроме того, язык СМИ стилистически подвижен и быстро реагирует на экстралингвистические ситуации, в связи с чем он дает больше возможностей для оперативного отбора и активного внедрения лексического материала, в том числе неофразем.

В РБ, где официальными языками являются русский и белорусский, явное предпочтение в межличностном общении отдается русскому языку, поэтому устная речь вряд ли будет благотворным источником для поиска новых слов и выражений белорусского языка. Именно поэтому с целью сбора материала для исследования мы обратились к интернет-версии газеты «Звязда» [4], которая является крупнейшей белорусскоязычной газетой на территории нашей страны.

Нами принимается во внимание общий, не специализированный характер этого издания, относительно одинаковое освещение разных областей общественной жизни, науки, техники, спорта, искусства и др. Так, в газете представлены рубрики «Палітыка», «Эканоміка», «Грамадства», «У свеце», «Культура», «Калейдаскоп», «Спорт», что свидетельствует о том, что отобранный материал будет адекватно описывать все явления действительности, нашедшие отражение в публикациях газеты.

С помощью поисковых механизмов сайта были изучены статьи за 2016–2018 гг, содержащие лексему *чорны*, а из них методом сплош-

ной выборки мы отобрали фраземы, соответствующие нашему исследованию. Так, нам встретились фраземы *чорны спіс*, *чорны час / дзень / тыдзень*, *узяць чорны кірунак*, *чорная паласа*, *чорны капальнік*, *чорнае капальніцтва*, *чорны гумар*, *чорная камедыя*, *чорны нумар*, *чорны рыэлтар / мерчандайзер*, *чорная археалогія*, *уводзіць чорны узровень трывогі*, *чорная пятніца*, *чорны піяр / піяр-ход*, *чорны рынак*, *чорныя грошы / капіталы*, *чорная наяўнасць*, *чорная скрыня*, *чорны варанок*, *чорны рыцар*, *чорная дзіра*, *чорны камень*, *чорны чалавек*.

В данном списке есть фразеологизмы, утратившие эффект новизны и уже давно знакомые читателям (*чорны гумар*, *чорны рынак*), но присутствуют и те, которые можно считать неофраземами (*чорны піяр / піяр-ход*, *чорны рыэлтар / мерчандайзер*). Следует отметить, что из приведенного нами списка только один фразеологизм (*чорны дзень*) нашел отражение в «Слоўніку фразеалагізмаў беларускай мовы» И. Я. Лепешева [5].

Наибольшую частотность проявила фраза *чорны спіс* в сочетании с глаголами *трапіць/унесці/уключыць/адправіць у/распаўсюджваць/складаць*. Это свидетельствует о негативных тенденциях в международных отношениях последних лет, когда стало привычным введение санкций и использование политического и экономического давления путем опубликования черных списков разного рода.

Наименьшая частотность (по одному примеру) была выявлена у перифраз *чорны рыцар* (про автомобиль МАЗ), *чорная дзіра* (о смерти), *чорны варанок* (про автомобиль ГАЗ), *чорны камень* (о депрессии), *чорны чалавек* (Мефистофель). Перифразы представляют собой описательные обороты, используемые для замены какого-либо общепринятого наименования, являются одним из важнейших средств, используемых человеком в его активной речевой деятельности. Как правило, они обладают яркой внутренней формой, в чем и проявляется их лингвистическая ценность для языка публицистики – языка, насыщенного повышенной экспрессивностью. Так, в русском языке существует фразеологизм *камень на сердце*, описывающий состояние душевной тревоги, беспокойства, а в одной из статей про это же состояние автор употребил фразему *чорны камень*, которая гораздо более экспрессивна, чем ее русский синоним, благодаря компоненту *чорны*.

Тематически анализируемые фраземы можно разделить на следующие группы:

1. Экономика и финансы (*чорны рынак*, *чорныя грошы / капіталы*, *чорная наяўнасць*).

2. Незаконная деятельность или деятельность, осуществляемая не по общепринятым правилам (*чорны капальнік*, *чорнае капальніцтва*,

чорны рыэлтар / мерчандайзер, чорная археалогія, узяць чорны кірунак, чорны піяр / піяр-ход).

3. Временной отрезок (*чорны час / дзень / тыдзень, чорная паласа, чорная пятніца*).

4. Объекты действительности (*чорны варанок, чорны рыцар, чорная скрыня*).

5. Общественно-политические отношения (*чорны спіс*).

6. Чувственно-эмоциональная сфера (*чорны камень, чорны гумар, чорны прывід*).

Большинство случаев употребления фразем с колоративом *чорны* действительно связаны с негативными, незаконными явлениями, и новые сочетания образуются людьми, исходя из символического значения этого цвета. Однако в некоторых случаях значение компонента *чорны* развило и положительный смысл. Так, в торговле черный цвет стал символом активных продаж и прибыли (*чорная пятніца*).

Фразема *чорная скрыня* также не несет отрицательного содержания. В статьях она встретилась нам в трех разных значениях:

1) бортовой самописец (*У раёне катастрофы Ту-154 узнята са дна другая "чорная скрыня"*);

2) объект, внутри которого находится что-то неизвестное (*прыгатаванне крэатыўнага кактэйлю з інгрэдыентаў, што знаходзіліся ў «чорнай скрыні»*);

3) образное описание себя в стихотворении поэта Р. Малаховского (*я чорная скрыня на борце авіялайнера*).

Итак, в результате фразеологизации в языке закрепляются готовые обороты речи с выраженным экспрессивным характером. Их возникновение обусловлено как рациональными (наименование новых явлений), так и эмоциональными (придание большей выразительности) причинами. В наше время фразеологизация происходит довольно-таки быстро, чему способствует активное использование неофразем в СМИ.

Тематика новообразований отражает все изменения, происходящие в различных сферах современной жизни. Специфика публицистической фразеологии проявляется также в отборе таких выражений, которые своей внутренней формой отражают наиболее актуальные для современности реалии и явления.

Компонент *чорны* имеет большой фразеомообразующий потенциал, он является продуктивным элементом с богатой внутренней формой. Представляется, что наибольшую продуктивность в наше время имеет его значение 'незаконный'. Особо нужно отметить малую лек-

сикографическую отраженность фразем с компонентом *чорны*, что следует учесть составителям словарей.

Список использованных источников

1. Ройзензон, Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : Изд-во Самарк. ун-та, 1973. – 147 с.
2. Попова, Т. В. Русская неология и неография / Т. В. Попова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. – 96 с.
3. Тресиддер, Д. Словарь символов [Электронный ресурс] / Д. Тресиддер // Большая онлайн-библиотека e-reading. – Режим доступа : http://www.e-reading.club/bookreader.php/57311/Tresidder_-_Slovar%27_simvolov.html. – Дата доступа : 01.10.2018.
4. Газета «Звезда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.zvezda.by>. – Дата доступа : 25.09.2018.
5. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў – Т. 2: М – Я. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.

УДК 811.161.1'42:398.2:070

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *РУКА МОСКВЫ* В СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА

А. Л. Стрижак

В статье с опорой на Национальный корпус русского языка анализируется функционирование фразеологизма “рука Москвы” в современных русскоязычных масс-медиа, рассматриваются семантические и валентностные трансформации данного устойчивого выражения, а также случаи его использования как средства реализации языковой игры.

Ключевые слова: *масс-медиа, интернет-пространство, фразеологизм, семантика, языковая игра, дефразеологизация.*

The article based on the Russian National Corpus analyzes the functioning of the idiom “arm of Moscow” in modern Russian-language mass media, discusses the semantic and valence transformations of this sustainable expression, as well as the cases of its use as a means of implementing a language game technique.

Key words: *mass media, Internet space, phraseological unit, semantics, language game, defrazeologization.*

Внеязыковая ситуация конца XX – начала XXI вв. характеризуется значительным влиянием СМИ, в особенности интернет-ресурсов, на формирование общественного мнения, сознание людей, а также на национальную культуру и речевую практику социума. Изучение закономерностей, отражающих возникновение и функционирование оценочных фразеологических единиц в интернет-пространстве Беларуси и России, приобретает особое значение с учетом усиления воздействующей функции данной области коммуникации, изменения характера оценочной модальности, появления в современных СМИ огромного количества оценочных единиц, используемых для выражения позиции автора, издания либо интернет-ресурса.

Как известно, публицистика не только оперативно отражает появление новой лексики в языке, формирует новые значения слов, относящихся к различным функциональным стилям, но и способствует фразеологизации свободных словосочетаний. Такие изменения в первую очередь влияют на нормы словоупотребления, что влечёт за собой формирование у нейтральной лексики аксиологически отмеченного значения.

Предметом нашего рассмотрения станет устойчивое сочетание *рука Москвы*, анализ функционирования которого в современном русском языке осуществлялся с опорой на Национальный корпус русского языка. В целесообразности отнесения названного выражения к сфере фразеологии нас убеждает тот факт, что «всякое языковое образование – каким бы оно по своему размеру, структуре и значению ни было – является фразеологизмом, если оно сверхсловно и воспроизводимо» [1, с. 127]. Очевидно, что любые словесные сочетания, возникая в процессе коммуникации, служат для номинации определенных областей действительности или для выражения отношения к ней. Закрепление в языке подобных сочетаний происходит в том случае, когда они удачно, с точки зрения общественной практики, выполняют эту задачу. В результате побеждают варианты, «целесообразные для определенных условий общения, т. е. конкуренция – это закономерное явление, продиктованное коммуникативной целесообразностью» [2, с. 37].

Активное использование политической фраземы *рука Москвы* Публ. 1. ‘О политике СССР (в западной прессе)’; 2. ‘О деятельности советской агентуры за рубежом’ [3, с. 439] в СМИ последних десятилетий обусловлено не только коммуникативной необходимостью, но и сложившейся экстралингвистической ситуацией, которая проявляется в стремлении

России как правопреемнице СССР сохранить политико-экономическое влияние на территории постсоветских республик.

Материалы НКРЯ показывают, что первое употребление выражения *рука Москвы* в русском языке датируется 1929 годом: *Мы могли бы с ним подружиться, но что-то мешало, что-то вмешалось. В современной политике это называется «видна рука Москвы». Эта «рука Москвы» выяснилась только через несколько лет. Провожая меня с какого-то вечера домой, он разговорился и признался, что нас поспорили* (Н. А. Тэффи, «Моя летопись», 1929). Как видим, автор творчески преобразует значение фразеологизма, что проявляется в контекстуальной деполитизации и конкретизации его семантики.

Анализ функционирования фраземы *рука Москвы* в современных СМИ позволил выявить определенные семантические и валентностные трансформации данного устойчивого выражения. Так, в НКРЯ сочетание *рука Москвы* представлено 48 контекстами, в 14 из которых (29%) фразеологизм реализует значение, близкое к исходному: *Они были уверены, что коммунисты погубили Маяковского, и очень боялись Советов, боялись, что «рука Москвы» найдет и их, поэтому – затаились* (Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998)); или: *Когда российская пресса вспоминает о том, что в Крыму не все спокойно, здесь уверены: это «рука Москвы»* (Изв., 21.05.2004); сравним: *Опять «рука Москвы» Решение Европейского суда совпало с очередным обострением ситуации в Южной Осетии и Абхазии* (КП, 04.08.2004); *Эстонские власти, напуганные массовыми протестами против переноса Бронзового Солдата, наконец-то нашли им свое объяснение. Во всем, оказывается, виновата «рука Москвы»* (КП, 29.05.2007).

Рассмотренные выше примеры дают основание скорректировать значение фразеологизма *рука Москвы*: Полит. ‘Многоаспектное целенаправленное влияние Российской Федерации на внешне- и внутриполитические процессы в иных государствах’. Следующие текстовые иллюстрации демонстрируют активное использование фраземы *рука Москвы* в новом, предложенном нами значении: *Все, что происходит у нас, было заложено раньше и какая здесь может быть рука Москвы? Разве рука Москвы руководила Ющенко, который издавал в прошлом году четыре указа о роспуске парламента или рука Москвы руководила БЮТ, который блокировал трибуну Верховной Рады?* (Новый регион, 09.09.2008); или: *С одной стороны – рука Москвы в церковных спорах налицо* (С. А. Еремеева. Лекции по русскому искусству (2000)); сравним: *Столичные комментаторы немедленно откликнулись: Руцкого из губернаторской гонки вывела «рука Москвы»,*

естественно, подозревая администрацию президента РФ (Труд-7, 30.11.2001).

Непрерывный поиск авторами современных масс-медийных текстов дополнительных средств выразительности приводит к расширению возможностей употребления оценочных единиц: *Тут мужичок из штаба Колмогорова (который **рука Москвы**) такой презабавный случай рассказал* (КП, 18.12.2001), где значение фраземы *рука Москвы* сужается и конкретизируется: Полит. 'Многоаспектное целенаправленное влияние Российской Федерации на внешне- и внутривнутриполитические процессы в иных государствах' → 'штаб политического деятеля'; сравним: *Потому как знают, что за такое их местные братки растерзали бы. Это все «**рука Москвы**». Кто бы ни осмелился покушаться на всенародно известного тверича, а факт: убийцы до сих пор на свободе* (Труд-7, 05.07.2002), где также наблюдается сужение значения фразеологизма: Полит. 'Многоаспектное целенаправленное влияние Российской Федерации на внешне- и внутривнутриполитические процессы в иных государствах' → 'влияние федерального центра'.

По аналогии с исследуемым выражением создается сочетание *рука Вашингтона* в данной газетной иллюстрации: *Настроение и поведение протестовавших свидетельствовали о том, что ими не движет **рука Москвы** или **Вашингтона*** (Труд-7, 20.12.2010); сравним: *Тут важнее другое – европейский интеграционный проект не спасет от кризиса, а даже усугубляет его. Опять же не будем сейчас задаваться вопросом: «Кто виноват?» – брюссельская бюрократия, «**вашингтонский обком**» или «**рука Москвы**» с «**кознями Пекина**»* (Изв., 29.05.2014), где представлено окказиональное сочетание, образованное совмещением контрадикторных понятий – историзма *обком* и прилагательного *вашингтонский*.

Фразеологизм *рука Москвы* также демонстрирует активную сочетаемость с характеризующими прилагательными, что позволяет пишущему информативно и кратко выразить отношение к референтной ситуации: *Щедрая «**рука Москвы**» отводит беду, помогает таджикам налаживать жизнь* (Труд-7, 17.06.2003); или: *Другая версия прямо противоположная. Это, якобы, «**длинная рука Москвы**». Теперь уже ясно, что на Березовского совершено покушение* (КП, 26.03.2013); сравним: *Киев как отдельная часть – мегаполис, финансовый, промышленный и бюрократический центр, в недавнем прошлом как бы **продолженная рука Москвы**, переживший особую эпоху расцвета с воцарением «украинца» Хрущева на советском престоле* (Новый регион, 04.05.2006); *Говорят, до Нью-Джерси дотяну-*

лась **шершавая рука Москвы** (Изв., 12.09.2006); *Либо запугать британцев, мол, кровавая рука Москвы уже орудует в центре Лондона, либо сказать: мол, мы вам говорили, что с этими людьми дело иметь нельзя, а вы не послушали* (КП, 25.11, 2006).

Выразительность представленного ниже примера достигается вследствие контекстуальной антонимии определений *изящный* и *мохнатый*, а также в результате актуализации компонентного состава фраземы *рука Москвы*: *Потому что для части демонстрантов, особенно с Западной Украины, очень важно, где «мохнатая рука Москвы», а где изящные пальцы Вашингтона* (КП, 26.11.2004).

Отличительной чертой употребления рассматриваемого фразеологизма в современных масс-медиа является прием дефразеологизации, в основе которого лежит стремление пишущего реализовать механизм языковой игры: «...в основе языковой игры лежит стремление достичь определенного эффекта эстетического воздействия (чаще всего комического) путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц, творческого нестандартного использования языковых средств. <...> Творческий характер языковой игры и ее специфику усматривают также в порождении структур, имеющих более одной интерпретации, в создании множественности одной из сторон знака: формы или содержания» [4, с. 57].

Одним из наиболее частотных способов реализации приема языковой игры становится обращение к словосочетанию-прототипу фразеологизма *рука Москвы*: *Написал о художнике Панюшкин. Тоже в своем роде **рука Москвы**. А также ее очки, лысина и ботинки 43-го размера* (Столица, 18.03.1997); или: *До войны **рука Москвы** только **ощупывала** Штаты, не охватывая, не сжимала и не держала континент* (Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)); *Вы же знаете ножки Буша – ну так знайте, что те ножки вам **протянула** фактически **рука Москвы*** (Столица, 12.08.1997); сравним: *Блас Рока и Анибаль Эскаланте, аппаратчики сталинской формации, ревниво характеризовали Фиделя как калифа на час, и «**рука Москвы**» отнюдь не **подсадила** его на борт «Гранмы»* (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)); *«**Рука Москвы**», о которой экс-генерал КГБ Олег Калугин подробно писал в своих откровенных мемуарах, похоже, **достала** его и в Америке* (КП, 28.11, 2002).

В ряде случаев прагматический потенциал контекста достигается вследствие актуализации значений слов, образующих фразему *рука Москвы*, и обыгрывания связанных с ними ассоциаций. Следствием

этого является «снижение языковой планки текста, уменьшение его пафосности и, напротив, возрастание экспрессивности, усиление «личностного» начала» [5, с. 101]: **Рука Москвы оказалась короткой.** «Зенит» не дал «Спартаку» стать летним чемпионом (Изв., 01.07.2001); **«Рука Москвы» отсохла.** И сейчас, скажем, в Польше, у которой всегда было предостаточно поводов обижаться на поведение Москвы в историческом прошлом, в газетах вы нигде не прочтете ничего про «руку Москвы» (Изв., 01.07.2001); или: **Потом Лужков положил руку на плечо Абашидзе... «Рука Москвы уж тянется к Батуми!»** (КП, 11.03.2003); сравним: **Что касается руки Москвы – рука Москвы в рабочих мозолях,** потому что это рука трудолюбивого российского народа, – завершил премьер (КП, 04.10.2008); **Когда крючкомтворство надоедает, Кадыров заявляет, что тоже может взяться за автомат! Вот так «рука Москвы»!** Автомат всегда у «руки» под рукой – и никогда точно неизвестно, куда он может начать стрелять (Время МН, 2003).

Таким образом, анализ употребления фразеологизма *рука Москвы* в русскоязычных масс-медиа последних десятилетий позволил выявить некоторые особенности, к числу которых могут быть отнесены регулярное обновление семантики фраземы, возможности её сочетаемости с характеризующими определениями, а также активное использование названного выражения как средства реализации языковой игры.

Список использованных источников

1. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Либроком, 2009. – 312 с.
2. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В. Г. Костомаров. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 268 с.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
4. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : УрГПУ, 1996. – 214 с.
5. Нецименко, Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации : Проблемы. Тенденции развития / Г. П. Нецименко // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 98–132.

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ І АНЛАЙН-ПЕРАКЛАДЧЫКІ

К. Л. Хазанавя

У артыкуле характарызуюцца асаблівасці пераўзнаўлення фразеалагізмаў беларускай мовы сродкамі рускай мовы з дапамогай анлайн-перакладчыкаў Гугл, Яндакс, Белазар. Найбольшай эквівалентнасцю вызначаюцца адпаведнікі фразеалагізмаў, агульных для некалькіх славянскіх моў, і фразеалагізмаў, якія з'яўляюцца калькамі ці паўкалькамі і маюць аналагі ў рускай мове.

Ключавыя словы: *фразеалагізм, анлайн-перакладчык, фразеалагічны адпаведнік, калька, паўкалька, этымалогія.*

The article describes the peculiarities of the reproduction of the phraseological units of Belorussian into Russian by means of the online translators Google, Yandex, Belazar. The phrases common for some Slavic languages and the loan translations and half loan translations and the phrases with the analogues in Russian have greatest equivalence.

Key words: *phraseologism, online translator, phraseological analogue, loan translations, half loan translations, etymology.*

Фразеалагічныя адзінкі кожнай мовы валодаюць уласцівацю ў канцэнтраваным выглядзе адлюстроўваць вобразнае мысленне народа. Фразеалагізмы жывяць мову, акумулюючы нацыянальныя эстэтычныя рысы.

Паэтычная энергія і нацыянальная самабытнасць фразеалагічных адзінак беларускай мовы выклікаюць устойлівую ўвагу навукоўцаў. За паўстагоддзя інтэнсіўнага развіцця фразеалагічных даследаванняў у беларускім мовазнаўстве плённа вывучаліся марфалагічныя, семантычныя, стылістычныя, этымалагічныя ўласціваці фразем [1–4 і інш.], а таксама адлюстраваны фразеалагічны лад мовы беларускіх пісьменнікаў, якія сталі класікамі беларускай літаратуры і стваральнікамі беларускай літаратурнай мовы [5; 6].

Асобная даследчыцкая ўвага кранала міжмоўныя фразеалагічныя сувязі і падбор фразеалагічных адпаведнікаў і аналагаў у працэсе перакладу [7]. Непаўторна-індывідуальная спецыфіка фразеалагізмаў беларускай мовы, як і фразеалагізмаў любой іншай мовы, абумоўлівае асаблівы падыход да фразеалагічных адзінак пры іх пераўзнаўленні сродкамі іншай мовы. Агульнавядома, што паняцце “пераклад”

як узнаўленне лексічных адзінак адной мовы лексічнымі адзінкамі іншай мовы адносна фразеалагічнага ладу набывае адметнае выяўленне.

Узнаўленне фразеалагізмаў з'яўляецца творчасцю вытлумачэння і выражэння асаблівасцей іх семантыкі. У іншамоўнай фразеалагічнай сістэме звычайна абіраецца больш-менш дакладны фразеалагічны адпаведнік з такімі самымі сэнсавым, эмацыянальным і стылістычным кампанентамі.

Для дакладнасці такой адпаведнасці абавязкова веданне дастаткова вялікага колькаснага аб'ёму фразеалагізмаў дзвюх моў, што выступаюць мовай арыгінала і мовай перакладу, а таксама іх семантычных і стылістычных рыс. Калі пры пераўзнаўленні фразеалагічных адзінак фраземамі іншай мовы перакладчыкам, як правіла, не ўзнікае цяжкасцей, то машынны пераклад у адносінах да фразеалагізмаў пакуль што “спрацоўвае” не заўсёды, нават калі мэтай з'яўляецца падбор фразеалагічных адпаведнікаў паміж такімі блізкароднаснымі мовамі, як беларуская і руская.

Сучасны ўзровень камп'ютарызацыі і інфарматызацыі беларускага грамадства адбіўся на ўжо дастаткова вялікай колькасці электронных рэсурсаў, якія прапануюць анлайн-пераклад з беларускай мовы на рускую і наадварот. Па нашых назіраннях [8], найбольш папулярныя сярод іх: Белазар [9], Скарнік [10], Гугл [11], Яндакс [12]. Гэтыя рэсурсы маюць свае адметнасці, недахопы і вартасці. Пры гэтым неабходна заўважыць, што Гугл і Яндакс – пошукава-навінавыя рэсурсы, у якіх анлайн-перакладчыкі з'яўляюцца дадатковымі сэрвісамі, якія здзяйсняюць машынны пераклад з вялікай колькасцю моў свету (па стане на верасень 2018 г. Яндакс-перакладчык даступны для 95 моў [13], а Гугл – для 103 моў [14]), у той час як Белазар і Скарнік уяўляюць сабой дзвюхмоўныя (беларуска-рускі і руска-беларускі) анлайн-перакладчыкі.

У беларускай інтэрнэт-прасторы фразеалагічныя адзінкі паступова знаходзяць адлюстраванне. Асаблівую цікавасць у гэтых адносінах уяўляе этымалагічны анлайн-слоўнік [15]. Фразеаграфічны рэсурс створаны на падставе “Этымалагічнага слоўніка фразеалагізмаў”, складзенага І. Я. Лепешавым [16]. Паколькі “ў слоўніку раскрываецца гісторыя і паходжанне каля 1750 фразеалагізмаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы, паказваецца сувязь іх сучаснага і першапачатковага, этымалагічнага значэння, жыццё фразеалагізмаў у часе і прасторы” [15], параўнальна-супастаўляльнае даследаванне асаблівасцей узнаўлення фразеалагічных адзінак беларускай мовы сродкамі рускай мовы ў розных анлайн-рэсурсах, на наш погляд, мэтазгодна праводзіць з апорай на фактычны матэрыял, прапанаваны названым слоўніковым рэсурсам [16].

Мэтазгодна прасачыць, як кожны з указаных вышэй электронных дадаткаў-перакладчыкаў падбірае фразеалагічны адпаведнікі беларускіх фразеалагізмаў, адразу заўважыўшы, што Скарнік – “унікальны беларуска-рускі слоўнік, зроблены незвычайным спосабам, “зваротны” слоўнік, за аснову якога ўзяты акадэмічны трохтомны слоўнік пад рэдакцыяй Я. Коласа, К. Крапівы і П. Глебкі і які пастаянна (штодзённа) дапрацоўваецца з улікам сучаснай практыкі” [10], перакладае толькі адзінкавыя словы і ў большасці “не заўважае” словазлучэнняў [10].

Даследаваныя фразеалагізмы былі ўзяты метадам выпадковай выбаркі з улікам іх этымалогіі. Паводле паходжання [15] фраземы падзяляюцца на:

– агульныя для славянскіх моў:

Беларуская мова	Руская мова	Украінская мова	Польская мова	Балгарская мова
<i>Фама няверны</i> 'чалавек, якога цяжка прымусіць паверыць чаму-н.'	<i>Фома неверный</i>	<i>Хома невірний</i>	<i>Niewierny</i> <i>Tomasz</i>	
<i>Хвост падтуліць</i> (<i>паціснуць</i>) 'спужацца, спалохацца'	<i>Поджаты хвост</i>	<i>Піджати хвіст</i>		<i>Свия си опашка</i>

– агульныя для ўсходнеславянскіх моў:

Беларуская мова	Руская мова	Украінская мова
<i>Жыўцом з'есці</i> 'замучыць, загубіць нападкамi, ганеннем'	<i>Живьём съестъ</i>	<i>Живцем з'їсти</i>
<i>Хоць зубы на паліцу кладзі</i> (<i>лажы</i>) 'зусім няма чаго есці'	<i>Зубы на полку класть</i>	

– агульныя для беларускай і рускай моў:

Беларуская мова	Руская мова
<i>Жыўцом з'есці</i> 'замучыць, загубіць нападкамi, ганеннем'	<i>Живьём съестъ</i>
<i>Хоць зубы на паліцу кладзі</i> (<i>лажы</i>) 'зусім няма чаго есці',	<i>Зубы на полку класть</i>

– агульныя для беларускай і ўкраінскай моў:

Беларуская мова	Украінская мова
<i>Хоць гаць гаці</i> 'вельмі многа каго-, чаго-н.'	<i>Хоч гать гати</i>

– уласна беларускія: *хварэць (захварэць) на пана* ‘доўга спаць, вылежвацца’; ‘весці сябе высакамерна, фанабэрыста, выяўляючы нечаканыя звычаі’; *жаба ў каляіне* ‘нікчэмнасць, асуджаная на пагібель’; *на лес гледзячы* ‘хутка станавіцца высокім’; *як пшаніцу прадаўшы* ‘добра спаць’;

– запазычаныя – калькі, паўкалькі: з рускай мовы – *Фількава грамата* ‘пустая паперка, неспраўдны ці няправільна напісаны дакумент’; *фігавы лісток* ‘крывадушная маскіроўка ганебных учынкаў, прыкрыццё чагосьці непрыстойнага’; з французскай (*baiser de Judas*) або англійскай (*a Judas kiss*) моў – *Юдаў (іудаў) пацалунак* ‘зрадніцкі ўчынак пад маскай добразычлівасці, сяброўства’.

Супастаўленне фразеалагічных адзінак, прапанаваных рознымі анлайн-перакладчыкамі з беларускай мовы на рускую (Табліца 1) паказвае, што найбольшай эквівалентнасцю семантыка-стылістычных параметраў характарызуюцца адпаведнікі фразеалагізмаў, агульных для некалькіх славянскіх моў (*жыўцом з’есці, хоць гаць гаці*), а таксама фразеалагізмаў, якія з’яўляюцца калькамі ці паўкалькамі і маюць аналагі ў рускай мове (*Фама няверны, фігавы лісток*). Пры гэтым неабходна адзначыць, што Гугл-перакладчык прапануе ў некаторых выпадках эквівалентныя адпаведнікі ўласна беларускіх фразеалагізмаў (*на лес гледзячы*). Такім чынам, зроблены толькі пачатковыя крокі па стварэнні міжмоўных беларуска-рускіх (і адпаведна – руска-беларускіх) фразеалагічных анлайн-слоўнікаў, стварэнне якіх будзе садзейнічаць больш дасканаламу вывучэнню фразеалагічнага ладу беларускай мовы, што на сённяшнім узроўні магчыма з прымяненнем інфармацыйных тэхналогій.

Табліца 1 – Фразеалагічныя адпаведнікі, прапанаваныя анлайн-перакладчыкамі

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы [13]	Google перакладчык [10]	Яндакс перакладчык [11]	Белазар [8]
1	2	3	4
Жаба ў каляіне	Жаба в колее	Лягушка в колее	Жаба в колее
Жыўцом з’есці	Живьем съесть	Заживо съесть	Живьём съесть

Заканчэнне табліцы 1

1	2	3	4
На лес гледзячы	Как на дрожжах	На лес глядя	На лес смотря
Фама няверны	Фома неверный	Фома неверный	Фома неверный
Фігавы лісток	Фиговый листок	Фиговый листок	Фиговый листок
Фількава грамата	Филькина грамота	Фількава грамата	Филькина грамота
Хварэць на пана	Болезнь пана	Болезнь на пана	Болезнь на барина
Хвост падтуліць	Хвост падтулиць	Хвост падтуліць	Хвост поджать
Хоць гаць гаці	Хоть пруд пруди	Хоть пруд пруди	Хоть пруд пруди
Хоць зубы на паліцу кладзі	Хотя зубы на полку клади	Хоть зубы на полку клади	Хотя зубы на полку ложи
Шчупакоў вудзіць	Щук удить	Щук ловить	Щучий удит
Юдаў пацалунак	Иудин поцелуй	Иудин поцелуй	Иуд поцелуй
Як пшаніцу прадаўшы	Как пшеницу продав	Как пшеницу продав	Как пше-ницу продав

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Вышэйш. шк., 1998. – 271 с.
2. Лепешаў, І. Я. Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 264 с.
3. Ляшчынская, В. А. Фразеалагічныя адзінкі ў мове Янкі Купалы : манаграфія / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2008. – 184 с.

4. Ляшчынская, В. А. Сучасная беларуская мова: Фразеалогія / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2010. – 230 с.
5. Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Якуба Коласа : звыш 6000 слоўн. арт. / уклад. А. С. Аксамітаў [і інш.] ; пад рэд. А. С. Аксамітава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.
6. Ляшчынская, В. А. Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава ; М-ва адукац. РБ, Гомельскі дзярж. ун-т ім. Францыска Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007. – 312 с.
7. Хазанова, К. Л. Фразеалагізмы ў купалаўскім перакладзе “Кабзара” Шаўчэнкі / К. Л. Хазанова // Весці Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф.Скарыны. – 2000. – № 2 (25) – Беларуская мова. – С. 65–70.
8. Высновы аб папулярнасці названых інтэрнэт-рэсурсаў зроблены на падставе ўласных назіранняў аўтара за выкладчыцка-студэнцкай аўдыторыяй.
9. Belazar : беларускія лінгвістычныя камп’ютарныя праграмы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://belazar.info/belazar/index.php?page=belazar&lng=by>. – Дата доступу : 06.08.2018.
10. Беларуска-рускі слоўнік Скарнік [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://skarnik.by/belrus>. – Дата доступу : 06.08.2018.
11. Google Переводчик [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://translate.google.com>. – Дата доступа : 06.09.2018.
12. Яндекс. Переводчик [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://translate.yandex.by/> – Дата доступа : 06.09.2018.
13. Яндекс. Переводчик // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Яндекс.Переводчик>. – Дата доступа : 06.09.2018.
14. Google Переводчик // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/Google_Переводчик. – Дата доступа : 06.09.2018.
15. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://slounik.org/fraza/> – Дата доступу : 06.09.2018
16. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004. – 448 с.

ДА БУДЕТ ТАК: УСТОЙЧИВЫЕ ДРЕВНИЕ КОМПЛЕКСЫ В СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТАХ ЗАГОВОРОВ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ И УЧЕНИКОВ

Е. И. Холявко

В статье рассматриваются устойчивые словесные формулы в современных текстах заговоров, предназначенных для учителей и учеников; определяются основные типы текстов; характеризуются языковые и прагматические особенности текстов, предоставленных интернет-ресурсами.

***Ключевые слова:** устойчивый словесный комплекс, современный и архаичный заговор, интернет-ресурсы.*

The article deals with stable verbal formulas in modern conspiracy texts intended for teachers and students; the main types of texts are determined; language and pragmatic features of the texts provided by Internet resources are characterized.

***Key words:** sustainable verbal complex, modern and archaic conspiracy, Internet resources.*

Заговоры представляют собой архаичный жанр сакрального фольклора, ассоциирующийся в современной цивилизованной среде с суеверием, необразованностью и инфантильным способом воздействия на окружающий мир с целью достижения желаемого. Парадоксальной на этом фоне выглядит востребованность заговорных текстов, предназначенных современным учителям и ученикам. Эти тексты не только размещены на специальных «магических» сайтах, они содержатся и в течение нескольких лет обсуждаются на интернет-страницах педагогов. И эта потребность, и сами тексты требуют серьезного изучения. Стоит прислушаться к мнению В. И. Даля: «Все на свете легче осмеять, чем основательно опровергнуть, иногда даже легче, нежели дать ему веру. Подробное, добросовестное разбирательство, сколько в каком поверье есть или могло быть некогда смысла, на чем оно основано и какую ему теперь должно дать цену и где указать место – это не легко» [1].

По своей направленности профессиональные заговоры можно разделить на несколько групп: во-первых, заговоры для учителей на дисциплину в классе, например: «Чтобы слушались ученики: в свой

выходной день зажгите пять свечей белого цвета и установите их на блюдечках без рисунков. Налейте в глубокую тарелку святой воды, опустите в нее пальцы рук и скажите девять раз такие слова заговора: *«Пусть сила моя приумножится, пусть власть моя возрастет, пусть разум над чувствами власть возьмет. Да будет так!»*. Потом зачерпните немного воды и затушите ею огонь первой свечи, сказав один раз заговор: *«Как вода над огнем властна, так и я властна буду над чадами и отроками!»*. Опять зачерпните воды и залейте огонь второй свечи, сказав такие слова: *«Как огонь гаснет по моему велению, так будут следовать моим указаниям чада и отроки!»* Третью свечу затушите со словами: *«Как огонь я заливаю, жизнь его я прекращаю, так заливаю я непослушание, болтание, кривляние чад и отроков!»*. Оставшиеся две свечи возьмите в руки и одновременно опустите в воду, сказав заговор: *«Потухло и погасло. Как я сказала, так тому и быть!»*. Потом перевяжите свечи лентой красного цвета и уберите в укромное место. Воду вылейте в комнатный цветок. Каждый выходной зажигайте свечи и минут пять-семь сидите перед ними, расслабившись, представляя, как Вы наполняетесь уверенностью и рассудительностью». Оценки учителей, высказанные при обсуждении этого текста, полярные: от «забавно» до «полезно». Учитывая возможность аутосуггестии, можно согласиться с обеими крайностями.

Вторую группу составляют заговоры, направленные на защиту учеников от «придинок учителей», например: «...нужно взять сырое куриное яйцо. Подойдите к спящему ребенку, в домашних условиях поставьте яйцо ему на лоб и шепотом читайте слова заговора на учебу и от несправедливости и пристрастности педагога: *«Как яйцо раньше курицы появилось, так и ученик важнее учителя. Закрываю рот учителю сына (дочери) моего (имя учителя) яйцами тухлыми, чтобы он сына (дочь) моего (имя ребенка) понапрасну не тревожил, не смущал, не обижал, поганых слов не говорил, а чтоб лелеял его и любил. Аминь»*. Заговоренное яйцо сварить и дать съесть вашему дитя. Через 3 дня действие заговора проявится в полную силу. Преподавателя, на которого вы читали заговор на хорошую учебу ребенка и от учительской несправедливости, словно подменят. Он изменит свое отношение к вашим детям в лучшую сторону». Способ родительского влияния сомнителен и агрессивен по отношению к педагогу. Более щадящей будет рекомендация: «утром при входе в школу, переступая школьный порог, пусть ученик про себя 3 раза читает заговор на хорошую учебу и от нападок преподавателей: *«Пришел учиться, а не заклюки слушать. Пусть мои учителя ко мне добры будут и справедливы. Истинно. Аминь»*.

В третью наиболее многочисленную группу входят заговоры на успешную учебу, адресованные школьникам и студентам. Магическую роль выполняют родители: «... когда ребенок спит, нужно взять три свежих куриных яйца и восковую свечу из церкви. Сварите яйца. Зажгите церковную свечку, положите рядом яйца и семь раз читайте слова оберега: *«Как яйцо началом было, так и учеба пусть началом послужит. Да будет она простой, ясной да успешной. А добрые ангелы пусть помогают сыну (дочери) моему, рабу Божьему (имя) учиться легко, споро и с интересом. Аминь»*. В аналогичных ритуальных ситуациях слова заговора сопровождают изготовление магических предметов-талисманов. Для родителей студентов рекомендуется заговор на воду: «Если ребенку трудно учиться в университете, рекомендую родителям» трижды читать заговор над стаканом чистой родниковой воды: *«Вода ясная, вода чистая, принесли тебя ручьи быстрые. В моего сына (дочь) (имя ребенка) проникай, знаниями его насыщай. Будет его разум быстрым, чистым, ясным. Будет ему учеба легко даваться. Будет он легко со всем справляться. Ключ, замок, язык. Аминь, аминь, аминь»*. Заговоренную воду нужно дать студенту, чтобы он выпил ее без остатка. Как вы понимаете, достаточно просто сделать амулет на учебу в универе, и помочь своему ребенку или себе, если вы учитесь, повысить успеваемость, возбудить желание учиться и познавать новое».

В отдельную группу мы выделили заговоры, призванные сберечь первоклассников. Текстов такой направленности в Интернете нашлось немного. Их особенностью является наибольшее проявление христианского воздействия, например: «Провожая ребёнка первый раз в первый класс, мама и другие родственники обычно волнуются, найдёт ли он общий язык с одноклассниками, не будут ли его в школе обижать и т. п. Прочитайте вслед уходящему сынишке или дочке следующий заговор от обидчиков: *«Стоит апостольская церковь, Висит в ней малёхонькая икона, В ней большая святая сила. Я б ту икону попросила: Как люди огонь рукой не берут, Так пусть раба (имя) не ругают и не бьют, Ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра, Ни в понедельник, ни во вторник, Ни в среду и ни в четверг, Ни в пятницу и ни в субботу, Ни с утра и ни днём. Ни один, и ни два, и ни втроём, И ни с какого-нибудь числа. Божьей иконе сила дана. Сбереги, Святая сила Раба Божьего (имя). Аминь»*. Приведем еще один пример, близкий по своей функции к молитве: «Читается он вслед: *«Ходатайствуй, Владычице Матерь Божия, Перед Сыном Твоим И пошли рабу (имя) премудрости Софии, Как отметил он царя Соломона Милостью своей. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь»*.

Приведенным примерам современных заговорных текстов присущи все отличительные признаки архаичного жанра. Вне фидеистического начала заговорные тексты лишены смысла: «... в живом заговоре утилитарно-магическое назначение всегда сильнее и важнее художественно-эстетической ценности. Заговор жив до тех пор, пока в него верят, иначе он превращается в музейный экспонат, в страницу из блокнота фольклориста». По справедливому мнению Н. Б. Мечковской, заговор «можно охарактеризовать как жанр с уклончивым волеизъявлением: это и не приказ, и не просьба, а (в инварианте) нечто вроде *Пусть будет так, чтобы...* Размытая модальность сочетается в заговоре с более общей коммуникативной неопределенностью: заговор – это не вполне умопостигаемое пожелание, неизвестно к кому и непонятно на каком основании обращенное. Однако за этой уклончивостью и невразумительностью стоит более глубокий коммуникативный смысл: представить колдующего как часть потустороннего и, следовательно, неумопостижимого мира. Все это и создает атмосферу фасцинации (чародейства, колдовства). Коммуникативная стратегия заговора состоит в том, чтобы творящий заговор ощутил себя причастным сверхъестественному миру, внушил это другим, включая неземные силы, и каким-то чудесным образом помог человеку» [2, с. 370–372].

Современный заговор также отражает глубокую веру в воздействующую силу слова, не случайно он адаптировался к педагогической среде: именно гуманитарное образование учителя предполагает акцентирование фасцинирующего и регулирующего влияния речи педагога, именно педагогическая среда создает условия для сохранения неконвенционального отношения к природе языкового знака. В условиях фрустрации, отсутствия предполагаемого типа обратной связи между субъектами учебной деятельности, при недостаточной сформированности профессиональных умений и навыков взаимодействия с аудиторией создание заговорных текстов и их востребованность в современной образовательной среде имеют объективную основу. Вероятно, не следует исключать из перечня объективных причин и субъективную – возможность стремления учителя к авторитарности поведения, к полному повиновению учащихся, что может быть проявлением профессиональной педагогической деформации. Объективная основа трех последних типов современных заговоров, обусловленная родительской сознательно-бессознательной обереговой мотивацией, очевидна.

Тексты современных заговоров с архаичными роднят и другие признаки: явные следы христианского влияния; сохранение числовой

и цветовой символики; ритмическая структура и композиция. Однако последняя в приведенных текстах по сравнению с древними выглядит более простой: могут отсутствовать зачины, но обязательно сохраняются закрепы (закрепки) – устойчивые словесные формулы, обеспечивающие действенность заговора. В этом отношении интересным представляется исследование устойчивых древних словесных комплексов в составе современных профессиональных заговоров, сопровождающих последовательность предписываемых ритуальных действий и закрепляющих эффективность их исполнения. В этой среде слово становится делом, отражая акциональную установку заговорного текста.

В числе магических формул, придающих силу и действенность заговору, в современных заговорах, адресованных учителям и ученикам, можно обнаружить традиционные *Да будет так; Так тому и быть; Аминь; Истинно. Аминь; Аминь, аминь, аминь; Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь; Ключ, замок, язык. Аминь, аминь, аминь.* Устойчивая символика замыкания, вневременной связи между инструментом и акциональным механизмом, утверждающим твердость и незыблемость создаваемой границы, отделяющей все нежелательное, вредоносное и очерчивающей свое, усиливает магическую силу звучащего слова и сопровождаемых им ритуальных действий в древнейшей заговорной формуле *Ключ, замок*, действенность которой призвана окончательно укрепиться третьим компонентом *язык* и трижды повторенным заклинанием *Аминь, аминь, аминь.*

Повышение суггестабельности заговорных текстов обеспечивается их акциональной направленностью. Поскольку заговор направлен на изменение существующей ситуации, ключевая роль, по мнению Н. В. Гультаевой, принадлежит глагольной лексике. «Акциональная установка заговорного текста находит отражение в активном своеобразном использовании глагольной лексики, эксплицирующей в различных контекстах идею разрушения или созидания объекта, и именно глаголам отводит основную роль при осуществлении магического воздействия» [3, с. 18].

Эффект перформативности создается не только традиционными глагольными формами первого лица, звуковыми соответствиями производимых ритуальных действий. В заговорных контекстах перформативность могут проявлять императивные глагольные формы, которые и в других ситуативно обусловленных контекстах выражают волеизъявление, однако не считаются перформативными формами в силу обозначения ирреального действия. Однако в текстах заговора функция слова иная: сакральное слово и есть дело, активизирующее сферу идеального: «Выражение в заговоре просьбы или приказа рав-

носиво совершению действия, подтверждением тому является заговорный контекст, не фиксирующий дальнейшее развитие событий. Именно в эпической разновидности заговора эта особенность форм повелительного наклонения проявляется наиболее отчетливо, так как в подобных случаях императив представляет собой семантическое ядро магического текста» [3, с. 18]. Не случайно в старославянском языке слово *ГЛАГОЛЬ* имело значения и ‘слово’, и ‘событие’.

На этом фоне заслуживают комментария устойчивые формулы выражения императивной семантики, пришедшие в народные тексты под влиянием книжной речи, например: *Да будет так; Пусть будет так*. Посредником между церковнославянской конструкцией и языческой сущностью заговора могли быть тексты деловой письменности, активизировавшиеся после XV в. Наиболее распространенными были формулы с побудительными частицами *да, пусть* в сочетании с глаголом с повелительным значением. Функции частиц в этих конструкциях не совсем служебные, потому что в условиях сакрального контекста, будучи прагматически обусловленной, актуализируется глубинная семантика усилительных частиц глагольного происхождения. Даже исполняя служебную функцию, *пусть* от *пустить* сохраняет элементы семантики ‘перестать удерживать силой, дать волю, принудить действовать’. В случае с *да*, возможно, проявляется результат совмещения форм повеления и аориста для выражения абсолютного времени действия во вневременной перспективе, что соответствует прагматике текста. Эти словесные формулы завершают текст заговора, закрепляя и усиливая его действенность, аналогично организации молитвенных текстов. Поэтому *Да будет так* часто считается славянским эквивалентом греческого *Аминь*. «Концовка, закрепка, или «заминивание» – своеобразная «магическая печать» [2]. По этой причине в народной речи книжное слово приобретает значение ‘конец, завершение дела’: в словаре В. И. Даля: *Аминь тому делу; всему делу аминь* ‘конец’; *Под аминь пришел* ‘под конец дела’; *Задать кому аминь* ‘порешить, уничтожить’.

Таким образом, устойчивые словесные комплексы современных заговоров опираются на традицию и закономерно наследуют все архаичные особенности.

Список использованных источников

1. Даль, В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

<https://sueverie.net/o-poveryax-sueveriyax-i-predrassudkax-russkogonaroda-dal.html>. – Дата доступа : 09.10.2018.

2. Мечковская, Н. Б. Семиотика : Язык. Природа. Культура : курс лекций : учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Издательский центр «Академия», 2007. – 432 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.academia.edu/20307152/Мечковская_Н_Б_Семиотика. – Дата доступа : 09.10.2018.

3. Гультаева, Н. В. Язык русского заговора: лексика : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01 / Н. В. Гультаева; Уральский гос. ун-т. – Екатеринбург, 2000. – 20 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://netess.ru/3jazykoznanie/239517-1-yazik-russkogo-zagovora-leksika.php>. – Дата доступа : 09.10.2018.

УДК 811.161`373:398.9

К ВОПРОСУ О «РЕАЛЬНОСТИ» НЕКОТОРЫХ ПОСЛОВИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н. И. Шабулдаева

Языковая единица может быть реально существующей в языке, если она обладает качествами повторяемости и воспроизводимости. Данные требования могут быть применены и к устойчивым оборотам. Данная статья ставит вопрос, функционируют ли реально в русском языке некоторые пословицы, или это только потенциал языка.

Ключевые слова: пословица, функционирование, интернет-ресурсы, Национальный корпус русского языка, частота употребления.

A language unit can be real in a language if it has the qualities of repeatability and reproducibility. These requirements can be applied to steady turnover. This article raises the question of whether some proverbs really function in the Russian language, or is it only the potential of a language.

Key words: proverb, functioning, Internet resources, Russian National Corpus, frequency of use.

Имеется большое количество различного рода изданий, в которых приводятся по-разному классифицированные устойчивые обороты. Одним из требований к таким языковым единицам, наряду со сло-

вом и морфемой, можно отнести обязательное условие их повторяемости и воспроизводимости. В связи с этим можно поставить вопрос о том, действительно ли в языке, в частности русском, имеются приведённые в словарях устойчивые сочетания (пословицы, поговорки, афоризмы и т. д.) или это ещё потенциальные возможности языка, наряду с потенциальными словами, такими как *говоритель* наравне со *смотритель*, *слушатель*, *сиренинка* параллельно с *пушинка*.

Именно интернет-ресурсы дают возможность ответить на вопрос: «А был ли мальчик, может, мальчика-то и не было?» [1, с. 19]. В качестве материала для исследования в результате бессистемной выборки были взяты несколько пословиц из словаря В. И. Даля «Пословицы русского народа», содержащие какое-либо название хлебного изделия: *Хлеб – всему голова*; *Не хлебом единым*; *Калачом не заманишь*; *Хлеб на стол, так и стол престол, а хлеба ни куска – так и стол доска*; *Счастливый – что калач в меду, кому чин, кому блин, а кому и клин*; *Одна корка, да и той подавился*; *Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец родной*; *Не просвирнино дитя: не видно сквозь тебя*; *хлеб да крупы на здоровье лупи*; *Ел бы пирог, да в печи сжег* (всего 11) [2]. В качестве инструментов, позволяющих провести исследование, привлекаются данные Национального корпуса русского языка [3] и различные сайты, обнаруженные с помощью поисковой системы Google.

При изучении функционирования вышеуказанных пословиц в расчёт принимается характер текста: это словарь, энциклопедия или «живое» употребление.

Мы взяли на себя смелость предположить, что реально наиболее частотной из указанных является пословица *Хлеб – всему голова*. Национальный корпус русского языка располагает следующим количеством употреблений этого устойчивого выражения по подкорпусам. В текстах Основного корпуса оно зафиксировано в 10 документах 13 раз.

В XIX веке в разных произведениях дважды его использовал П. И. Мельников-Печерский: *А покинуть соху с бороной Чубаловым неохота была: дело привычное, к тому ж хлеб всему голова, а пахота всякому промыслу царь* (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875–1881)); *Хлеб – всему голова: есть хлеб – все есть: нет – ложись, помирай* (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871–1874)).

В XX и XXI веках пословица *Хлеб – всему голова* используется преимущественно в текстах публицистического характера. В Основном подкорпусе обнаружены такие употребления: *Скажите после этого, что огонь плохой химик! «Хлеб – всему голова» – старая пого-*

ворка. И верно: любая пища приедается, а вот хлеб – никогда! (И. Вольпер. Хлеб, который мы едим // «Химия и жизнь», 1966); По их примеру в колхозах и совхозах развертывается социалистическое соревнование. Первостепенное внимание – зерну: **хлеб всему голова!** У энтузиастов почина удельный вес пшеницы в общем производстве хлебов превышает 60 процентов (Пример флагманов соревнования // «Вперед» (Калязинский р-н Калининской обл.), 1968); Вот оттуда, с горевшего поля сорок первого, вынесла я, пятилетняя Рита, теплые зерна, которые взошли памятью о хлебе через десятилетия, в 1983 году, в моем школьном музее «**Хлеб – всему голова**». (Вольдемар Енишерлов. Юго-Западный фронт (2003) // «Наш современник»).

Газетный корпус располагает 9 документами и 10 вхождениями. Все они используются в XXI веке: «Ладно, – отчаялся я вразумлять их, – вы хотя бы не станете отрицать, что **хлеб всему голова**, а один день год кормит?» (Зинаида Лобанова. Село – страны родной оплот: даешь рекордный намолот! // Комсомольская правда, 2001.08.02); *Есть ведь семьи, которым даже батон может оказаться не по карману... – Мы привыкли, что **хлеб всему голова**. Но это уже не так!* (Нина Кузьмина. Чего ждать от цен на хлеб // Комсомольская правда, 2012.11.15).

В материалах остальных корпусов данная пословица не представлена.

Интернет-ресурс Google выдаёт огромное количество сайтов самого разного толка с использованием данной пословицы. Их можно классифицировать в зависимости от общего направления информации:

– публицистические: 15 сент. 2017 г. – **Хлеб – всему голова**: Россия побеждает в мировой «зерновой войне» | Русская весна. Для России 2017 год может стать рекордным по ... rusvesna.su/news/1505466092; 9 окт. 2018 г. - **Хлеб – всему голова**. Этого хлебобоба два десятилетия назад я снял в Пастаргоме. В самую глубинку Самаркандской области меня ...**Хлеб – всему голова**» Новости Узбекистана: Независимая газета <https://nuz.uz> › Вкусный Узбекистан;

– образовательные: Открытое занятие по развитию речи на тему: **Хлеб всему голова**. Цель: Совершенствовать знание детей о значимости хлеба. Тема; "Хлеб всему голова" – дошкольное образование, уроки https://kopilkaurokov.ru/doshkolnoeObrazovanie/uroki/tiema_khlieb_vsiemu_gholova – 26 мар. 2018 г.;

– обиходно-познавательные: «**Хлеб – всему голова**.» Пожалуй, это самая популярная пословица о хлебе, однако, толкование ее знакомо не всем. Значение хлеба в жизни людей сложно оценить. Без него не обходился ни один прием пищи, ни одно застолье, потому что

хлеб – это сытно и полезно. hlebosol.info/folk/poslovica/tolkovanie/;
Хлеб всему голова? Человек устроен так, что ему нужно питаться, хотя бы раз в день. Сегодня самый недорогой и распространённый ...
Хлеб – всему голова? – ВАИКРА – Ваикра vaikra.com/721-khleb-vsemu-golova.html; **Ржаной хлеб – всему голова | Пражский Телеграф** *ptel.cz* › Женщины › Дом – 22 февр. 2018 г. – В рационе людей, которые следят за своим питанием, часто встречается ржаной *хлеб*. Он обладает целым набором полезных свойств ...; «*Хлеб – всему голова*» – слова, прославленные в песне, звучавшей когда-то по всему Советскому Союзу. Песня забылась, но родились сомнения: так ли ... shas-live.com/my-to-cto-edim/hleb-vsemu-golova;

– реклама: (Гомель – Чечерск – а.г.Ботвиново – Гомель). «*Хлеб – всему голова*» – гласит народная мудрость. Хлеб – не просто продукт. Это всегда история страны, ... gomeltourist.by/travels/excursions-in-belarus/khleb-vsemu-golova/.

Данная пословица встречается даже в компьютерных играх: Трофей Bake Bread / *Хлеб – всему голова* игры Minecraft: PlayStation4 Edition на Stratege.ru, огромном портале по играм к игровым приставкам (Xbox, ...Трофей Bake Bread / *Хлеб – всему голова* игры Minecraft ... – Stratege https://www.stratege.ru/ps4/trophies/minecraft/spisok_1/bake_bread.

Лексикографических источников, приводящих данную пословицу, очень много: *Хлеб всему голова*. – Словари и энциклопедии на Академикe [https:// dic.academic. ru/dic. nsf/dahl_proverbs/16869/Хлеб](https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/16869/Хлеб).

Результаты поиска устойчивого выражения *Не хлебом единым* в Основном корпусе НКРЯ свидетельствуют, что оно обнаружено в 84 документах и имеет 113 вхождений. Тематика документов также довольно разнообразная:

– художественная проза: *На праздниках Снежана смотрелась лучше всех в бархатном зелёном платье и лаковых туфельках. Но не хлебом единым жив человек. Особенно в молодые годы* (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002); *Ведь живы – не хлебом единым, Но Словом Божественных Уст, Превыше миражного, злого – Свидетельство Отчей любви, Нетленное светлое Слово: Не сдайся, надейся, живи* (Алексей Горшенин. Многостаночник // «Сибирские огни», 2013);

– научно-популярные статьи: *Не вокруг «политики», а вокруг истории с пастернаковским «Доктором Живаго», повести Дудинцева «Не хлебом единым», сборников «Литературная Москва» и «Тарусские страницы», вокруг выставки авангардистов в Манеже*

(Александр Даниэль, Ирина Прусс. По краю // «Знание – сила», 2008); *Летящая птица напоминает о том, что не хлебом единым жив человек и мир женщины не должен ограничиваться земными радостями и заботами, душа ее должна стремиться ввысь, к Небу* (Валентина Павловская, Т. Правоторова. Магия русского костюма // «Наука и религия», 2007);

– публицистические материалы: *Понятно, что в отличие от глубоко экономических показателей эти факторы в любом обществе меняются чрезвычайно медленно, хотя именно они и составляют его основу. Не хлебом единым* Графики рождаемости, смертности и продолжительности жизни россиян на протяжении XX столетия беспристрастно отражают то, что происходило со страной (Б. Руденко. Исчезающая Россия. Заметки со всероссийской конференции по демографии // «Наука и жизнь», 2007).

Газетный корпус располагает довольно значительным количеством документов с рассматриваемым устойчивым выражением. Выявлено 64 документа и 83 вхождения. Первый по времени фиксации документ относится к 2000 году: **НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ** Бывший гамбургский кондитер Рюдигер Неберг отпраздновал на днях свое 65-летие (Колчанов Рудольф соб. корр. “Труда”. Чудаки по-немецки // Труд-7, 2000.06.01).

В Поэтическом корпусе обнаружен один документ: **Не хлебом единым**, – сказала старуха / И каждому мерит от чистого духа / И мира сего: Огонь для солдата, лазурь для поэта, / Росу для вдовы, молоко для последа, / Себе – ничего (Ю. П. Кузнецов. Семейная вечеря (1977)).

Устный корпус имеет данные по трём фильмам: [Людмила Сорулева, жен] *Восторг такой! Не хлебом единым жив человек. Может быть так?* (Живая душа (Лаишевский район, Татарстан). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура», 2009); [№ 9, муж, 24] *Вы считаете / если хлеб и колбаса есть в магазине...* [№ 5, жен, 44] *Я считаю / что не хлебом единым... В блокаду не было ни хлеба / ни колбасы / однако люди как-то...* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Воронеж) // Фонд «Общественное мнение», 2003); [Петрушкова, Тамара Макарова, жен, 65, 1907] *Ну и не одна столовая. Как говорится / не хлебом единым. Есть ещё спортзал / клуб / кинозал / библиотека* (Сергей Герасимов. Любить человека, к/ф (1972)).

Поисковая система Google на просторах Интернета находит огромное количество примеров использования выражения *Не хлебом единым*. Можно найти объяснение происхождения самого выражения:

Не хлебом единым жив человек: Из Библии (Ветхий Завет, Второзаконие, гл. 8, ст. 3). Моисей, успокаивая свой народ, утомленный долгом... Не хлебом единым жив человек – Словари и энциклопедии на ...https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/1749/.

Обнаруживается использование выражения в публицистических целях: 27 июля 2018 г. – **Не хлебом единым**: запрет на возврат продуктов поставщикам предложили смягчить. Минсельхоз написал новый проект отзыва на... ren.tv/.../ne-hleбом-edinym-zapret-na-vozvrat-produktov-postavshchikam-predlozhit..; ТЭНДЭНЦЫП. **НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ**. ВОпрОсЫ фОрМИрОВАНИЯ этНИчЕскОй куЛЬтурЫ МОЛОДЕЖИ. Валерий БОЛБАС, кандидат педагогических наук,. beldumka.belta.by/isfiles/000167_895035.pdf; «**Не хлебом единым** живится душа человечья». Зал встал, когда Жанна Бичевская финишировала песней: «Мы русские, мы русские, мы русские – мы ...<https://b-port.com/smi/8/3782/70408.html>.

Закономерно это выражение обнаруживается на религиозных сайтах: Религия: Не хлебом единым. Советы священнослужителя | КП ... <https://www.kp.by/daily/rubric/sovet-sviat/>

Подобным образом исследованы и остальные устойчивые обороты. НКРЯ располагает приведённым в таблице количеством документов и вхождений по пословицам.

Таблица 1 .

	<i>Хлеб – всему голова</i>	<i>Не хлебом единым</i>	<i>Калачом не заманишь</i>
Основной	10/13	84/113	36/36
Газетный	9/10	64/83	26/26
Параллельный	–	–	5/5
Устный	–	3/3	3/3
Поэтический	–	1	–

Остальные 8 пословиц ни разу не используются в текстах НКРЯ. В других интернет-ресурсах они представлены почти исключительно во фразеологических словарях. Пословица *Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец родной* пользуется чуть большей популярностью в связи с крупой гречкой и кашей из неё: *Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной*. ... Гречневая каша – Наиболее проста в смысле варки гречневая каша, имеющая ... <https://slovar.wikireading.ru/4226823>;

16 июл. 2016 г. – Новости – 2016 – 07 – *Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной* – Легендарной солдатской гречневой ... pravosl.uv66.ru/.../grechnevaja-kasha-matushka-nasha-a-khlebet-rzhanojj-otets-nash-...

Вывод. Наше предположение и автора одного из сайтов о том, что пословица *Хлеб – всему голова* является наиболее известной, популярной, не оправдалось. Считаю, что тексты НКРЯ являются не искусственным, а живым функционированием русского языка, в противоположность выявленным нами текстам, обнаруженным поисковой системой Google. В данном случае рассмотренные пословицы вводятся в тексты с высокой долей искусственности, преднамеренности, либо они только в словарях.

Хочется повторить свой вопрос: «Так есть ли реально такие пословицы в языке или это только лексикографические факты?». Никто не отменял такого требования к языковому явлению, как повторяемость и воспроизводимость. В данном случае носителями языка реально не употребляются, и можно предположить с высокой долей вероятности, что эти пословицы им даже не известны. Вероятно, они представляют собой разовое, штучное образование, указывают на потенциал языка и общее мировоззрение народа-носителя языка. В нашем случае такими являются: *Хлеб на стол, так и стол престол, а хлеба ни куска – так и стол доска; Счастливый – что калач в меду; Кому чин, кому блин, а кому и клин; Одна корка, да и той подавился; Не просвирнино дитя: не видно сквозь тебя; Хлеб да крупы на здоровье луи; Ел бы пирог, да в печи сжег.* Пословица *Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец родной* проявляет некоторую частотность в употреблении, но характер текстов ограничивается кулинарной или образовательной сферами. Вопрос поставлен. Имеет ли он окончательный ответ?

Список использованных источников

1. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4000 единиц / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. – 613, [1] с.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : «ННН» «ЭКСМО-ПРЕСС», 2000. – 614 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 02.10.2018.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА В ИССЛЕДОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

О. Г. Яблонская

В статье рассматриваются возможности применения Национального корпуса русского языка в исследовании фразеологических единиц с компонентом-зоонимом. Выявляются и анализируются факторы, которые влияют на представленность данной группы единиц в корпусе русских художественных текстов XX–XXI веков.

Ключевые слова: Национальный корпус русского языка, фразеологическая единица, фразеологическая парадигма.

The article is about the potential of Russian National Corpus in studying phraseological units with zoonymic component. Factors, that influence representation of these units in literary texts of the XX–XXI centuries, are defined and analyzed.

Key words: Russian National Corpus, phraseological unit, phraseological paradigm.

Компьютерные технологии – неотъемлемая часть современной жизни. Развитие электронных ресурсов повышает доступность научной литературы и позволяет увеличить и разнообразить объем фактического материала изучения. В качестве одного из подобных источников информации выступает Национальный корпус русского языка. Электронные корпуса разрабатываются и изучаются в рамках корпусной лингвистики – раздела компьютерной лингвистики, «занимающегося разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с использованием компьютерных технологий» [1, с. 3], т. е. корпусная лингвистика рассматривается как область лингвистики, связанная также с применением корпусов текстов в качестве инструмента лингвистического исследования. Зарубежный лингвист С. Т. Грис говорит о том, что значимость корпусной лингвистики как метода изучения увеличивается во многих отраслях языкознания и является самым значимым современным методом в исследовании фразеологии [2].

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) — информационно-справочная система, основанная на собрании размеченных особым образом русских текстов в электронной форме. Данный источник

позволяет вывести изучение русского языка на определенном этапе его развития (в нашем случае XX–XXI века) во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов на новый уровень. НКРЯ незаменим в исследовании «тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов – от одного до двух столетий» [3]. Понятие «корпус» обычно используется по отношению к совокупности текстов. Исследование фразеологизмов на основе данных НКРЯ реализуется нами в рамках **корпусной фразеологии**, под которой будем понимать раздел корпусной лингвистики, изучающий фразеологические единицы в текстах, т. е. в том виде и с такими характеристиками, как они проявляют себя в тексте / речи.

В качестве материала исследования нами были рассмотрены фразеологические единицы русского языка с компонентом-зоонимом, которые представляют собой один из самых объемных сегментов фразеологического фонда русского языка. Понятие «зооним» в данном исследовании включает в себя лексемы, обозначающие млекопитающих, птиц, насекомых и т. п. (т. е. реальных живых существ) и производные от них слова. Прежде всего, была создана картотека данной группы фразеологизмов, которые извлекались методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского языка. Общий объем рассматриваемых фразеологизмов составил 763 единицы. Зоонимы являются стержневыми компонентами 103 фразеологических парадигм (ФП), количественный состав которых варьируется в пределах от 1 до 54 единиц. Одна парадигма может быть представлена разными названиями одного вида животного, имеющими половую, возрастную или другую маркированность, например, *петух – курица – цыпленок*.

В процессе изучения фразеологических единиц с компонентом-зоонимом (ФЕКЗ) было выявлено, что в произведениях XX–XXI веков, представленных в НКРЯ (более 6000 фрагментов текстов), употребляются единицы только из 86 фразеологических парадигм (из 103 рассмотренных). Это объясняется общими тенденциями в развитии языка, в том числе актуализацией отдельных фразеологизмов в определенный исторический период, а также той ролью, которую играют животные в жизни человека, в том числе в быту, в мифологии, системе символов и прочем. Например, выражение *соболей ловить* ('отправиться в ссылку') можно отнести к фразеологическим историзмам в связи с исчезновением из жизни общества понятия, обозначаемого ФЕ, а также в связи тем, что количество соболей значительно уменьшилось за последние десятилетия. Хотя для XIX века это был «современный» фразеологизм: *Разговаривать на улицах не смеют:*

*сейчас налетит подслушник, переведет беседу по-своему, прибавит, убавит, и, того гляди, собеседники отправляются в полицию, оттуда и подальше, **соболей ловить** или в школу заплечного мастера [И. И. Лажечников. Ледяной дом (1835)].*

Работа с Национальным корпусом русского языка позволила охарактеризовать группу ФЕКЗ в корпусе русских художественных текстов XX–XXI веков.

Самой многочисленной, по количеству ФЕ вообще и по единицам, употребленным в текстах, является фразеологическая парадигма с компонентом-зоонимом *собака / пес / кобель / сука / щенок* (46 фразеологизмов в 948 фрагментах текстов). Чаще всего употребляется выражение *как собака* с определенной группой глаголов в значении ‘очень, сильно’ (108 цитат): *Анна уставала как собака, и присутствие в доме активного детского начала было ей не по силам и не по нервам [В. Токарева. Своя правда (2002)].* Такая высокая представленность в текстах может быть объяснена структурой выражения (в качестве адвербиального компонента оно присоединяется к глаголу по типу примыкания и выполняет функцию наречия, т. е. усиливает значение соответствующего глагола). В данном примере, как и в большинстве фразеологизмов с компонентом *собака*, проявляется ярко выраженное отрицательное значение. Незначительная часть ФЕ имеет положительную или нейтральную коннотацию: *И тут Рита – журналист, знаток человеческих душ, собаку съевшая на мужской психологии – поняла, кто она, эта незнакомка [Т. Тренина. Никогда не говори «навсегда» (2004)]; Москва – город чужой, но это в каком-то смысле лучше, никто тебя не знает, ни одна собака [Г. Щербакова. Митина любовь (1996)].* Другими распространенными ФЕ с этим компонентом являются *с жиру собаки бесятся* (64), *псу под хвост* (60 фрагментов), *пес его знает* (43), *собачья жизнь* (37).

Второй по количеству единиц является ФП с зоонимами *конь / кобыла / лошадь / мерин* (383 фрагмента). Данная группа зоонимов употребляется в 48 фразеологизмах, однако в исследуемом корпусе фиксируются только 25 из них. К самым распространенным в текстах единицам относятся: *сесть на своего любимого конька* (21 фрагмент), *железный конь* (20) и *конь не валялся* (19), например: *Железный конь идет на смену крестьянской лошадке [И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок (1931)]; Но тут Сергей сел на своего любимого конька, повторил то же, что и в классе когда-то сказал: не понимает он, что такое борьба классов, не доходит до него [Л. Р. Кабо. Ровесники Октября (1964)]; Гости придут с минуты на минуту, а у меня еще конь не валялся [А. Белозеров. Чайка (2001)].* Реже встречаются выраже-

ния лошадиная доза (18 фрагментов), *ломовая лошадь / ломовой конь* (18), *бред сивой кобылы* (16), *не в коня корм* (16).

Третья ФП содержит зооним *волк*. Всего выявлено 329 фрагментов текстов, в которых употреблены 28 из 44 языковых единиц. Несмотря на то, что данный зооним чаще всего создает негативный стереотипный образ человека, предмета или ситуации, в художественных текстах преобладает выражение с положительной оценкой *морской волк* ('старый, опытный моряк'), которое встречается в 70 фрагментах текстов, например: *Он прекрасно понимал, что настоящий морской волк обязательно должен быть несколько груб* [В. П. Катаев. Белеет парус одинокий (1936)]. К другим распространенным оборотам относятся: *с волками жить – по-волчьи выть* (35 фрагментов); *волчьи ягоды* (34); *человек человеку волк* (27); *волчий билет* (20), *волчий аппетит* (20).

Широко представлены в художественных текстах ФЕ с зоонимами *петух / курица / цыпленок* (390 употреблений), *бык / корова / теленок* (346), *кот / кошка / котенок* (260). Самыми употребительными являются выражения *на курьих ножках* (73 фрагмента), *пустить красного петуха* (45), *мокрая курица* (40), *курам на смех* (37); *хватать быка за рога* (67), *как корова языком слизнула* (35), *здоров как бык* (30); *играть в кошки-мышки* (41), *кошки на душе скребут* (35), *кот в мешке* (20). Эти ФЕ описывают совершенно разные аспекты жизни человека, иллюстрируют его мировоззрение и подчеркивают склонность отождествлять все окружающее с миром животных (как бы снимая с себя ответственность, приравнивая человеческую сущность и сущность животного: *я – как собака / курица / бык*).

Фразеологизмы с зоонимами *индюк, жук, еж, вошь, комар, вьюн, белуга* и некоторыми другими представлены в текстах немногочисленными или даже единичными оборотами: *и жук – мясо* (1 фрагмент); *дать дрозда* (1); *витья вьюном* (3); *ни пава, ни ворона* (2); *павой ходить* (3); *раздулся, как индюк* (9); *кормить вшей* (11); *коришном налететь* (17); *как сельди в бочке* (18); *реветь белугой* (20); *комар носа не подточит* (39); *держат в ежовых рукавицах* (43). Данные виды птиц, насекомых, рыб не используются при ведении хозяйства, не облегчают деятельность человека или являются малозначимыми в жизни людей. В основе большинства ФЕ с данными компонентами лежат внешние характеристики или исторически сложившиеся представления, не объяснимые с точки зрения современного языка, из чего следует, что в языке мало фразеологизмов с данными зоонимами, поэтому они редко употребляются в художественных текстах.

Таким образом, представленность тех или других фразеологизмов в текстовом пространстве обусловлена их структурной организа-

цией, актуальностью значения в конкретный временной период и семантическим потенциалом, что выявляется с помощью применения подходов корпусной фразеологии. Использование интернет-ресурса Национальный корпус русского языка в исследовании ФЕ помогает установить семантический диапазон фразеологизмов, оценить их структурно-семантические возможности вхождения в сюжетно-композиционное пространство текстов, выявить особенности функционирования рассматриваемых единиц; также способствует выявлению синтагматических и парадигматических связей фразеологизма с другими единицами текста, которые, с одной стороны, способствуют проявлению фразеологической однозначности, а с другой – раскрывают индивидуальные, контекстуально обусловленные компоненты значения фразеологического оборота.

Список использованных источников

1. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика : учеб.-метод. пособие / В. П. Захаров. – СПб. : СПбГУ, 2005. – 48 с.
2. Gries, S. Th. Phraseology and linguistic theory [Electronic resource] : a brief survey. Phraseology : an interdisciplinary perspective / Stefan Th. Gries ; edited by Sylviane Granger and Fanny Meunier. – Santa Barbara : University of California, 2008. – P. 3–25. – Mode of access : http://www.linguistics.ucsb.edu/faculty/stgries/research/2008_STG_PhraseologyLingTheory_Phraseology.pdf. – Date of access : 24.03.2017.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 05.09.2018.

Содержание

<i>Аксёничкова А. А.</i> Русские фразеологизмы с компонентом <i>сердце</i> и их соответствия в китайском языке (по материалам Национального корпуса русского языка).....	3
<i>Алейник Р. Д., Ничипорчик Е. В.</i> Пословица <i>Соловья баснями не кормят</i> в словарях и текстах: устойчивое и изменчивое.....	8
<i>Андрэйкавец А. М.</i> Сімволіка і культурная семантыка фразеалагізмаў з кампанентамі <i>адзін і першы</i>	16
<i>Арефьева Н. Г.</i> К вопросу о верификации фразеологизмов русских островных говоров Одесщины с опорой на интернет-ресурсы.....	21
<i>Асенчик Е. Ф., Шарникова А. В.</i> Фразеологизм как средство создания комического в анекдотах.....	26
<i>Банзерук О. В.</i> Символическая семантика фразеологизмов с фитонимным компонентом в русском и украинском языках.....	30
<i>Бартош Ю. В.</i> Традиционная и сетевая поэзия: общее и специфическое.....	36
<i>Беженару Л. Е.</i> Фразеология в метаморфозах эмансипации женщин	41
<i>Белодед В. А.</i> Концепт «женщина» в китайской и русской фразеологии.....	44
<i>Гомонова И. Г.</i> К вопросу об использовании статистических корпусных данных во фразеологических исследованиях.....	50
<i>Даніловіч М. А.</i> Вытокі і ўжыванне фразеалагізма <i>Бог жыве</i> (паводле матэрыялаў друку і Інтэрнэта)	57
<i>Завтريкова П. С.</i> <i>С миру по нитке...</i> в корпусе текстов и интернет-пространстве (языковая игра в социальном контексте).....	64
<i>Зверева А. И.</i> Семантический аспект фразеологизмов функционально-тематического поля «юридическое дело» в белорусском и английском языках (на примере лингвистических корпусов).....	71
<i>Кавалёва А. В.</i> Выкарыстанне паралельнага корпуса ў параўнальна-супастаўляльных даследаваннях фразеалагічных адзінак (на матэрыяле рамана І. П. Шамякіна “Атланты і карыятыды”).....	77
<i>Ковалевич И. О.</i> Окказиональное преобразование фразеологизмов в массмедийном дискурсе (на материале интернет-изданий).....	81
<i>Коваль В. И.</i> От <i>заклятых врагов</i> – к <i>заклятым друзьям и подругам</i> (эволюция фразеологизма по данным интернет-источников).....	89
<i>Козловская М. М.</i> Некоторые особенности употребления выражения <i>денежный мешок</i> в зеркале интернет-ресурсов.....	99
<i>Кураш С. Б., Струков В. В., Шур В. В.</i> <i>Сапраўдны паляшук</i> (<i>настоящий полешук</i>): от свободного словосочетания к фразеоконцепту (на материале интернет-ресурсов на белорусском и русском языках).....	103

<i>Лапацін Г. І. Я на сабачай лініі жыву... (з вопыту вывучэння дыялектных парэмій)</i>	111
<i>Лапицкая Н. И. Фразеологизм ставить (поставить) на ноги в Национальном корпусе русского языка и Белорусском N-корпусе</i>	116
<i>Лобанович А. В. Фразеологизм два сапога пара: семантический и функциональный аспекты (на материале Национального корпуса русского языка)</i>	121
<i>Маслова В. А. Интернет-поэзия: проблемы и перспективы</i>	126
<i>Мельникова О. Н. Особенности функционирования фразеологизмов с семантическим компонентом 'нежелание смотреть'</i>	130
<i>Негодина А. А. Устойчивые сочетания с компонентом революция в художественных и публицистических текстах (на материале Национального корпуса русского языка)</i>	136
<i>Новогран Ю. В. Источники интернациональной фразеологии античного происхождения (на материале национальных корпусов и словарей русского, белорусского и английского языков)</i>	142
<i>Ревуцкий О. И. Фразеологизм как художественный троп</i>	147
<i>Ромащенко Л. И. Паремииологическая ономастика в различных этнокультурах</i>	151
<i>Серикова И. В. Употребление пословицы На нет и суда нет в интернет-мемах</i>	159
<i>Собченко Н. С. Игра с неофразами в русскоязычном рекламном дискурсе Украины</i>	168
<i>Стародубец С. Н. «Русская идея» в современном русском языке</i>	174
<i>Степанова В. В. Хрустальное стекло / хрусталь: сходства и различия в дескрипциях свойств означаемого (на материале интернет-ресурсов)</i>	185
<i>Столярова А. Н. О фразеологизации сочетаний с компонентом чорны (на материале интернет-сайта газеты «Звезда»)</i>	192
<i>Стрижак А. Л. Фразеологизм рука Москвы в современных масс-медиа</i>	196
<i>Хазанова К. Л. Фразеалагізмы і анлайн-перакладчыкі</i>	202
<i>Холявко Е. И. Да будет так: устойчивые древние комплексы в современных текстах заговоров для учителей и учеников</i>	208
<i>Шабуддаева Н. И. К вопросу о «реальности» некоторых пословиц в русском языке</i>	214
<i>Яблонская О. Г. Использование Национального корпуса русского языка в исследовании фразеологизмов</i>	221

Научное издание

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В СВЕТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Сборник научных статей

Подписано в печать 21.11.2018. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 13,25.
Уч.-изд. л. 14,49. Тираж 60 экз. Заказ 767.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.